

**ИЗВЕСТИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**PROCEEDING OF THE
KABARDINO-BALKARIAN
STATE UNIVERSITY**

ТОМ II, № 2, 2012

Учредитель: Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова (КБГУ)

Главный редактор **Б.С. КАРАМУРЗОВ**
Первый зам. главного редактора **А.П. САВИНЦЕВ**
Зам. главного редактора **С.К. БАШИЕВА**
Зам. главного редактора **Х.Б. ХОКОНОВ**
Зам. главного редактора **А.А. ШЕБЗУХОВ**
Зам. главного редактора **Г.Б. ШУСТОВ**
Зам. главного редактора **М.М. ЯХУТЛОВ**
Ответственный секретарь **М.Ч. ШОГЕНОВА**

Редакционная коллегия

Волков Ю.Г., Гуфан Ю.М., Дзамихов К.Ф., Карлик А.Е., Матузов Н.И., Радченко В.П., Радченко О.А.,
Рубаков В.А., Фельдштейн Д.И., Фортов В.Е., Хавинсон В.Ц., Хохлов А.Р., Хуснутдинова Э.К., Гукешоков М.Х.,
Жамбекова Р.Л., Кетенчиев Х.А., Кочесоков Р.Х., Мизиев И.А., Шхануков-Лафишев М.Х.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-44485 от 31.03.2011 г.

Подписной индекс в Каталоге «Пресса России» 43720.

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых журналов, в которых должны быть опублико-
ваны основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Доступ к рефератам статей журнала осуществляется на сайте научной электронной библиотеки
«eLIBRARY.RU» (<http://elibrary.ru>).

ISSN 2221-7789

Адрес редакции: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004. г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Телефоны: (88662) 722313

E-mail: rio@kbsu.ru, <http://izvestia.kbsu.ru>

© Авторы, 2012

© Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова, 2012

Founder: Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov (KBSU)

Editor in chief **B.S. KARAMURZOV**
The 1st Deputy Editor **A.P. SAVINTSEV**
Deputy Editor **S.K. BASHIEVA**
Deputy Editor **H.B. KHOKONOV**
Deputy Editor **A.A. SHEBZUHOV**
Deputy Editor **G.B. SHUSTOV**
Deputy Editor **M.M. YAHUTLOV**
Executive sekretary **M.Ch. SHOGENOVA**

Editorial board

Volkov Yu.G., Gufan Yu.M., Dzamikhov K.F., Karlik A.E., Matuzov N.I.,
Radchenko O.A., Radchenko V.P., Rubakov V.A., Feldshtein D.I., Fortov V.E.,
Khavinson V.Ts., Hohlov A.R., Khusnutdinova E.K., Gukepshokov M.Kh., Zhambekova R.L.,
Ketenchiev Kh.A., Kochesokov R.Kh., Miziev I.A., Shkhanukov-Lafishev M.Kh.

Registration certificate PI № FS 77-44485 from 31.03.2011

Subscription index in the catalog «Russian Press» 43720

Access to abstracts of articles of the magazine is carried out on the Scientific Electronic Library Online
«eLIBRARY.RU» (<http://elibrary.ru>).

ISSN 2221-7789

Editorial address: Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov, 360004, Nalchik, Chernyshevsky st. 173

Phone number: (88662)722313

E-mail: rio@kbsu.ru, <http://izvestia.kbsu.ru>

© Authors, 2012

© Kabardino-Balkarian State University
of H.M. Berbekov, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ХИМИЯ

Хаширова С.Ю., Сапаев Х.Х., Мусов И.В., Виндижева А.С., Кармоков А.М., Карамурзов Б.С., Данилова-Волковская Г.М., Оранова Т.И. Поливинилхлоридный пластикат с повышенной пожаробезопасностью	5
Гаиева Р.Р., Хаширова С.Ю., Карамурзов Б.С., Кушхов Х.Б., Кармоков А.М., Данилова-Волковская Г.М., Оранова Т.И. Разработка огнестойких композиций на основе полибутилентерефталата	9
Мусаев Ю.И., Мусаева Э.Б., Квашин В.А., Гашаева Ф.А., Леднев О.Б., Кожемова К.Р. Новые ароматические полимеры карбо- и гетероциклического строения и их композиты с полиалкилентерефталатами	12

МЕДИЦИНА

Мамбетова А.М., Жетишев Р.А., Кравцова А.А. Механизмы прогрессирования вторичных осложнений у детей с врожденными пороками развития органов мочевой системы на фоне дисплазии соединительной ткани ...	14
Шогенова Ф.М., Узденова З.Х., Махова З.Р., Залиханова З.М. Влияние физиологических родов и абдоминального родоразрешения на физическое и половое развитие детей	19
Теммоева Л.А., Теммоев Д.Ч., Тхагапсоева Ж.А., Керимов М.Б. Психосоматические заболевания у детей	25
Курданова М.Х., Беспланеев И.А., Батырбекова Л.М., Курданов Х.А. Метаболизм L-аргинина у больных артериальной гипертензией в условиях высокогорья	28
Ульбашева А.С., Жетишев Р.А., Жетишева И.С. Физическое развитие и состояние тиреоидной системы при отсутствии йодной профилактики в ante- и постнатальном периодах у детей раннего возраста	31

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Маремшаова И.И., Аккиева С.И., Кагазев Б.С. Границы этнокультурного общения и этническое сознание	37
Мусукаев А.И., Смыр Г.В. О научном труде Ф.И. Леонтовича «Адаты кавказских горцев» (1882)	40
Гугова М.Х., Текуева М.А., Нальчикова Е.Х. Женское лицо в зеркале войны	42
Якубова И.И. Северо-Западный Кавказ в российско-турецких отношениях в середине XVIII века	45
Бетров Р.Ж., Бгажников Б.Х. К вопросу о формировании кабардинского этноса	48
Гукешоков М.Х., Дышеков М.В., Цолоев Т.С. Исторические формы национально-государственного устройства	53

ФИЛОЛОГИЯ

Биттирова Т.Ш., Бакова З.Х. Дефтеры как компонент исламской культуры балкарцев и карачаевцев	56
Малкондуев Х.Х. Творческая история «Песни о Крымшамхаловых»	59
Тегуев Б.И., Жабоева Е.А. Мифологема «конь» в постнартском эпосе (на материале карачаево-балкарской исторической песни)	62
Толгуров З.Х. Универсальные идеи и национальная литература	64
Хакуашев А.Х., Тегуев Б.И. Художественные традиции Пушкина и поэзия Али Шогенцукова	66
Эфендиева Т.Е., Эфендиев Ф.С. Современники о поэзии Керима Отарова	68

ФИЛОСОФИЯ

Ашнокова Л.М., Лолаев Т.П., Хараев Ф.А., Унежев К.Х., Эфендиев Ф.С. Идея глобального эволюционизма и проблема происхождения жизни	70
Кильберг-Шахзадова Н.В., Хубиев Б.Б. Ценностная парадигма в исследовании семьи	72
Кучуков М.М., Кечесокров Р.Х., Апажева С.С. Агрессивность как феномен кризисного социума	74
Мендохова И.М., Шевлова В.А. Сложные самоорганизующиеся системы как объект философской рефлексии	76
Хубиев Б.Б., Кильберг-Шахзадова Н.В., Ашхамахова А.А. Диалектика права и правосознания в самоорганизующемся гражданском обществе	79
Кучуков М.М., Дадашев А.А. Межнациональный консенсус как предпосылка сохранения целостности России	82

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Баков Х.И., Бакова З.Х. К вопросу о поэтике Л. Агноко	85
Борова А.Р. Хронотопическая модель интимной лирики А. Кешокова	87
Мусукаева А.Х., Толгуров З.Х. О национально-эстетической основе прозы Алима Кешокова	89
Тегуев Б.И., Бакова З.Х. Этнопоэтические символы в балкарской художественной традиции	91
Хакуашев А.Х., Хакуашева М.А. Традиции кабардинского фольклора и роман А. Шогенцукова «Камбот и Ляца»	93
Богданова Э.Н., Лолаев Т.П., Крайнюченко И.В., Унежев К.Х., Эфендиев Ф.С. Цели человечества и права человека	95
Крайнюченко И.В., Богданова Э.Н., Ашнокова Л.М., Унежев К.Х., Эфендиев Ф.С. Фантом свободы	97
Дзамихов К.Ф., Мальбахов Б.К. К вопросу о традиционном социально-политическом порядке феодальной Кабарды	99
Квашин В.А., Кожемова К.Р., Гашаева Ф.А., Балаева М.О., Миляева З.Р., Мусаев Ю.И., Мусаева Э.Б. Синтез и свойства новых полиформальоксиматов	102
Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «Известия Кабардино-Балкарского государственного университета»	105

CONTENTS

CHEMISTRY

- Khashirova S.Y., Sapaev H.H., Musov I.V., Vindizheva A.S., Karmokov A.M., Karamurzov B.S., Danilova-Volkovskaya G.M., Oranova T.I.** PVC with high fire safety 5
- Gaieva R.R., Khashirova S.Y., Karamurzov B.S., Kushkhov H.B., Karmokov A.M., Danilova-Volkovskaya G.M., Oranova T.I.** Development of fire resistant composition on the basis polybutylene terephthalate 9
- Мусаев Ю.И., Мусаева Э.Б., Квашин В.А., Гашаева Ф.А., Леднев О.Б., Кожемова К.Р.** Новые ароматические полимеры карбо- и гетероциклического строения и их композиты с полиалкилтерефталатами 12

MEDICINE

- Mambetova A.M., Zhetishev R.A., Kravtsova A.A.** Mechanisms of progressing of secondary complications at children with congenital developmental anomalies of urinary organs (UO) against the dysplasia of connective tissue (DCT) 14
- Shogenova F.M., Uzdenova Z.H., Mahova Z.R., Zalihanova Z.M.** Influence of physiological childbirth and cesarean surgery on children's physical and sexual development 19
- Теммоева Л.А., Теммоев Д.С., Тагапоева З.А., Керимов М.Б.** Psychosomatic pathology of children 25
- Kurdanova M.H., Batyrbekova L.M., Beslaneev I.A., Kurdanov H.A.** Metabolism of L-arginin et patients with arterial hypertension in the high mountains 28
- Ulbasheva A.S., Zhetishev R.A., Zhetisheva I.C.** Characteristics of a thyroid system physical development and state in infants for lack of iodine prophylaxis in the ante- and postnatal periods 31

HISTORY. CULTUROLOGY

- Maremshaova I.I., Akkieva S.I., Kagazejev B.S.** Borders of ethnocultural communication and ethnoconsciousness 37
- Musukaev A.I., Smyr G.V.** About F.E. Leontovich's treatise «Adats of the Caucasian mountain dwellers» (1882) 40
- Gugova M.H., Tekueva M.A., Nalchikova E.H.** Woman's face in the mirror of war (historiography and new research problems) 42
- Yakubova I.I.** North-Western Caucasus in the Russian-Turkish relations in the mid-18th century 45
- Betrozov R.J., Bgazhnokov B.H.** On the problem of the formation of kabardin ethnos 48
- Gukepshokov M.H., Dishekov M.V., Coloev T.S.** Historical forms of a national state system 53

PHILOLOGY

- Bittirova T.Sh., Bakova Z.H.** Defters (copy-books) as a component of Karachay-Balkarian Islam culture 56
- Malkonduev H.H.** Creative history of «Krimshamhalov's song» 59
- Tetuev B.I., Zhaboeva E.A.** Mythologem «horse» in postnart epos (on material of Karachay-Balkar historical song) 62
- Tolgurov Z.H.** Universal ideas and national literature 64
- Hakuashev A.H., Tetuev B.I.** Pushkins art traditions and Ali Shogentsukov's poetry 66
- Efendieva T.E., Efendiev F.S.** Literary critics and experts about Kerim Otarov and his creativity 68

PHILOSOPHY

- Ashnokova L.M., Lolaev T.P., Haraev F.A., Unezhev K.H., Efendiev F.S.** The idea of a global problem and evolutionism origin of life 70
- Kilberg-Shahzadova N.V., Hubiev B.B.** The paradigm of values in studies of families 72
- Kuchukov M.M., Kochesokov R.H., Apazheva S.S.** Aggressiveness as a phenomenon of the society in crisis 74
- Mendokhova I.M., Shevlovkov V.A.** Complex self-organizing systems as the object the philosophical reflection 76
- Hubiev B.B., Kilberg-Shahzadova N.V., Ashhamahova A.A.** The dialectics law and feel of law and order self-organization in the civil society 79
- Dadashev A.A., Kuchukov M.M.** Ethnic Consensus as a Condition of Preserving of Territorial Integrity of Russia 82

SHORT REPORTS

- Bakov H.I., Bakova Z.H.** On the poetics of L. Agnoko 85
- Borova A.R.** Chrono-topical model of A. Keshokov's love lyrics 87
- Musukaeva A.H., Tolgurov Z.H.** Ethnic and aesthetic basis of Alim Keshokov's prose 89
- Tetuev B.I., Bakova Z.H.** Ethnocultural symbols in Karachay-Balkar tradition 91
- Hakuashev A.H., Hakuasheva M.A.** Kabardian folklore traditions and novel «Kambot and Lyatsa» by A. Shogentsukov 93
- Bogdanova E.N., Krajnyuchenko I.V., Lolaev T.P., Unezhev K.H., Efendiev F.S.** The purposes of mankind and human rights 95
- Krajnyuchenko I.V., Bogdanova E.N., Ashnokova L.M., Unezhev K.H., Efendiev F.S.** The phantom of freedom 97
- Dzamiyov K.F., Mallbahov B.K.** On the traditional socio-political order of feudal Kabarda 99
- Kvashin V.A., Kozhemova K.R., Gashaeva F.A., Balaeva M.O., Milyaeva Z.R., Musaev Y.I., Musaeva E.B.** Synthesis and properties of new polyformaloximates 102
- The demand to the design of the scientific article, represented in the magazine «Proceeding of the Kabardino-Balkarian State University» 105**

ХИМИЯ

УДК 614.841.41

ПОЛИВИНИЛХЛОРИДНЫЙ ПЛАСТИКАТ С ПОВЫШЕННОЙ ПОЖАРОБЕЗОПАСНОСТЬЮ

Хаширова С.Ю., Сапаев Х.Х., Мусов И.В., Виндижева А.С.,
Кармоков А.М., Карамурзов Б.С., Данилова-Волковская Г.М., Оранова Т.И.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

sveta_daova@mail.ru, karmokov@kbsu.ru, liqidov1953@mail.ru

Требования по показателям пожарной безопасности к кабельной продукции становятся все более жесткими, большое внимание уделяется принципам подбора безгалогенных замедлителей горения, рецептурам антипиренирующих составов, реакциям модификации с введением фрагментов, снижающих горючесть полимеров.

В настоящей работе впервые исследовано влияние синергической смеси органоглины с гидроксидом магния и полифосфатом аммония на горючесть и теплостойкость серийного ПВХ-пластиката марки И 40-13 А.

Показано, что использование синергической смеси органоглины с гидроксидом магния и полифосфатом аммония в качестве наполнителя ПВХ-пластиката позволяет существенно уменьшить расход дорогостоящих антипиренов и получать кабельный пластикат с высокими огнестойкими, теплостойкими и физико-механическими свойствами. Диэлектрические свойства полученных композиций улучшаются в 10 раз по сравнению с исходным ПВХ.

Ключевые слова: поливинилхлоридный пластикат, органоглина, полифосфат аммония, гидроксид магния, огнестойкость.

PVC WITH HIGH FIRE SAFETY

Khashirova S.Y., Sapaev H.H., Musov I.V., Vindizheva A.S.,
Karmokov A.M., Karamurzov B.S., Danilova-Volkovskaya G.M., Oranova T.I.

Kabardino-Balcarian State University

The requirements for fire safety ratio for cable products are becoming more stringent, much attention is paid to the principles of selection of halogen-free flame retardants, recipes of fire-retarding compounds, reactions to the introduction of modified fragments reduces the flammability of polymers.

In this work we first researched the effect of synergistic mixtures of organoclay with magnesium hydroxide and ammonium polyphosphate on the flammability and thermal endurance of commercial I 40-13 A grade PVC.

In this research is mentioned that the use of synergistic mixtures of organoclay with magnesium hydroxide and ammonium-polyphosphates as filler of PVC plastic can significantly decrease consumption of expensive retardants and receive cable pvc with high fire-resistant, heat resistant and physico-mechanical properties. The dielectric properties of the obtained compositions are improved by 10 times compared to the original PVC.

Keywords: PVC plastic, organoclay, ammonium polyphosphate, magnesium hydroxide, flame retardant.

Исследования в области снижения горючести полимерных материалов представляют неослабевающий интерес для ученых всего мира. Этот интерес поддерживается, с одной стороны, все более широким применением полимерных материалов в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, на транспорте и в быту, а с другой – все большим ужесточением законов об охране окружающей среды, запретами на применение галогенсодержащих антипиренов для полимеров. Во многих странах мира приняты специальные постановления об ограничении использования горючих полимерных материалов в строительстве промышленных и гражданских сооружений, при проектировании и создании транспортных средств (самолетов, автомобилей, железнодорожных вагонов, судов), в электротехнике и электронике, производстве товаров бытового назначения [1, 2].

Однако следует отметить, что многие способы ингибирования процессов горения основаны на введении в материал добавок (антипиренов), приводящих к образованию при тлении повышенных количеств ядовитых газов.

В связи с этим, галоидсодержащие антипирены постоянно заменяют более экологически чистыми, наиболее перспективными среди которых являются фосфорсодержащие соединения и гидроксиды металлов.

В работе [3] рассмотрено получение электроизоляционной композиции с повышенной огнестойкостью на основе поливинилхлорида и антипирирующей смеси из полифосфата аммония, пентаэритрита и терморасширенного графита. Однако, использование данной системы в широких масштабах ограничивается высокой стоимостью терморасширяющегося графита и пентаэритрита, что соответственно и приводит к увеличению себестоимости поливинилхлоридного пластика.

В большинстве работ по снижению горючести полимеров, в том числе ПВХ-пластикатов, используют соединения, разлагающиеся с поглощением тепла и обычно с выделением углекислого газа и/или паров воды – гидроксиды, карбонаты, гидрокарбонаты металлов и т.д. [4]. Сравнение свойств гидроксидов алюминия и магния показывает преимущества гидроксида магния.

Гидроксид магния имеет более высокую термостабильность (энтальпия разложения его почти на 20 % выше), что очень важно для технологии переработки композиций.

Однако, несмотря на ряд достоинств, для достижения необходимой степени антипирирования содержание наполнителя в композиции должно составлять 40–50 % [2]. Содержание такого количества неорганического наполнителя, увеличивая огнестойкость, значительно ухудшает физико-механические свойства композиции.

В связи с этим для повышения огнестойкости полимеров перспективным представляется использование смесей традиционных антипиренов с органомодифицированными слоистыми силикатами. Известно, что слоистосиликатные нанокompозиты также проявляют повышенную стойкость к распространению пламени даже при очень низких концентрациях слоистого силиката. Формирование термоизоляции и незначительная проницаемость обугленного полимера для огня обеспечивают преимущества использования этих материалов [1].

Было сделано предположение, что использование для модификации свойств отечественного кабельного пластика синергической смеси органоглины и антипирена позволит получить композиции с повышенной огнестойкостью и улучшенными физико-механическими характеристиками.

Поставленная задача решалась модификацией ПВХ пластика марки И 40-13А рецептуры 8/2, изготовленного по ГОСТу 5960-72 антипирирующими составами (АС): 1) полифосфат аммония (ПФА) – органоглина (ОГ) в соотношении 10:5 масс.%, соответственно; 2) гидроксид магния – органоглина в соотношении 10:5 масс.%, соответственно. Причем, в качестве органоглины использовали монтмориллонит, модифицированный меламином. Так как известно, что совместное присутствие в материале ПФА и меламина приводит к усилению эффекта антипирирования [1].

Изготовление модифицированного ПВХ-пластиката проводилось на пилотном участке цеха поливинилхлоридного пластика ЗАО «Кабельный завод «Кавказкабель». Входной контроль качества модифицированного ПВХ-пластиката проводился в заводской лаборатории ЗАО «Кабельный завод «Кавказкабель» в соответствии с ГОСТ 5960-72.

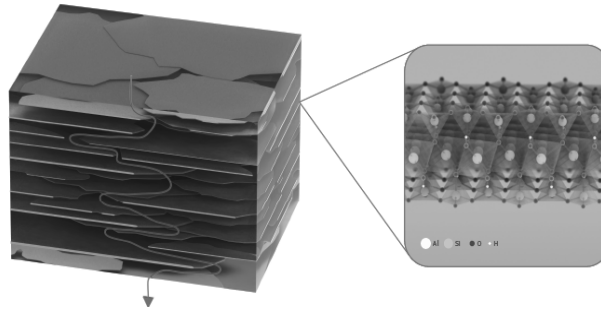
В таблице представлены результаты проведенных испытаний разработанных композиций по физико-механическим показателям. Как видно из таблицы, прочность при разрыве ПВХ марки И 40-13 А составляет 19,6 МПа, а при введении АС прочностные свойства композитного ПВХ-пластиката могут достигать 22,8 МПа. Относительное удлинение при разрыве для композитного ПВХ-пластиката также повышается по сравнению со значениями исходного кабельного ПВХ-пластиката.

Таблица

Физико-механические показатели ПВХ-пластиката и его модифицированных композиций

Свойство Образец	Плотность, [г/см ³]	Прочность при разрыве, [МПа]	Относительное удлинение при разрыве, [%]	Удельное объемное электрическое сопротивление при 20 °С, [Ом·см]	Твердость при 20 °С, [кгс/см ²]
ПВХ исходный	1,32	19,6	250	5*10 ¹³	15
ПВХ+10%ПФА	1,34	20	252	6,3*10 ¹³	18
ПВХ+10%ПФА +5%ОГ	1,36	22,6	266	3,2*10 ¹⁴	22
ПВХ+ 10% Mg(OH) ₂	1,35	21,3	258	7,1*10 ¹³	20
ПВХ+ 10%Mg(OH) ₂ +5%ОГ	1,38	22,8	273	1,2*10 ¹⁵	23

Как видно из таблицы, диэлектрические свойства ПВХ-пластиката значительно улучшаются при добавлении органоглины, что может быть связано со слоистой природой монтмориллонита, который служит препятствием для траектории утечки электричества по композиции согласно схеме:



Основным показателем огнестойкости является процентное содержание кислорода O_2 в смеси с азотом N_2 , которое поддерживает постоянное горение материала, то есть кислородный индекс (КИ).

Результаты изучения горючести композитного ПВХ-пластиката, приведенные на рис. 1, показали, что огнестойкость пластиката значительно повышается при введении антипиренов совместно с органоглиной.

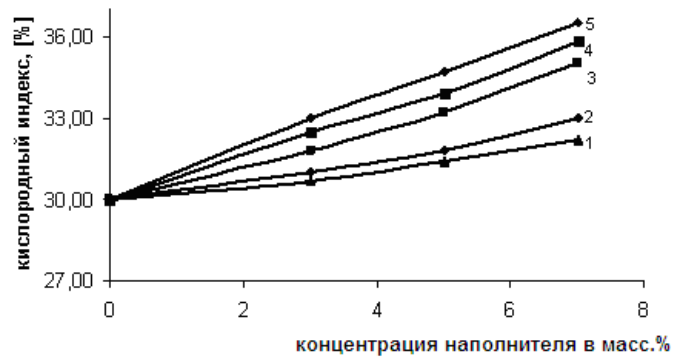


Рис. 1. Зависимость кислородного индекса ПВХ-пластиката от состава и содержания антипиренов: 1 – ПФА; 2 – $Mg(OH)_2$; 3 – ОГ; 4 – ПФА+ОГ; 5 – $Mg(OH)_2$ +ОГ

Важной характеристикой поливинилхлоридного (ПВХ) пластиката является способность сохранять при повышенных температурах свойства, необходимые для эксплуатации изготовленных изделий и снижения степени возгорания полимерного материала [5]. Теплостойкость модифицированных композиций определялась по методу Вика в соответствии с ГОСТ 15088-83.

Результаты исследования теплостойкости приведены на рис. 2.

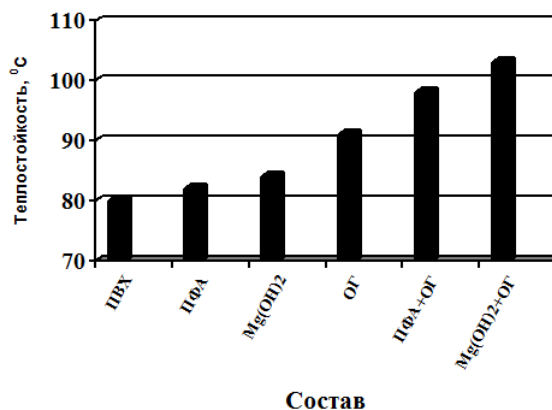


Рис. 2. Зависимость теплостойкости модифицированного ПВХ-пластиката от состава и содержания антипиренов: 1 – ПФА; 2 – $Mg(OH)_2$; 3 – ОГ; 4 – ПФА+ОГ; 5 – $Mg(OH)_2$ +ОГ

Как видно на рис. 2, теплостойкость пластиката при модифицировании смесью органоглины с гидроксидом магния и ПФА также повышается, причем наилучшей теплостойкостью обладают образцы с $Mg(OH)_2$ +ОГ.

Рентгенофлюорограммы коксового остатка на содержание хлора ПВХ-пластиката марки И 40-13 А и композиционных материалов на его основе показаны на рис. 3. Как видно, содержание хлора в коксо-

вом остатке композиционных материалов увеличивается почти в 3 раза, что свидетельствует о снижении токсичности дыма в условиях горения.

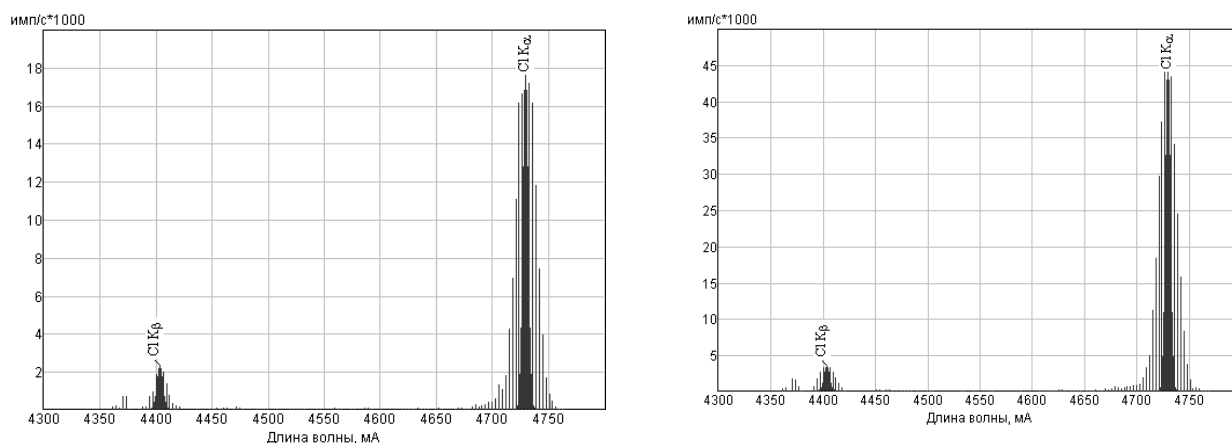


Рис. 3. Рентгенофлюорограмма коксового остатка ПВХ-пластиката (а) и ПВХ-пластиката, модифицированного органоглиной и полифосфатом аммония (б) на содержание хлора

Таким образом, использование смеси органоглины с гидроксидом магния и полифосфатом аммония в качестве наполнителя позволяет получать ПВХ-пластикаты с высокими огнестойкими, теплостойкими, физико-механическими и диэлектрическими свойствами при низком содержании антипирена.

Работа выполнена в рамках выполнения Постановления Правительства № 218 от 9 апреля 2010 г. по договору Министерства образования и науки РФ с ЗАО «Кабельный завод «Кавказкабель» № 13.G25.31.0048 от «07» сентября 2010 года с использованием оборудования ЦКП «Рентгеновская диагностика материалов» в рамках выполнения государственного контракта № 16.552.11.7045.

Библиография

1. Асеева Р.М., Заиков Г.Е. Горение полимерных материалов. – М.: Наука, 1981.
2. Халтуринский Н.А., Берлин Ал.Ал., Попова Т.В. Горение полимеров и механизмы действия антипиренов // Успехи химии. – 1984. – Т. 53, № 2. – С. 326.
3. Плотникова Г.А. Поливинилхлорид пониженной горючести, включающий фосфорорганические полимеры, содержащий фосфорорганические фрагменты, и способ их получения. Патент РФ 2385327.
4. Варламова Л.П. и др. Огнезащитные полимерные композиции на основе поливинилхлорида и перхлорвиниловой смолы // Прикладная химия. – Т. 81. – Вып. 4. – 2008.
5. Khalturinskij N.A., Berlin A.A. Polymer Combustion // Degradation and Stabilization of Polymers. N.Y. Elsevier. – 1989. – P.145–294.

РАЗРАБОТКА ОГНЕСТОЙКИХ КОМПОЗИЦИЙ НА ОСНОВЕ ПОЛИБУТИЛЕНТЕРЕФТАЛАТА

Гаиева Р.Р., Хаширова С.Ю., Карамурзов Б.С., Кушхов Х.Б.,
Кармоков А.М., Данилова-Волковская Г.М., Оранова Т.И.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

new_kompozit@mail.ru

Требования по показателям пожарной безопасности к полимерной продукции становятся все более жесткими, большое внимание уделяется принципам подбора безгалогенных замедлителей горения, рецептурам антипирецирующих составов, реакциям модификации с введением фрагментов, снижающих горючесть полимеров.

В настоящей работе впервые разработаны новые огнестойкие композиционные материалы на основе полибутилентерефталата. Исследовано влияние новых антипирецирующих составов, включающих полифосфат аммония, меламин, монтмориллонит и органоглину на огнестойкость и физико-механические характеристики полибутилентерефталата марки 201.

Показано, что наилучший синергизм действия двух видов антипиренов проявила система ПБТ–ПФА–МА, однако еще эффективнее оказалось введение в ПБТ указанных антипиренов совместно с монтмориллонитом и органоглиной. Установлено, что в зависимости от способа приготовления предложенных антипирецирующих систем одного и того же состава, свойства конечных композитов различаются. Выявлено, что наиболее эффективной для повышения огнестойкости и физико-механических свойств ПБТ оказалась система из сухой смеси монтмориллонита, полифосфата аммония и меламина.

Ключевые слова: полибутилентерефталат, органоглина, полифосфат аммония, меламин, монтмориллонит, огнестойкость.

DEVELOPMENT OF FIRE RESISTANTE COMPOSITIONS ON THE BASIS POLYBUTYLENE TEREPHTHALATE

Gaieva R.R., Khashirova S.Y., Karamurzov B.S., Kushkhov H.B.,
Karmokov A.M., Danilova-Volkovskaya G.M., Oranova T.I.

Kabardino-Balcarian State University

The requirements for fire safety performance of polymer products are becoming more stringent, much attention is paid to the principles of selection of halogen-free retardants, recipes antipiriruyuschih compounds, reactions to the introduction of modified fragments, reducing the flammability of polymers. In this work, for the first time, we have developed the new fire-resistant composite materials based on polybutylene terephthalate. The influence of new retardant compositions comprising ammonium polyphosphate, melamine, montmorillonite and organoclay for fire resistance and physico-mechanical characteristics of polybutylene terephthalate 201 grade.

It is shown that the best synergy of the two types of flame retardant has the sistem of PBT-APP-MA, but even better is the introduction of these flame retardants in PBT co-jointly with the montmorillonite and the organoclay. It is established that, depending on the method of obtaining proposed retardant systems of the same composition, the properties of final composites are different. It was revealed that the most effective for improving fire-resistance and physical-mechanical properties of PBT is the system of dry mixture of montmorillonite, ammonium polyphosphate and melamine.

Keywords: polybutylene terephthalate, organoclay, ammonium polyphosphate, melamine, montmorillonite, fire-resistance.

Современные условия развития таких отраслей промышленности, как авто-, авиа-, кораблестроение, космическая техника требуют использования прогрессивных видов композиционных материалов. Среди конструкционных пластиков полибутилентерефталат (ПБТ) имеет удачное сочетание технологических и эксплуатационных свойств. Композиционные материалы на основе ПБТ используются в частности в качестве деталей отделки салонов самолетов и автомобилей, что требует их высокой пожарной безопасности.

Способы ингибирования процессов горения полимеров основаны на введении в материал добавок (антипиренов), содержащих атомы хлора или брома, или на химической модификации полимеров также

путем введения в них хлора или брома [1, 2]. С другой стороны, галогенсодержащие полимеры рассматриваются как нежелательные во многих странах мира по экологическим соображениям, так как добавление их в полимеры приводит к образованию при тлении повышенных количеств ядовитых газов.

В связи с этим галоидсодержащие антипирены постоянно заменяют более экологически чистыми. В целях придания огнестойкости ПБТ нередко используют фосфорные эфиры, меламин, производные гуанидина, борат цинка [3–5]. В последнее время стали применять не только низкомолекулярные, но и полимерные фосфорсодержащие антипирены (полифосфат аммония). Эти полимерные добавки имеют лучшую совместимость с основным полимером, меньше мигрируют из полимерного материала, отличаются более высокой стойкостью к различным внешним воздействиям и являются эффективными антипиренами. Полифосфат аммония при нагревании до температур порядка 250–280 °С (в зависимости от степени полимеризации) способен к эндотермическому разложению с образованием полифосфорной кислоты и выделением аммиака, в связи с чем находит применение в качестве самостоятельного безгалогенного антипирена и также кислото- и газообразующего компонента в рецептурах вспучивающихся огнезащитных материалов. Как правило, для достижения синергетического эффекта, полифосфат аммония вводится в состав композиции вместе с пентаэритритом и/или меламином.

Задача нашей работы состояла в создании и изучении новых огнестойких композиционных материалов на основе полибутилентерефталата.

Поставленная задача решалась модификацией ПБТ марки 201 полифосфатом аммония (ПФА), меламином (МА), монтмориллонитом месторождения «Герпегеж» Кабардино-Балкарской Республики, органоглиной и антипирирующими составами на их основе:

- монтмориллонит предварительно модифицировали полифосфатом аммония, затем смешивали с меламином (ПБТ+ММТ/ПФА+МА);
- монтмориллонит предварительно модифицировали меламином, затем смешивали с полифосфатом аммония (ПБТ+ММТ/МА+ПФА);
- смешивали монтмориллонит, полифосфат аммония и меламин в соотношении 3:1:1(ПБТ+ММТ(3 %) + ПФА+МА);
- смешивали монтмориллонит, полифосфат аммония и меламин в соотношении 5:1:1(ПБТ+ММТ(5 %) + ПФА+МА).

Композиты получали путем смешения в расплаве с антипиренами в двухшнековом экструдере при температуре 230 °С.

Физико-механические испытания нанокомпозитов проводили по методикам: на растяжение (ГОСТ 11262-80); горючесть (ГОСТ 21207-81), теплостойкость по Вика (ГОСТ 15088-83), твердость по Шору (ГОСТ24621-91), ударная вязкость по Изоду (ГОСТ 19109-84), модуль упругости, предельная прочность и относительное удлинение при разрыве по ГОСТ 14236-81; стойкость к горению по ГОСТ 28157-89.

При проведении эксперимента для исключения влияния условий переработки на свойства ПБТ, исходный ПБТ экструдировали в тех же условиях, что и композиции с огнегасящими добавками. Полученный материал использовали в качестве образца сравнения. Наполнители вводились в количестве от 3 до 7 мас. % от массы ПБТ.

В результате проведения исследований установлено, что оптимальное структурообразование композитного ПБТ, приводящее к повышению свойств достигается при содержании наполнителя в количестве 3 %, в связи с чем далее будут рассмотрены композиты с 3 %-м содержанием приведенных выше антипиренов.

Результаты исследования некоторых физико-механических свойств разработанных композитов приведены на рис. 1.

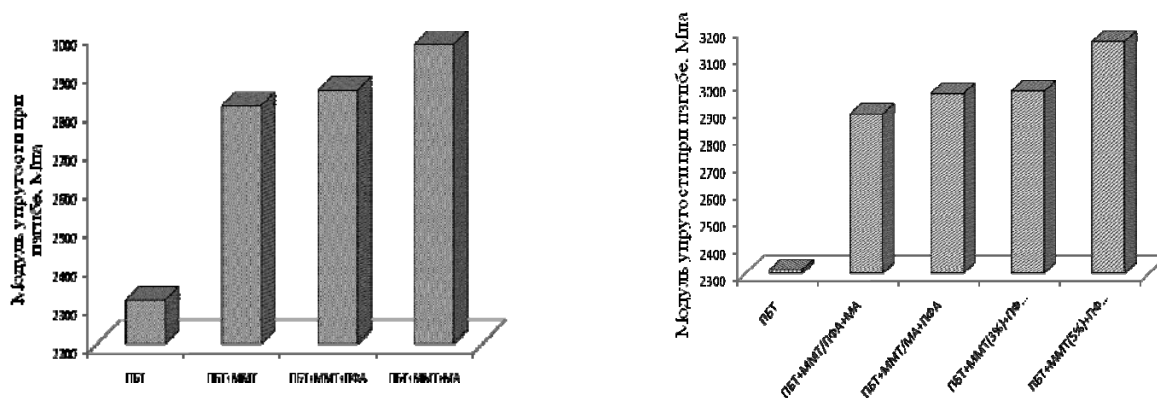


Рис. 1. Зависимость модуля упругости от состава композитов

Как видно из рис. 1, модуль упругости значительно повышается при введении антипиренов совместно с монтмориллонитом и органоглиной. Для разработанных композиций также наблюдалось увеличение относительного удлинения при разрыве на 20–30 %.

В таблице и рис. 2 представлены результаты исследования огнестойкости полученных полимерных композитов

Таблица

№	Образец	Время горения, с
1	ПБТ	210
2	ПБТ+ММТ	185
3	ПБТ+ПФА	176
4	ПБТ+МА	134
5	ПБТ+ММТ+МА	39
6	ПБТ+ММТ/ПФА+МА	61
7	ПБТ+ММТ/МА+ПФА	47
8	ПБТ+ММТ(5%)+ПФА+МА	37
9	ПБТ+ММТ(3%)+ПФА+МА	27
10	ПБТ+ММТ(3%)+ПФА+МА	27

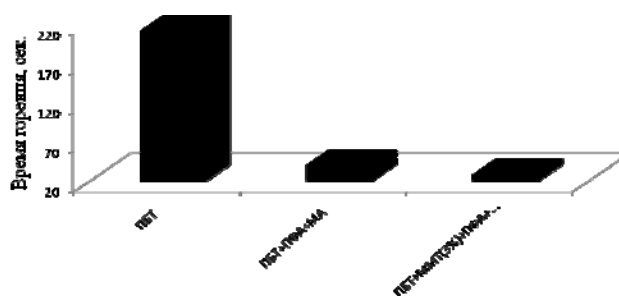


Рис. 2. Зависимость времени горения композитного ПБТ от состава наполнителя

Как видно из таблицы и рис. 2, огнестойкость ПБТ значительно повышается при введении разработанных антипиренирующих систем, причем выявлено, что все полученные композиты обладают самозатухающими свойствами.

Таким образом, показано, что наилучший синергизм действия двух видов антипиренов проявила система ПБТ–ПФА–МА, однако еще эффективнее оказалось введение в ПБТ указанных антипиренов совместно с монтмориллонитом и органоглиной. Причем, в зависимости от способа приготовления предложенных антипиренирующих систем одного и того же состава, свойства конечных композитов различаются. Так, наиболее эффективной для повышения огнестойкости и физико-механических свойств ПБТ оказалась система из сухой смеси монтмориллонита, полифосфата аммония и меламин.

Библиография

1. Новикова М.А. Полибутилентерефталат с повышенной эластичностью и композиты на его основе: дисс. ... канд. хим. наук. – М., 2005. – 122 с.
2. Леднев О.Б., Бештоев Б.З., Аларханова З.З., Микитаев М.А. Композиционные материалы на основе полибутилентерефталата с повышенной огнестойкостью // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Новые полимерные композиционные материалы». – Нальчик, 2005. – С. 209–213.
3. Flame retarded polyester-based resin composition. Патент JP 2000212404.
4. Non-halogenated flame retardant PBT resin composition containing ammonium polyphosphate and alkyl phosphonic acid compound. Патент KR 20050017431.
5. Flame retardant resin composition. Патент JP 7247410.

НОВЫЕ АРОМАТИЧЕСКИЕ ПОЛИМЕРЫ КАРБО- И ГЕТЕРОЦИКЛИЧЕСКОГО СТРОЕНИЯ И ИХ КОМПОЗИТЫ С ПОЛИАЛКИЛЕНТЕРЕФТАЛАТАМИ

Мусаев Ю.И., Мусаева Э.Б., Квашин В.А., Гашаева Ф.А., Леднев О.Б., Кожемова К.Р.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

musaev41@mail.ru, kva78@mail.ru

Разработаны новые способы получения ароматических полимеров карбо- и гетероциклического строения: полиариленоксида, полифениленэфирпирролы, полифениленформальоксиматы, полифениленэфиркетоноксиматы, полиарилатоксиматы; получены композиты с промышленными полиалкилентерефталатами, изучены их свойства. Методами элементного анализа, ИК- и ЯМР¹H-, ЯМР¹³C-спектроскопии подтвержден их состав и строение.

Ключевые слова: диметилсульфоксид, поликонденсация, полигетероциклизация, полиариленоксида, полифениленэфирпирролы, полифениленформальоксиматы, полифениленэфиркетоноксиматы, полиарилатоксиматы.

NEW AROMATIC POLYMERS CARBO- AND A HETEROCYCLIC STRUCTURE AND THEIR COMPOSITES WITH POLYALKYLENTEREPHTALATES

Musaev Y.I., Musaeva E.B., Kvashin V.A., Gashaeva F.A., Lednev O.B., Kozhemova K.R.

Kabardino-Balcarian State University

Developed new methods of obtaining aromatic polymers carbo-and heterocyclic structures polyarylenoxides, polyphenylenetherpyrroles, polyphenylenetherketonoximates, polyphenylenformaloximates, polyarylatoximates; composites with industrial polyalkyleneterephthalates, studied their properties. By elemental analysis, IR and ¹H NMR-, ¹³C NMR spectroscopy confirmed the composition and structure.

Keywords: dimethylsulfoxide, polycondensation, polyheterocyclization, polyphenylenetherpyrroles, polyphenylenformaloximates, polyphenylenetherketonoximates, polyarylatoximates.

Ароматические (со)полимеры карбо- и гетероциклического строения – высокомолекулярные соединения, обладающие комплексом ценных свойств (высокой тепло-, термо-, ионизационной и химической стойкостью, уникальными физико-механическими характеристиками, электрофоточувствительностью и т.д.), что позволяет использовать их в различных отраслях промышленного производства. Со второй половины XX века по настоящее время большое внимание ученых привлекает нахождение новых способов интенсификации процессов поликонденсации и полигетероциклизации, вовлечение в них новых и малореакционноспособных мономеров заданного строения [1–5].

Предметом и целью наших исследований являются новые способы получения ароматических (со)полимеров карбо- и гетероциклического строения на основе активированных мономеров (хинонов, дифенолов, дикетоксимов, диэтинил- и дигалогенпроизводных, содержащих различные мостиковые группы), а также их композитов с промышленными полиалкилентерефталатами. Поставленная цель была решена путем синтеза полиариленоксидов (ПАО), полифениленэфирпирролов (ПФЭП), полифениленформальоксиматов (ПФО), полифениленэфиркетоноксиматов (ПФЭКО), полиарилатоксиматов (ПАО) [6–10]. Методами элементного анализа, ИК- и ЯМР¹H-, ЯМР¹³C-спектроскопии подтвержден их состав и строение.

Комбинации различных мостиковых группировок и высокоактивных фрагментов (пиррольных циклов и оксиматных групп –O–N=C(R)–) в полученных нами полимерах и сополимерах открывают перспективы их дальнейших химических превращений, придающих макромолекулам в ряде случаев хорошую растворимость в органических растворителях, а также совместимость с промышленными полимерами с увеличением термостойкости и коксового остатка последних. В частности, были получены композиты с полиэтилен- и полибутилентерефталатами, изучены их химические, термические, термомеханические и диэлектрические свойства [4–12].

Результаты проведенных нами исследований показали, что добавки в малых количествах (~ до 1 масс.%) ПФО или ПАО в композиты с полибутилен- и полиэтилентерефталатом (первичным и вторичным) приводят в ряде случаев к увеличению коксового остатка (до 50 %), температуры начала термической и термоокислительной деструкции (~на 100°) – увеличению температуры начала сквозной прово-

димости последних. Кроме того, доказана возможность изменять ПТР композитов до величин, удобных для переработки [9–11]. Значения показателя текучести расплава композиций полибутилентерефталата с ПАО, измеренные после 15–30-минутного термостарения в капилляре прибора, отличаются от исходных не более, чем на 1,5–2,0 %, что свидетельствует о хорошей термостабильности композиций.

Таким образом, синтезированные полимеры могут быть использованы в качестве модифицирующих добавок в композиции с промышленными полимерами с целью улучшения их эксплуатационных свойств.

Библиография

1. Трофимов Б.А., Михалева А.И. N-Винилпирролы. – Новосибирск.: Наука, 1984. – 260 с.
2. Виноградова С.В., Васнев В.А. Поликонденсационные процессы и полимеры. – М.: Наука, 2000. – 372 с.
3. Мусаев Ю.И. Особенности синтеза и механизмы реакций получения полиарилатов, простых ароматических полиэфиров и полипирролов в неводных средах: дисс. ... докт. хим. наук. – Нальчик, 2004.
4. Мусаев Ю.И., Кушхов Х.Б., Хараев А.М., Жекамухов А.В., Квашин В.А. Механизм электровосстановления антрахинона в 0,1 М растворе тетрабутиламмонийбромида в диметилсульфоксиде // Электрохимия. – 2004. – Т. 40, № 2. – С. 203–207.
5. Мусаев Ю.И., Мусаева Э.Б., Микитаев М.А., Квашин В.А., Беданокоев А.Ю. Полибутилентерефталат, модифицированный полиформальоксиматом // Материаловедение. – 2006. – № 7. – С. 21–25.
6. Патент на изобретение №2223977 (РФ) Полиформали и полиэфирформали и способ их получения / Ю.И. Мусаев, Э.Б. Мусаева, А.К. Микитаев, О.С. Хамукова. – Бюлл. изобрет. – 2004. – № 5.
7. Патент на изобретение № 2265622 (РФ). Полимеры, содержащие в основной цепи пиррольные циклы и способ их получения / Ю.И. Мусаев, Э.Б. Мусаева, А.К. Микитаев, О.С. Хамукова // БИ. – 2005. – № 34.
8. Патент на изобретение № 2292360 (РФ). Способ получения простых полиэфиров на основе хинонов / Ю.И. Мусаев, Х.Б. Кушхов, Э.Б. Мусаева, В.А. Квашин, А.Б. Жекамухов // БИ. – 2007. – № 3.
9. Патент Ф № 2261878 (РФ). Полимерная композиция / Ю.И. Мусаев, Э.Б. Мусаева, Н.И. Машуков, М.А. Микитаев, В.А. Квашин // БИ. – 2005. – №10.
10. Патент на изобретение № №2292366 (РФ). Полимерная композиция, применяемая в качестве конструкционного материала / Ю.И. Мусаев, Э.Б. Мусаева, М.А. Микитаев, В.А. Квашин // БИ. – 2007. – № 3.
11. Патент на изобретение №2303612 (РФ). Полимерная композиция для конструкционных материалов / Ю.И. Мусаев, Э.Б. Мусаева, А.М. Хараев, А.Б. Жекамухов, В.А. Квашин, М.А. Микитаев // БИ. – 2007. – № 21.
12. Патент на изобретение № 2388768 (РФ). Способ получения полиэфиркетонов / Ю.И. Мусаев, Э.Б. Мусаева, В.А. Квашин, М.А. Микитаев, Ф.К. Казанчева // БИ. – 2010. – № 9.

МЕДИЦИНА

УДК 616.61-008.64

МЕХАНИЗМЫ ПРОГРЕССИРОВАНИЯ ВТОРИЧНЫХ ОСЛОЖНЕНИЙ У ДЕТЕЙ С ВРОЖДЕННЫМИ ПОРОКАМИ РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ МОЧЕВОЙ СИСТЕМЫ НА ФОНЕ ДИСПЛАЗИИ СОЕДИНИТЕЛЬНОЙ ТКАНИ

Мамбетова А.М., Жетишев Р.А., Кравцова А.А.

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
Санкт-Петербургская государственная педиатрическая медицинская академия*

amm-0007@rambler.ru, rra@kbsu.ru, gpma-omk@yandex.ru

Проведена оценка влияния степени тяжести ДСТ на продукцию ренина, альдостерона и частоту вторичных осложнений при различных видах врожденных пороков ОМС. Установлено, что средняя/тяжёлая степени тяжести ДСТ достоверно чаще ассоциируются с вторичными осложнениями в виде нефросклероза, артериальной гипертензии и снижением функциональной способности почек. При средней/тяжёлой степенях тяжести ДСТ уровень ренина достоверно превышает их концентрацию по сравнению с больными с легкой степенью тяжести ДСТ независимо от вида порока. Выявлена связь гиперпродукции ренина и альдостерона с формированием нефросклероза и артериальной гипертензии. Оценка влияния терапии ингибиторами ангиотензинпревращающего фермента на продукцию ренина и альдостерона показала сохранение высоких концентраций ренина при средней/тяжёлой степенях тяжести ДСТ.

Ключевые слова: пороки развития органов мочевой системы; дисплазия соединительной ткани; ренин; альдостерон.

MECHANISMS OF PROGRESSING OF SECONDARY COMPLICATIONS AT CHILDREN WITH CONGENITAL DEVELOPMENTAL ANOMALIES OF URINARY ORGANS (UO) AGAINST THE DYSPLASIA OF CONNECTIVE TISSUE (DCT)

Mambetova A.M., Zhetishev R.A., Kravtsova A.A.

Kabardino-Balcarian State University

*The estimation of influence of DCT severity level on rennin, aldosterone production, and frequency of secondary complications was carried out at various kinds of UO congenital defects. It was established that DCT average/heavy severity levels authentically associate with secondary complications in a kind of nephrosclerosis, an arterial hypertension and decrease in functional ability of kidneys is more often. At average/heavy DCT severity levels renin level authentically exceeds their concentration in comparison with patients with slight DCT severity level *independently* to a defect kind. connection of renin and aldosterone hyperproduction with nephrosclerosis and arterial hypertension formation was revealed. The estimation of influence of therapy by angiotensin-transforming ferment inhibitors on renin and aldosterone production has shown preservation of high renin concentration at average/heavy severity DCT levels.*

Keywords: developmental anomalies of urinary organs; dysplasia of connective tissue; renin; aldosterone.

Распространённость в популяции врождённых пороков развития органов мочевой системы (ОМС) составляет 5,3 % и отражает медико-социальное значение проблемы [1]. Частота врожденных и наследственных заболеваний ОМС как причина формирования ХПН у детей составляет 53,3–86 % [2].

В свете современных представлений о синдроме дисплазии соединительной ткани [3,4], врожденные пороки ОМС в сочетании с множественными стигмами дизэмбриогенеза являются внутренними феноменами (признаками) данного синдрома.

В механизмах формирования вторичных осложнений и их прогрессировании при врождённых пороках развития ОМС принимают участие компоненты ренин-ангиотензин-альдостероновой системы [5].

Ангиотензин II и альдостерон не только участвуют в вазомоции и регуляции баланса Na и K, но и действует как факторы роста, стимулируя продукцию трансформирующего фактора роста β , синтез коллагена I типа и фиброгенез [6, 7, 8, 9].

Ранее нами было установлено [10], что все дети с пороками развития ОМС имеют ДСТ с неклассифицируемым фенотипом (согласно классификации Кадуриной Т.И. и Земцовского Э.В.) [3, 4].

Степень тяжести ДСТ и, следовательно, особенности реакции соединительной ткани могут быть различными. Влияние степени тяжести ДСТ на продукцию ренина и альдостерона при различных видах врожденных пороков ОМС, частоту вторичных осложнений в виде нефросклероза и артериальной гипертензии (АГ) не изучено.

Цели исследования:

1. Оценить влияние степени тяжести ДСТ на продукцию ренина и альдостерона при различных видах врожденных пороков ОМС.

2. Выявить частоту вторичных осложнений и возможную связь гиперпродукции ренина и альдостерона с формированием нефросклероза и артериальной гипертензии.

3. Оценить влияние терапии ингибиторами ангиотензинпревращающего фермента (и АПФ) (энап) на продукцию ренина и альдостерона при различных степенях тяжести ДСТ.

Материалы и методы исследования

Проведено комплексное клиничко-лабораторное обследование 110 больных с врожденной патологией ОМС в возрасте от 5 до 17 лет. Выделены три группы больных: группа I – 39 детей с пузырно-мочеточниковым рефлюксом (ПМР); группа II – 39 ребенка с гидронефрозом и уретерогидронефрозом врожденного генеза; группа III – 32 ребенка с другими формами дизэмбриогенеза ОМС (14 детей с гипоплазией почки, 7 – с поликистозом, 3 – с удвоением, 8 – с агенезией). Всем детям с обструктивным синдромом была проведена хирургическая коррекция порока. Контрольную группу составили 12 клинически здоровых детей соответствующего возраста.

Всем больным проведено полное нефроурологическое обследование с использованием клинических, лабораторных и инструментальных методов: УЗИ мочевого системы, эхо-кардиография, суточное мониторирование артериального давления (СМАД), экскреторная урография и микционная цистография, радионуклидные исследования. Наличие структурных изменений в почечной ткани оценивалось на основании рентгенологических, эхографических и радиологических (с DMSA) данных.

Расчет величины скорости клубочковой фильтрации (СКФ) производился по формуле Шварца. СМАД проводилось на аппарате BP Lab 2.0. a20W. Артериальное давление (АД) измерялось 1 раз в 30 минут в дневное время и 1 раз в 45 минут в ночное время. При анализе оценивали средние значения АД, индексы времени, суточный индекс АД. За АГ приняты значения АД выше 95-го перцентиля для длины тела ребенка.

Оценка степени тяжести диспластического синдрома производилась в соответствии с Российскими рекомендациями по алгоритмам диагностики нарушения структуры и функций соединительной ткани [11]. Все дети обследованы на наличие 46 внешних признаков ДСТ со стороны костно-сkeletalной, суставной, кожно-мышечной систем, 11 внутренних фенотипических признаков со стороны зрительной, сердечно-сосудистой и мочевой систем, а также так называемых микроаномалий развития. Далее проведена оценка значимости отдельных клинических маркеров в баллах, предложенная Кадуриной Т.И. и Аббакумовой Л.Н. [4]. Лёгкая степень тяжести ДСТ при балльной оценке внешних фенотипических признаков соответствовала в сумме 12 баллам, средняя степень тяжести ДСТ не превышала 23 баллов, тяжёлая степень соответствовала 24 и более баллам.

Производство ренина и альдостерона оценивали на основании определения уровня ренина и альдостерона плазмы крови (в положении лежа) иммуноферментным методом. Исследования выполнены на кафедре патологической физиологии Санкт-Петербургской педиатрической медицинской академии, с использованием набора реагентов фирмы – RUO (США). Согласно методическим рекомендациям данной фирмы, нормой концентрации ренина является диапазон 0,08–1,13 нг/мл, альдостерона 10,0–160 пг/мл при заборе крови в положении лежа. Уровни ренина и альдостерона сопоставили с возрастными колебаниями гормонов (Тиц Н.У., 1997 г.), выявлено соответствие возрастным критериям нормы.

Больные – 81 человек – получали ингибитор АПФ (иАПФ – «Энап» фирмы «КРКА», Словения) на протяжении 6–12 месяцев (дети до 14 лет в дозе 0,2 мг/кг/24 ч в 1 приём, подростки – 5–10 мг/24 ч в 1 приём). Результаты проводимой терапии оценивали соответственно степени тяжести диспластического синдрома на основании клинических данных, СМАД, концентрации ренина и альдостерона.

Статистическая обработка выполнена с использованием стандартного пакета программ Statistica for Windows v. 5.77. с использованием критерия Манна-Уитни, Фишера, Стьюдента. Количественные переменные представлены в виде среднего значения \pm стандартная ошибка среднего значения. Анализ связи переменных проводили с вычислением коэффициента корреляции Спирмена.

Клиническое обследование больных проводилось на базе детского нефрологического отделения ГКБ № 1 г. Нальчика.

Результаты и их обсуждение

Большинство детей с врождёнными пороками ОМС имели среднюю и тяжёлую степени тяжести ДСТ (табл. 1). В связи с малочисленностью детей с тяжелой степенью ДСТ при анализе результатов они объединялись с группой, имеющей среднюю тяжесть (группа 2).

Среди больных с ПМР (группа I) преобладали девочки, в группах II (больные с гидронефрозом и уретерогидронефрозом) и III (больные с другими формами дизэмбриогенеза) – мальчики. Средняя/тяжёлая степени тяжести и ДСТ характеризовались более тяжелыми морфологическими изменениями в почках: ПМР – 4-й и 5-й степеней у 22,2 % и двустороннее поражение – у 66,7 % больных, более тяжелые стадии гидронефроза у 59 %. При лёгкой степени ДСТ преобладал односторонний вариант порока у больных с ПМР (у 75 % детей).

Таблица 1

Распределение детей соответственно выделенным группам

Группы Вид порока	n	Пол		Степень тяжести ДСТ (число детей- n и частота в %)			Наличие нефросклероза	Наличие артериальной гипертензии	Снижение СКФ <80мл/мин
		М	Ж	Лёгкая 1	Средняя 2	Тяжёлая 3			
I	39	7	32	12 30,8	25 64,1	2 5,1	27 69,2	18 46,2	14 35,9
II	39	27	12	10 25,6	24 64,5	5 12,8	28 71,8	14 35,9	20 51,3
III	32	22	10	11 34,4	19 59,4	2 6,3	2 6,3	7 21,9	5 15,6
всего	110	56	54	33	68	9	57	39	39

При обструктивных видах порока (группы I и II) процент детей с артериальной гипертензией, с нефросклерозом и со снижением уровня СКФ в несколько раз превышал частоту признака при необструктивном варианте (группа III).

Анализ частоты вторичных осложнений соответственно степени тяжести ДСТ показал, что у больных со средней/тяжёлой степенями тяжести чаще выявлены нефросклероз, артериальная гипертензия и снижение интегративного показателя функции почек – уровня СКФ (рис. 1, 2). При необструктивных формах порока ОМС при лёгкой степени тяжести ДСТ, отсутствуют снижение уровня СКФ и структурно-функциональные изменения в почечной паренхиме.

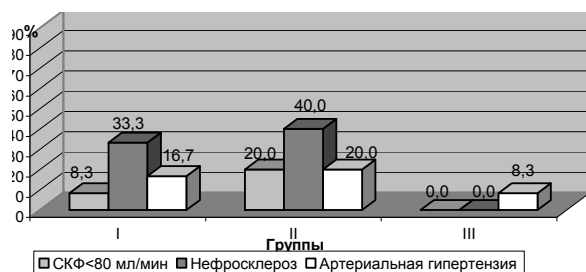


Рис. 1. Частота клинического признака с легкой степенью тяжести ДСТ

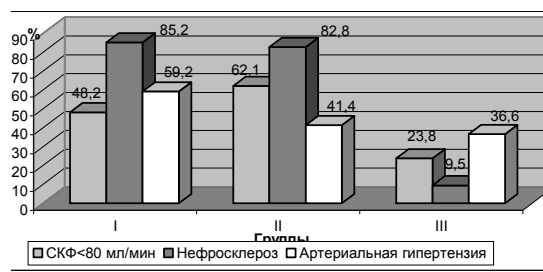


Рис. 2. Частота клинического признака у больных со средней/тяжелой степенями тяжести ДСТ

Анализ содержания ренина и альдостерона выявил повышение уровня одного или обоих гормонов у 69 % детей с ПМР, 78,9 % детей с гидронефрозом и уретерогидронефрозом, 43,8 % детей с другими формами дизэмбриогенеза.

Учитывая данные литературы об участии ангиотензина II и альдостерона не только в регуляции системного артериального давления и внутрпочечной микроциркуляции, но и в стимуляции пролиферации фибробластов, гладкомышечных клеток и развитии интерстициального фиброза в почках, проанализирована продукция ренина и альдостерона, соответственно степени тяжести ДСТ.

Выявлены различия в частоте гиперпродукции (табл. 2) и концентрации ренина и альдостерона, связанные как с вариантом порока, так и со степенью тяжести ДСТ. При отсутствии обструктивного синдрома (группа III) на фоне легкой степени ДСТ повышенной продукции альдостерона не отмечено. При обструктивных вариантах порока (группы I и II) выявлены различия: при гидронефрозе и уретерогидронефрозе (группа II) частота гиперпродукции альдостерона не отражает степень тяжести ДСТ.

При всех вариантах порока частота гиперпродукции ренина при средней/тяжёлой степенях тяжести в несколько раз превышает частоту при лёгкой степени.

Концентрация ренина при лёгкой степени тяжести не зависела от вида порока и не отличалась от группы контроля (табл. 2). При средней/тяжёлой степенях тяжести ДСТ уровень ренина достоверно превышает их

концентрацию по сравнению с больными с легкой степенью тяжести (в 3,5 раза при ПМР, в 3 раза при гидронефрозе, в 2 раза при других формах дизэмбриогенеза). Достоверные отличия по уровню альдостерона между лёгкой и средней/тяжёлой степенями тяжести выявлены только у больных с ПМР.

Только при средней/тяжёлой степенях тяжести ДСТ в группе I выявлена отрицательная корреляционная связь ренина и альдостерона с уровнем СКФ: связь ренина и СКФ ($r = -0,5, p < 0,05$); связь альдостерона и СКФ ($r = -0,5, p < 0,05$).

Таблица 2

Частота гиперпродукции и концентрация ренина и альдостерона соответственно группам и степени тяжести и ДСТ

Группы	Степень тяжести ДСТ и число детей		Ренин (нг/мл)		Альдостерон (пг/мл)	
			%	M±m	%	M±m
I	1	n = 12	25,0	1,08 ± 0,18	8,3	97,1 ± 15,4
	2/3	n = 27	77,8	3,9 ± 1,0** ²⁾	63,0	285,2 ± 47,3** ²⁾
II	1	n = 10	10,0	0,95 ± 0,17	50,0	147,1 ± 73,5
	2/3	n = 28	78,6	3,15 ± 0,26** ²⁾	50,0	192,7 ± 90,4*
III	1	n = 11	18,2	0,85±0,12	0,0	72,4±12,3
	2/3	n = 21	52,4	1,75±0,3* ¹⁾	14,3	108,2±15,7
Контрольная		n = 12	0,0	0,9±0,02	0,0	91,3±12,1
Нормативные показатели			0,08-1,13		10,0-160,0	

Достоверность различий: с данными контрольной группы * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; между степенями тяжести ¹⁾ $p < 0,05$, ²⁾ $p < 0,01$.

Примечание: I – лёгкая степень тяжести ДСТ; 2/3 – средняя/тяжёлая степени тяжести ДСТ.

Таким образом, средняя/тяжелая степени тяжести ДСТ сопровождаются гиперпродукцией ренина независимо от формы порока, характеризуются более частым формированием нефросклероза и артериальной гипертензии, нарушением функциональной способности почек. Гиперпродукция альдостерона в меньшей степени связана со степенью тяжести ДСТ.

При нарушении уродинамики повышение давления в мозговом слое почки нарушает реабсорбцию натрия в восходящем сегменте петли Генле и, соответственно, стимулирует продукцию ренина через осморцепторы плотного пятна. В условиях сниженной СКФ продукция ангиотензина II, вызывающего преимущественную констрикцию отводящей артериолы [12], может рассматриваться на ранних этапах нарушения уродинамики как приспособительный механизм, способствующий повышению фильтрации. Однако высокие концентрации ангиотензина II приводят к прегломерулярной вазоконстрикции [13, 14], вторичной стимуляции РААС через барорецепторы юктагломерулярного аппарата и к повторному снижению СКФ. Таким образом формируется порочный круг.

В исследовании, проведённом Пауновой С.С. (2004), выявлено повышение уровня ренина плазмы и продукции альдостерона у всех больных с ПМР, свидетельствующее об ишемии почки в условиях отрицательной гидродинамики, при которой ишемия, являясь частью типового нарушения микроциркуляции, приводит к гипоксии и оксидативному стрессу [8]. Настоящее исследование показало, что несмотря на хирургическое лечение и устранение отрицательной уродинамики, стимуляция продукции ренина и/или альдостерона имеется у 69 % больных с ПМР и у 78,9 % больных с гидронефрозом и уретерогидронефрозом. Выявленная нами гиперпродукция гормонов (несмотря на хирургическую коррекцию порока), подтверждает точку зрения Ческис А.Л. и соавторов (2002) о том, что и после восстановления пассажа мочи сохраняются условия для продолжения прогрессирования патологических процессов в почке и медленного снижения ее функций [15]. Мы связываем это прежде всего с особенностями реакции соединительной ткани при ДСТ.

Анализ концентрации ренина и альдостерона показал, что у больных с нефросклерозом и артериальной гипертензией имеются достоверно более высокие концентрации ренина (табл. 3).

Таблица 3

Концентрация ренина и альдостерона в зависимости от наличия нефросклероза и артериальной гипертензии

Признак	Всего детей	Ренин (нг/мл)	Альдостерон (пг/мл)
С нефросклерозом	56	3,3±0,7*	208,7±36,4
Без нефросклероза	54	1,4±0,2	132,9±32,5
С АГ	39	4,3±0,7**	231,4±33,9
Без АГ	71	1,3±0,1	142,1±12,7

Примечание: различия достоверны между больными с нефросклерозом и без нефросклероза * $p < 0,05$; между больными с АГ и без АГ ** $p < 0,01$.

У больных с нефросклерозом выявлена корреляционная связь между ренином и альдостероном ($r=0,5, p < 0,05$).

Мы пришли к заключению, что средняя/тяжёлая степени тяжести ДСТ при врожденных пороках развития ОМС ответственны за высокие концентрации ренина, выступающего в роли патогенетического механизма формирования нефросклероза и артериальной гипертензии. Исследование продукции ренина и альдостерона в динамике подтверждает эту точку зрения (табл. 4).

Таблица 4

Концентрация ренина, альдостерона у больных с врождёнными пороками ОМС на фоне терапии иАПФ (энап) соответственно степени тяжести ДСТ

Исследования	Легкая степень тяжести ДСТ (n=8)		Средняя/тяжёлая степени тяжести ДСТ (n=43)	
	Ренин (нг/мл.)	Альдостерон (пкг/мл)	Ренин (нг/мл.)	Альдостерон (пкг/мл)
До лечения	1,2±0,2	159,5±45,4	3,8±0,61**	244,3±30,4**
После лечения	0,9±0,05	73,2±13,4	2,7±0,4 ¹⁾ *	79,7±8,8 ²⁾
Контрольная группа n=12	0,9±0,02	91,3±12,1	0,9±0,02	91,3±12,1

Достоверность различий: с данными контрольной группы *-p<0,05; **p<0,001; между исследованиями ¹⁾- p<0,05; ²⁾- p<0,001

Продукция ренина и альдостерона на фоне терапии иАПФ (энап) зависела от степени тяжести и ДСТ: при легкой – концентрация ренина и альдостерона снижалась (табл. 4). При средней/тяжелой степенях тяжести и ДСТ отмечено снижение уровня ренина и альдостерона, однако концентрация ренина не достигала уровня в контрольной группе.

Таким образом, анализ продукции ренина и альдостерона на фоне терапии иАПФ свидетельствует о сохранении на фоне средней/тяжелой степеней тяжести ДСТ факторов прогрессирования нефросклероза.

Заключение

Врожденные пороки развития органов мочевой системы формируются на фоне дисплазии соединительной ткани и являются одним из внутренних фенотипов данного синдрома.

Средняя/тяжелая степени тяжести и ДСТ ассоциируются с более частыми вторичными осложнениями в виде нефросклероза, синдрома артериальной гипертензии, нарушением функциональной способности почек.

Средняя/тяжелая степени тяжести и ДСТ независимо от формы порока ассоциируются у большинства больных с гиперпродукцией ренина. Гиперпродукция альдостерона в меньшей степени связана со степенью тяжести и ДСТ, влияет на формирование артериальной гипертензии.

Сохранение высоких концентраций ренина на фоне терапии иАПФ (энап) рассматривается как показатель прогрессирования нефросклероза.

Библиография

1. Ваганов Н.И. Медико-организационные вопросы охраны материнства и детства // Здоровье. – М., 2001. – С. 11–12.
2. Игнатова М.С., Гроссман П. Хроническая почечная недостаточность у детей. – М.: Медицина, 1986.
3. Земцовский Э.В. Диспластические фенотипы. Диспластическое сердце (аналитический обзор). Э.В. Земцовский. – СПб., 2007. – 80 с.
4. Кадурина Т.И., Горбунова В.Н. Дисплазия соединительной ткани (руководство для врачей). – СПб.: Элби, 2009. – 703 с
5. Паунова С.С., Патогенетические основы формирования рефлюкс-нефропатий у детей: автореф. дисс. на соискание уч.степени д-ра.мед.наук. – М., 2004. – 46 с.
6. Ibrahim H.N., Rosenberg M.E., Green E.L. et al. Aldosterone is major factor in the progression of renal disease // Kidney Int Suppl. 1997. – V. 63. – P. 115–119.
7. Sahai A., Mei C., Schrier R.W., Tannen R.L. Mechanisms of chronic hypoxia-induced renal cell growth// Kidney Int. 1999. 56(4):1277-1281
8. Whaley-Connell A., Sowers K., Sowers JR. Hypertension and cardiovascular disease. In: Cortes P., Mogensen CE (eds). Contemporary Diabetes // The Diabetic Kidney. Humana Press: Totowa, New Jersey., 2006. – P. 497–511.
9. Del Vecchio L., Procaccio M., Viganò S. et al. The role of aldosterone in kidney damage and clinical benefits of its blockade // Nat. Clin Pract Nephrol., 2007. 3. – P. 342–347.
10. Мамбетова А.М., Жетишев Р.А., Шабалова Н.Н. Диспластические синдромы у детей с врождёнными заболеваниями органов мочевой системы // Педиатрия. – 2010. – Т. 89, № 6. – С. 46–51.
11. Наследственные нарушения структуры и функции соединительной ткани. Российские рекомендации / под ред. Э.В. Земцовского. – М.: Всероссийское научное общество кардиологов, 2009.
12. Почечная эндокринология / под ред. М.Дж. Данна; пер. с англ. В.И. Кандрора. – М.: Медицина, 1987. – 672 с.
13. Длин В.В. Артериальная гипертензия при заболеваниях почек у детей// Российский вестник перинатологии и педиатрии: лекция для врачей. – М., 2005. – 43 с.
14. Вандер А. Физиология почек. – СПб.: Питер, 2000. – 256 с.
15. Ческис А.Л. и др. Состояние и развитие почек после оперативного лечения гидронефроза у детей // Урология и нефрология. – М., 2002. – № 4. – С. 39–43.

ВЛИЯНИЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ РОДОВ И АБДОМИНАЛЬНОГО РОДОРАЗРЕШЕНИЯ НА ФИЗИЧЕСКОЕ И ПОЛОВОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ

Шогенова Ф.М., Узденова З.Х., Махова З.Р., Залиханова З.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

fshogenova@mail.ru

Проведена оценка влияния физиологических родов и абдоминального родоразрешения на физическое и половое развитие детей. Установлено, что за последние 25 лет частота кесарева сечения в КБР выросла более чем в 11 раз. 31 % новорожденных после оперативных родов нуждались в медикаментозной терапии, 20 % – в реабилитационных мероприятиях. 49 % девочек имели позднее наступление менархе, 32,8 % – увеличение региональных нормативов роста и массы тела, 38 % – гинекологические заболевания.

Ключевые слова: физиологические роды, кесарево сечение, физическое развитие и половое созревание детей.

INFLUENCE OF PHYSIOLOGICAL CHILDBIRTH AND CESAREAN SURGERY ON CHILDREN'S PHYSICAL AND SEXUAL DEVELOPMENT

Shogenova F.M., Uzdenova Z.H., Mahova Z.R., Zalihanova Z.M.

Kabardino-Balkarian State University

The estimation of influence of physiological sorts and Cesarean section surgery on physical and sexual development of children was spent. It was established that for last 25 years frequency of Cesarean section in Kabardino-Balkariya has grown more than by 11 times. 31 % of newborns needed in therapies after operative sorts, 21 % - in rehabilitation actions. 49 % of girls had later approach menses, 32,8 % – were ahead of regional specifications of height and weight of a body, 38 % – had a gynecologic diseases.

Keywords: physiological childbirth, Cesarean section surgery, physical development and puberty of children.

Здоровье будущих поколений и их социальное благополучие во многом предопределяется течением беременности и родов у их матерей. Охрана материнства и детства – одна из важных медико-социальных задач, которую призвано решать современное акушерство (Лебедев А.С. и соав., 2011) [1]. Последние годы наметилась тенденция к увеличению частоты экстрагенитальной и акушерской патологии, неблагоприятному течению беременности и родов. Для снижения материнской и перинатальной заболеваемости и смертности в настоящее время наибольшее распространение получило кесарево сечение.

Однако стремление решить проблему в акушерстве только с помощью кесарева сечения несостоятельно (Чернуха Е.А., 2010) [3]. Сужение показаний для абдоминального родоразрешения является одной из причин повышенного интранатального травматизма, материнской и перинатальной заболеваемости и смертности (Краснопольский В.И., 2010) [4]. В основе решения этой проблемы лежит разработка рациональной тактики ведения родов, особенно в группе женщин высокого риска акушерской и перинатальной патологии, а также совершенствование методов прогнозирования возможных исходов, диагностики, лечения и профилактики отдаленных осложнений беременности и родов. Несмотря на то, что операция кесарева сечения занимает ведущее место в акушерстве, не изучены особенности развития и отдаленные последствия для детей, рожденных путем кесарева сечения [5].

Целью настоящего исследования явилась оценка особенностей физического развития и полового созревания детей, рожденных при физиологических родах и абдоминальном родоразрешении.

Материал и методы исследования

Работа выполнена в 2 этапа.

Первый этап исследования посвящен проведению сравнительного ретроспективного анализа динамики основных показателей службы родовспоможения: рождаемости, смертности, естественного прироста, частоты родов (в том числе оперативных) в КБР за период 1985–2010 гг. Нами изучены особенности течения беременности, родов и их исходы для матери и новорожденного у 200 женщин с физиологическими родами (I группа) и 440 женщин, родоразрешенных путем кесарева сечения (II группа). Изучались выписки из амбулаторных карт наблюдения беременных, истории родов, истории новорожденных в родильных отделениях ГКБ г. Нальчика за период 1985–2010 гг. Обследование пациенток включало: анализ жалоб и анамнеза с учетом наличия профессиональных вредностей и вредных привычек, течения беременностей и родов, общий осмотр, гинекологическое исследование, клинико-лабораторные, биохимические, микроскопические, бактериологические, морфологические исследования, УЗИ плода и

внутренних органов (по показаниям). Внутриутробное состояние плода оценивалось по данным УЗ-биометрии, доплерометрии в различные сроки беременности и кардиомониторного наблюдения. УЗ-исследование проводилось аппаратами фирмы «Medison-8000 XL» (Южная Корея) с датчиками частотой 3,5 и 7,0 мГц и «Aloka SSD-630» (Япония) с датчиками 3,5 и 4,5 мГц.

Второй этап работы заключался в проспективном исследовании 660 детей (матери которых были обследованы в ретроспективном исследовании): 200 детей, рожденных от физиологических родов (I группа) и 440 – путем кесарева сечения (II группа). Исследования проводились в детских поликлиниках г. Нальчика, поликлинике Кабардино-Балкарского государственного университета и ООО Клиника «Элифия» в течение 2002–2010 гг.

Обследование детей начиналось со сбора анамнеза и паспортных данных. Учитывали возраст детей на момент обследования, состояние их здоровья. Фиксировали наличие жалоб на момент исследования, перенесенных в раннем детстве, пубертатном и юношеском возрасте заболеваний, травм, оперативных вмешательств. Эти сведения и данные осмотра вместе с информацией об антропометрических измерениях, заключениями смежных специалистов вносились в разработанную нами карту-анкету. Дети были распределены по возрастным группам с учетом месяца, года рождения и даты обследования. Комплексная оценка состояния здоровья детей проводилась в соответствии с предложенными НИИ педиатрии основными 5 группами здоровья (1982). В I группу были отнесены здоровые дети с нормальным психофизическим развитием. Во II группу здоровья отнесены дети, имеющие функциональные и морфологические отклонения, сниженную сопротивляемость к острым и хроническим заболеваниям. В III группу здоровья отнесены дети, имеющие хронические заболевания в состоянии компенсации с сохраненными функциональными возможностями организма. В IV группу здоровья – дети с хроническими заболеваниями в состоянии субкомпенсации, затрудняющими приспособление к труду или иным условиям жизни. В V группу здоровья отнесены дети с хроническими заболеваниями в состоянии декомпенсации со значительно сниженными функциональными возможностями.

При проведении исследования обращали внимание на тип телосложения, пропорциональность развития детей, оценивали характер и темпы физического развития и полового созревания. Степень физического развития определялась по результатам соматоскопии и антропометрии обследуемых детей.

Оценку результатов, полученных при обследовании девочек, проводили с использованием данных Самородиновой Л.А. и Уквальберг М.Е. (1997). Изучение показателей массы и длины тела, окружности грудной клетки, межгрудного, межреберного, межvertebralного размеров, наружной конъюгаты костного таза проводилось согласно общепринятой и унифицированной методике А.Б. Ставицкой, Д.И. Арон (1959). Измерение длины тела проводилось при помощи ростомера. Массу тела определяли на медицинских весах. Оценка основных антропометрических данных проводилась по таблицам центильного типа.

Степень полового развития детей оценивалась по стандартной формуле Ма, Ах, Р, Ме, предложенной Таннером (1969), с современными поправками Е.В. Уваровой.

У обследуемых девочек отмечали возраст менархе, длительность и продолжительность менструального цикла, интенсивность менструальных выделений, наличие болевого синдрома и вегетососудистых расстройств. Гинекологическое исследование проводилось по показаниям, включало осмотр наружных половых органов, ректо-абдоминальное и ультразвуковое исследования. Определяли положение, величину матки, наличие угла между телом и шейкой матки и состояние придатков матки.

Статистическая обработка полученных результатов проводилась с использованием методов параметрической и вариационной статистики. Достоверность различий определялась согласно (t) критерию Стьюдента.

Различия считали достоверными при $p < 0,05$. Компьютерная обработка результатов производилась с помощью электронных таблиц Excel 7,0 и стандартного пакета статистической обработки Statistica for Windows v. 5.77.

Результаты и обсуждение

За исследуемый период в КБР произошло 315287 родов, из них 38016 путем кесарева сечения. Количество родов снизилось в 1,3 раза (с 16880 в 1985 г. до 12577 в 2010 г.). Показатель рождаемости в Кабардино-Балкарии (на 1000 населения) снизился с 22,4 ‰ в 1985 г. до 10,5 ‰ в 2010 г., общая смертность в республике повысилась с 8,2 ‰ в 1985 г. до 9,8 ‰ в 2010 г. За последние 25 лет частота операций кесарева сечения в Кабардино-Балкарии возросла в 11 раз (с 1,9 ‰ в 1985 г. до 21,8 ‰ в 2010 г.).

Средний возраст матерей в I группе составил $23,4 \pm 1,2$ года, во II группе – $26 \pm 1,3$ года. При анализе постоянного места жительства женщин выявлено, что в I и во II группах 85,6 ‰ проживали в городе, 14,4 ‰ – в селе. Первобеременных в I группе было 59 ‰, первородящих – 66 ‰, во II группе – 48,4 ‰ и 40 ‰ соответственно.

При сравнении полученных в обеих группах данных со среднестатистическими показателями роста, массы тела и размеров таза у обследованных беременных статистически достоверных различий не выявлено. При оценке состояния здоровья беременных отмечено сочетание нескольких экстрагенитальных заболеваний. Частота экстрагенитальной патологии в анализируемых группах представлена в табл. 1.

Как видно из табл. 1, в структуре заболеваний во II группе были: анемия – 27,5 %, заболевания эндокринной системы – 26,8 %, мочевыделительной системы – 17,3 %, желудочно-кишечного тракта – 14,3 %, органов дыхания – 13,9 %, ЛОР-органов – 12,7 %, сердечно-сосудистой системы – 10,7 %, глаз – 9,8 %, нервной системы – 7,5 %.

Таблица 1

Частота экстрагенитальных заболеваний у матерей

Показания к операции	Физиологические роды (I группа) n=200		Кесарево сечение (II группа) n=440	
	Абс. число	%	Абс. число	%
Заболевания нервной системы	3	1,5	33	7,5
Заболевания сердечно-сосудистой системы		6,5	37	10,7
Заболевания органов дыхания	15	7,5	61	13,9
Заболевания желудочно-кишечного тракта	15	7,5	63	14,3
Заболевания мочевыделительной системы	19	9,5	61	17,3
Заболевания эндокринной системы	17	8,5	121	26,8
Заболевания ОДА	-	-	23	5,2
Хроническая гипохромная анемия	23	11,5	118	27,5
Заболевания ЛОР-органов	3	1,5	76	12,7
Заболевания глаз	3	1,5	43	9,8

При сравнении частоты гинекологической заболеваемости в изучаемых группах отмечено, что чаще встречались воспалительные заболевания матки и придатков, инфекции, передающиеся половым путем, эндометриоз, дисфункциональные маточные кровотечения, патология шейки матки. Во II группе гинекологическая заболеваемость встречалась чаще по всем нозологиям, чем в I группе.

Ранняя явка беременных в женскую консультацию в I группе составила 74,5 %, поздняя – 22,5 %, не наблюдались – 3 %, во II группе беременных – 64,5 %, 30 %, 5,5 % соответственно.

Осложнения беременности во II группе пациенток встречались в 2 раза чаще, чем в I группе. Ранний гестоз диагностирован в 8,5 % в I группе, угроза прерывания беременности в 15,5 %. Во II группе ранний гестоз осложнял течение беременности в 27,5 %, поздний – в 10,5 %, угроза прерывания беременности в 18,3 %. У пациенток II группы по данным УЗ-исследования многоводие диагностировано у 8 % беременных, маловодие – у 3,6 %. Анализ кардиотокограмм выявил, что гипоксия плода наблюдалась в 40 % случаев. Эхографические признаки плацентарной недостаточности в виде утолщенной отечной плаценты, преждевременного ее созревания и патологического объема околоплодных вод встречались у 7,3 % беременных.

Из 440 пациенток в плановом порядке были прооперированы 44,5 % (196 беременных), в экстренном – 55,5 % (244 женщины). Основным анестезиологическим пособием во время операции кесарева сечения был эндотрахеальный наркоз.

Аномалии излития околоплодных вод и аномалии родовой деятельности диагностированы у каждой пятой во II группе женщин. Акушерские кровотечения выявлены во II группе рожениц в 8,2%. У 9,8% пациенток II группы проводилось родовозбуждение.

Структура показаний к операции «кесарево сечение» представлена в табл. 2.

Средняя кровопотеря при физиологических родах составила 180 ± 22 мл, при операции «кесарево сечение» – 540 ± 29 мл. В I группе обследованных женщин своевременные роды произошли у 97,5 % женщин, преждевременные – у 1,5 %, запоздалые – у 1%, во II группе – 91,5 %, 6,7 %, 1,8 % соответственно. 5,4 % беременных родоразрешены путем кесарева сечения при тазовом предлежании плода.

В послеродовом периоде субинволюция матки и лохиометра диагностированы у 1% женщин в I группе, эндометрит – в 0,5 %, во II группе – у 10,3 % и 3 % родильниц соответственно.

В I группе родились 200 детей – 52,5 % – девочек и 47,5 % – мальчиков, во II группе – 441 ребенок (1 двойня) – мальчиков – 53,1 %, девочек – 46,9 %. Средняя масса детей при рождении в I группе составила $3220 \pm 0,51$ г, во II группе – $3310 \pm 0,4$ г.

Состояние новорожденных в обеих группах оценивалось по шкале Апгар на 1 и 5 минутах. Данные представлены в табл. 3.

Как видно из табл. 3, в I группе 82 % детей родились в хорошем состоянии, 18 % – в удовлетворительном состоянии. Во II группе 48 % детей родились в хорошем состоянии, 47,2 % – в удовлетворительном, 2,5 % – в состоянии средней тяжести и 2,3 % – в тяжелом состоянии.

В I группе 3,5 % детей родились с массой тела менее 2500 г. С массой тела более 3800 г родились 4,5 % детей. Средняя длина тела составила $49,9 \pm 1,3$ см. Недоношенными родились 1,5 % новорожденных.

Таблица 2

Частота показаний к операции «кесарево сечение»

Показания к операции	Плановое КС n=196		Экстренное КС n=224		Всего операций n=440	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Гипоксия плода	–	–	68	30,6	68	15,4
Экстрагенитальные заболевания у матери	12	6,1	5	2,2	17	3,8
Поздний гестоз	8	4,1	24	10,7	32	7,3
Рубец на матке	123	62,7	5	2,2	128	29,0
Аномалии излития околоплодных вод и родовой деятельности	–	–	63	28,1	63	14,3
Поперечное положение плода	12	6,1	2	0,9	14	3,1
Тазовое предлежание плода	18	9,2	6	2,7	24	5,4
Предлежание плаценты	5	2,6	1	0,4	6	1,4
Преждевременная отслойка нормально расположенной плаценты	–	–	23	10,3	23	5,2
Анатомически узкий таз	6	3,1	–	–	6	1,4
Клинически узкий таз	–	–	19	8,5	19	4,3
Возраст первородящей старше 30 лет	12	6,1	6	2,6	18	4,1
Угроза разрыва матки	–	–	2	0,8	2	0,5

Во II группе рожениц средняя масса детей при рождении составила $3320 \pm 0,28$ г. Детей с массой тела менее 2500 г родилось 4,5 %, более 3800 г – 16,9 %. Недоношенными родились 6,7 % новорожденных. При доношенной беременности у 6,2 % женщин родились дети с признаками гипотрофии. 1 недоношенный ребенок с внутриутробной задержкой развития на фоне инфекции умер на 4-е сутки.

Таблица 3

Оценка состояния новорожденных при физиологических родах и абдоминальном родоразрешении

Оценки по шкале Апгар на 1 и 5 минутах		I группа n=200		II группа n=440	
		Абс. число	%	Абс. число	%
≥8 баллов	1 мин	140	70,0	45	10,2
	5 мин	164	82,0	211	48
6–7 баллов	1 мин	60	30,0	298	67,8
	5 мин	36	18,0	208	47,2
4–5 баллов	1 мин	–	–	71	16,1
	5 мин	–	–	11	2,5
≤ 3баллов	1 мин	–	–	26	5,9
	5 мин	–	–	10	2,3

Наиболее благоприятно ранний неонатальный период протекал при кесаревом сечении, проведенном с началом родовой деятельности. У детей, извлеченных путем кесарева сечения в плановом порядке, вследствие снижения адаптационных способностей достоверно чаще отмечалось поражение нервной системы в виде нарушения мозгового кровообращения и энцефалопатии, синдрома дыхательных расстройств, первичных ателектазов, аспирационного синдрома, транзиторного тахипноэ. Необходимость в реабилитационных мероприятиях возникла у 20 % детей, извлеченных при кесаревом сечении.

У 31 % детей, рожденных путем кесарева сечения, первые сутки жизни осложнились симптомами повреждения нервной системы гипоксического и травматического характера. Синдром дыхательных расстройств наблюдался в первые сутки у 8 % новорожденных. Гемолитическая болезнь новорожденных, проявившаяся в виде патологической желтухи, зарегистрирована в 4 % случаев. Неонатальная инфекция (везикуло-пустуллез, конъюнктивит, омфалит, сепсис) осложняла период новорожденности у 3,4 % детей.

Анализ частоты заболеваний детскими инфекциями показал, что 28 % детей в I группе перенесли ветряную оспу, 10 % – краснуху, 9,5 % – эпидемический паротит, 2,5 % – корь, во II группе – 34,5 %, 25 %, 1,8 %, 0,5 % соответственно. По данным анализируемых амбулаторных карт детей, острые респираторные и респираторно-вирусные инфекции чаще встречались в анамнезе у детей II группы, составив в среднем по 2,6 эпизода на каждого ребенка I группы и 4,3 – II группы.

Частота хронических заболеваний у детей представлена на рисунке.

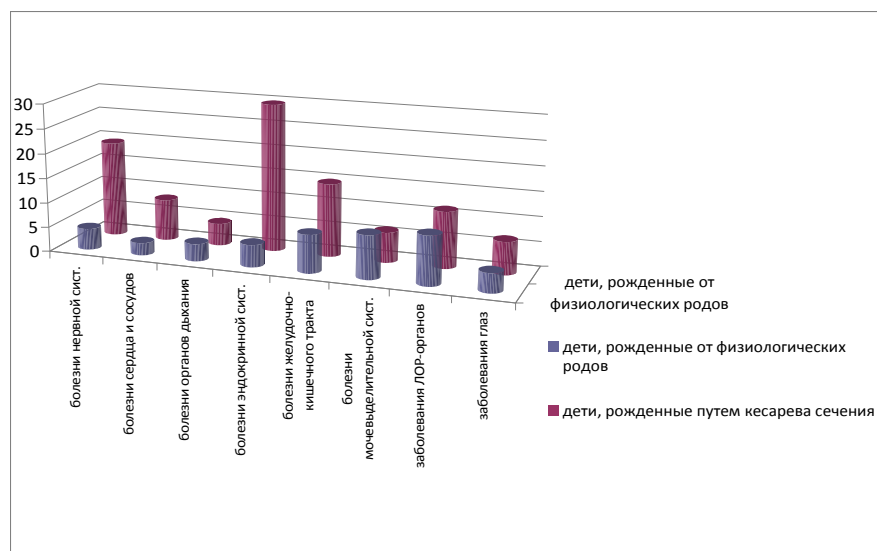


Рисунок. Частота хронических соматических заболеваний у детей 9–17 лет, рожденных при физиологических родах и путем кесарева сечения, %

Как видно на диаграмме, во II группе детей чаще встречались заболевания эндокринной системы – у 29,8 % детей, нервной системы – 19,1 %, желудочно-кишечного тракта – 14,8 %. В первую группу здоровья вошли 22,5 % детей, рожденных при физиологических родах, во вторую группу здоровья – 65,5 % детей, в третью группу здоровья – 12 %. Детей, отнесенных к четвертой и пятой группам здоровья среди рожденных от физиологических родов не было. В первую группу здоровья вошли 22,3 % детей, рожденных посредством кесарева сечения, во вторую группу здоровья – 33,9 % детей, в третью группу здоровья – 33,4 %, в четвертую группу здоровья – 5,7 % детей, в пятую группу здоровья – 4,7 % детей.

При анализе динамики длины и массы детей выявлено, что в 9 лет девочки I группы имели средний рост $132,2 \pm 1,8$ см, во II группе – $134,9 \pm 1,6$ см. Мальчики I группы в 9 лет имели средний рост $127,2 \pm 1,8$ см, во II группе – $139,6 \pm 1,6$ см. У девочек I группы с 9 до 12 лет зафиксирован скачок роста на 6,7 см к 12 годам жизни, т.е. к году начала менструаций средний рост девочек составлял $151,8 \pm 2,8$ см. Следующий, менее выраженный скачок, отмечен в 13–14 лет (на 4,4 см), в дальнейшем рост девочек в длину замедлялся. У девочек II группы отмечены 2 скачка роста с 10 до 11 лет и с 12 до 13 лет. К периоду менархе рост девочек составлял $152,1 \pm 2,3$ см. У мальчиков I группы с 9 до 12 лет зафиксирован скачок роста на 7,5 см к 12 годам жизни ($152,1 \pm 2,3$ см). У мальчиков II группы зафиксированы скачки роста на 6,6 см с 10 до 11 лет и на 6,1 см с 12 до 13 лет. К 17-летнему возрасту средняя длина тела юношей I группы составила $172,2 \pm 2,5$ см, девушек – $163,7 \pm 2,2$ см. Во II группе длина тела юношей – $173,5 \pm 2,8$ см, девушек – $164,9 \pm 2,4$ см.

Динамика изменений массы тела позволила выявить следующие закономерности: интенсивное нарастание массы тела у девочек I группы зарегистрировано между 9–10, 10–11 годами, и самый большой прирост с 11 до 12 лет составлял соответственно 14,5 %, 15,3 %, 16,5 % по отношению к приросту массы тела между 9 и 17 годами. Максимальное увеличение массы с 11 до 12 лет составило 5,7 кг в год. У девочек II группы значительное увеличение массы тела наблюдалось с 11 до 12 лет, с 12 до 13 лет, составив прирост на 21,5 %, 17,3 % по отношению к приросту массы тела между 9 и 17 годами. Средняя масса тела 17-летних девушек составила $57,8 \pm 2,5$ кг в I группе и $55,7 \pm 2,8$ кг во II группе. У мальчиков I и II групп масса тела интенсивно нарастала с 10 до 11, с 12 до 13 и с 15 до 16 лет, составив к 17 годам в I группе $64,7 \pm 2,1$ кг, а во II группе – $61,2 \pm 2,2$ кг.

Изучение размеров таза девочек в обеих группах показало, что происходит равномерное увеличение размеров костного таза с незначительным скачком в возрасте 9 лет. Наружная конъюгата увеличивается на 2,6 см, поперечные размеры – на 1,0 см, межгребневый – на 1,4 см и межвертельный – на 1,5 см. С 10 до 11 лет происходит увеличение размеров таза соответственно на 1,1 см, 1,4 см, 2,6 см, наружной конъюгаты – на 1,4 см. Распределение размеров таза по центильным таблицам с учетом возраста позволило нам более полно охарактеризовать гармоничность развития не только костного таза, но и общего физического развития девочек.

У 88,5 % обследованных девочек, рожденных через естественные родовые пути, менархе регистрировалось в $12,1 \pm 0,2$ года при достижении ими длины тела в $151,8 \pm 2,8$ см и массы тела в $44,4 \pm 1,8$ кг. Развитие вторичных половых признаков к этому возрасту у большинства обозначилось как $Ma_{2-3}P_{2-3}Ax_{2-3}$. У 74,5 % девочек, родившихся при абдоминальном родоразрешении, менархе установилось в возрасте $13,1 \pm 0,3$ года при достижении ими длины тела в $153,1 \pm 2,3$ см и массы тела в $47,4 \pm 1,6$ кг. Развитие вторичных половых признаков к этому возрасту у большинства обозначилось как $Ma_{2-3}P_{2-3}Ax_{2-3}$. Большин-

ство девочек, рожденных посредством кесарева сечения (82,3 %) имели ряд особенностей: позднее наступление менархе – у 25,5 %, гинекологические заболевания – у 32,8 %.

Анализ гинекологической заболеваемости в изучаемых группах девочек выявил рост числа заболеваний, который регистрировался с увеличением возраста (дисменореи, вульвовагинитов, воспалительных процессов придатков матки, эндометриоза). Диагностировались единичные случаи кист яичника и ювенильных маточных кровотечений.

Выводы

1. За последние 25 лет в КБР изменились частота, структура и показания к оперативному родоразрешению:

– частота кесарева сечения выросла более чем в 11 раз и составила 21,8 %.

– основными показаниями, которые привели к резкому увеличению абдоминального родоразрешения, являлись рубец на матке после перенесенных ранее оперативных родов, возросшая частота экстрагенитальных заболеваний у женщин репродуктивного возраста, дистресс плода.

2. При абдоминальном родоразрешении у 48% новорожденных оценка по шкале Апгар составила 8–9 баллов, у 47,2 % – 6–7 баллов, у 2,5 % 4–5 баллов, у 2,3 % – 3 и менее, в отличие от новорожденных, родившихся от физиологических родов (82 %, 18 %, 0 %, 0 % соответственно). 31 % новорожденных после оперативных родов нуждались в медикаментозной терапии, 20 % – в реабилитационных мероприятиях.

3. Установлено, что дети, рожденные от физиологических родов, имели физическое и половое развитие, соответствующее возрастным региональным нормативам. Большинство девочек, рожденных при абдоминальном родоразрешении, имели ряд отклонений функции половой системы, что проявлялось у 25,5 % девочек поздним наступлением менархе, у 32,8 % – гинекологических заболеваний (дисменореи, нарушений менструального цикла).

4. Для улучшения состояния здоровья детей, рожденных оперативным путем, необходима оптимизация методов диагностики, лечения и профилактики экстрагенитальной патологии, осложнений беременности и родов, организация мониторинга за состоянием беременной и плода, матери и ребенка, своевременное проведение оперативного родоразрешения.

5. Детей, рожденных путем кесарева сечения, необходимо рассматривать как группу риска, подлежащую постоянному диспансерному наблюдению со стороны врачей-специалистов как в период полового созревания, так и в репродуктивном возрасте.

Библиография

1. Лебедев А.С., Быкова Н.В., Ильченко К.Н. и др. К вопросу об оперативном родоразрешении // Материалы XI Всероссийского научного форума «Мать и дитя». – М., 2011. – С. 107–108.
2. Манухин И.Б., Мынбаев О.А. Кесарево сечение: современное состояние проблемы // Материалы XI Всероссийского научного форума «Мать и дитя». – М., 2011. – С. 132–133.
3. Чернуха Е.А. Кесарево сечение // Родовой блок. – М.: ТриадаХ, 2010. – 508 с.
4. Краснопольский В.И. Место абдоминального и влагалищного оперативного родоразрешения в современном акушерстве. Реальность и перспективы // Материалы X Всероссийского научного форума «Мать и дитя». – М., 2010. – С. 107–108.
5. Узденова З.Х., Шогенова Ф.М. Эволюция оперативных родов в Кабардино-Балкарии // Материалы 1-й Международной конференции. – Нальчик: КБГУ, 2009.
6. Шогенова Ф.М. Показатели здоровья подростков, обучающихся в КБГУ // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Мониторинг физического развития, физической подготовленности различных возрастных групп населения». – Нальчик, 2003. – С. 12–14.
7. Muhuri P.K., Macdorman M.F, Menacker F. // *Matern. Child. Health J.* – 2006. – Vol. 10. – № 1. – P. 47–53.
8. Sjöholm L., Holmgem G. Cesafean secshion: The Misgav Ladach Method // *New on Health Care in Developing Countries.* – 2005. – Vol. 9.

УДК 616-05,2

ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ У ДЕТЕЙ

Теммиева Л.А., Теммиев Д.Ч., Тхагапсоева Ж.А., Керимов М.Б.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

murik@kbsu.ru

В работе приведены результаты психологического обследования детей с психосоматическими заболеваниями. Выявлено наличие патологических личностных характеристик, свойственных данной группе заболеваний.

Ключевые слова: психосоматика, психосоматические заболевания, дети.

PSYCHOSOMATIC PATOLOGY OF CHILDREN

Temmieva L.A., Temmieev D.Ch., Thagapsoeva Zh.A., Kerimov M.B.

Kabardino-Balkarian State University

Authors examined 425 patients with psychosomatic pathology in the age 8–16 years old. Examination of clinical status conducted simultaneously with psychological status revealed in children with chronic pathology.

Keywords: psychosomatic, psychosomatic pathology, children.

В современной медицине раздел «Психосоматика» представляют исследования (клинические, психологические, эпидемиологические, лабораторные), освещающие различные аспекты биологических и психосоциальных соотношений, роль стресса в этиопатогенезе соматических заболеваний, связь патологических и поведенческих паттернов с чувствительностью к определенным соматическим заболеваниям, влияние некоторых методов лечения на психическое состояние [1, 2, 3].

Функциональные заболевания характеризуются отсутствием изменений результатов лабораторных и инструментальных методов обследования. К психосоматическим заболеваниям относят бронхиальную астму, язвенную болезнь, хронические заболевания желудочно-кишечного тракта, эндокринную патологию, вегето-сосудистую дистонию [4, 5].

Наиболее характерная черта ребенка – эмоциональность. Он очень живо откликается на негативные и положительные изменения в его окружении. Они имеют очень большое значение в приспособлении ребенка к изменяющейся жизни. Однако при определенных условиях чувства могут играть и отрицательную роль, способствуя возникновению функциональных соматических расстройств [6]. Если процесс психической адаптации недостаточно эффективен, то физиологические компоненты эмоций, взаимодействуя с психогенным стрессом, приобретают патогенетическое значение в формировании психосоматических нарушений [2, 3].

К сожалению, методы психологического обследования и психотерапевтической помощи больным детям до сих пор не заняли своего должного места в педиатрической практике. Врачи чаще игнорируют психологические аспекты заболевания, которые могут оказывать существенное влияние на формирование клинической картины. Особенно это относится к субъективным переживаниям ребенка, его отношению к болезни и лечению. Как не вспомнить слова русского психолога В.Н. Мясищева: «Врач, который при лечении больного все свое внимание уделяет коме, игнорирует психику, уподобляется ветеринару» [6].

Нельзя забывать о том, что мы диагностируем, оказываем терапевтическую и психологическую помощь в первую очередь личности, страдающей тем или иным соматопсихическим или психосоматическим заболеванием. Личность как интегральная индивидуальность на всех уровнях реагирует на изменения внутри организма. Следует отметить, что за последние годы были изучены психологические особенности детей при различных соматических и психосоматических заболеваниях [5, 6].

Цель исследования. В настоящем научном клиническом исследовании авторы ставили цель – изучить роль индивидуально-типологических личностных основ при психосоматических заболеваниях.

Материалы и методы. Для решения поставленной задачи были обследованы 425 детей, проживающих в Кабардино-Балкарской Республике: 209 мальчиков и 318 девочек в возрасте 8–16 лет.

Обследованные дети составили 4 клинические группы. Первая группа больных включала 112 человек с психосоматическими расстройствами пищеварительной системы (холецистопатии, хронический

гастродуоденит). Вторая группа (с психосоматической патологией сердечно-сосудистой системы) состояла из 113 человек с вегето-сосудистой дистонией. Третья группа – 98 детей с бронхиальной астмой. Четвертая группа – пациенты, страдающие психосоматическими расстройствами эндокринной системы (гипотиреоз). Контрольную группу представили 102 здоровых ребенка.

Пакет психологических методик обследования включал личностные опросники Айзенка, Леонгарда – Шмишека, определение типа темперамента ребенка, психологическое интервьюирование, тест Люшера, рисуночные задания («дом, дерево, человек», «мое хорошее и плохое настроение»), относящиеся к проективным методикам. Следует отметить большую целесообразность использования проективных методик по сравнению с личностными ввиду большей чувствительности и информационной наполненности показателей. Исследование проводилось на базе Республиканской детской клинической больницы, Республиканского эндокринологического центра и Республиканского аллергологического центра.

Результаты и обсуждение. Комплексный патогенетический психологический анализ полученных данных выявил следующие особенности конституциональных личностных характеристик пациентов.

У больных с холецистопатиями и хроническим гастродуоденитом наблюдались признаки невротизации, главным образом – беспокойство, эмоциональная неустойчивость, недостаточная концентрация внимания. Преобладающее количество больных относилось к истероидному личностному психотипу.

Многомерный патопсихологический анализ детей, страдающих соматическими расстройствами показал повышение уровня агрессивности, формирование депрессивного состояния. Выраженные нарушения психоэмоциональной сферы не позволяют осуществить рациональную переработку психотравмы, которая приводила бы к адекватному восприятию ситуации и позволила бы наметить позитивные личностные перспективы.

Рисунки истероида на первый взгляд оптимистичны, однако на самом деле отражают тревогу и беспокойство, которые поселились в душе ребенка. Обращает на себя внимание тот факт, что при повышенном уровне конституциональной тревоги уровень ситуационной тревоги остается в рамках нормы. Столь своеобразное изменение в соотношении конституциональной и ситуационной тревоги подтверждает предположение И.В. Боева (2002) о том, что внешние патогенные факторы способны актуализировать механизмы эндогенной конституциональной личностной predisпозиции, что препятствует эффективности терапии.

Результаты проведенного психодиагностического анализа детей с вегето-сосудистой дистонией показали наличие невротического состояния. При этом наблюдается утрата интересов, отсутствие побуждения к активной деятельности, сосредоточенность на своих ощущениях. Наряду с вышперечисленными отмечается повышенная раздражительность.

Среди больных с сердечно-сосудистой соматической патологией преобладали дети с эпилептоидным личностным психотипом, располагающиеся в диапазоне нормы конституционально-континуального пространства. Рисунки эпилептоидов отличаются наличием агрессивного оттенка, душевной напряженности, проявляющихся в виде багряно-черных тонов и жестких угловатых изображений. Душевная напряженность больного эпилептоида требует разрядки. Сюжет изображений гетероагрессивен, что указывает на попытку эпилептоида любой ценой справиться со сложившейся ситуацией.

У всех пациентов с бронхиальной астмой независимо от психотипа наблюдалось снижение энергетической активности, астении, наиболее выраженные у представителей циклоидного, истероидного и эпилептоидного психотипов, что указывает на глубину психотипологической декомпенсации конституциональных механизмов при бронхиальной астме. Ярко проявлялись дистимические реакции, определяющие генерализованность психоэмоциональных нарушений. Этим больных характеризовал высокий уровень тревожности, внутренняя напряженность, стойкие опасения за свое физическое благополучие, постоянная внутренняя «переработка» проявлений заболевания, неуверенность при общении с окружающими, нерешительность.

Для детей, страдающих гипотиреозом, характерны замкнутость, склонность к одиночеству, интроверсия, отчужденность и отгороженность от окружающей обстановки, которые они объясняют свои «плохим состоянием». Им свойственны невротические черты поведения в сочетании с инфантильностью. У данных больных наблюдается повышенная утомляемость, нарушение сна. Отмечается медлительность при выполнении школьных заданий, колебания в успеваемости.

Ярко выраженным оказывается ощущение внутренней напряженности, готовности к возникновению какой-либо неожиданности, неприятности. Анализ данных, полученных с использованием проективных методик, позволяет говорить о следующих особенностях: изображения размыты, малодифференцированы, преобладают депрессивные оттенки. Однако в некоторых рисунках прослеживается оптимизм, свойственный циклоидам.

Таким образом, проективные методики достаточно точно отображают личностно-психологические переживания у детей, страдающих психосоматическими заболеваниями.

Выводы

1. Психологические особенности личности во многом определяют физиологические компенсаторные возможности организма и способность к противостоянию детского организма к заболеваниям.

2. Воздействие на отдельные аномальные черты личности позволяет стабилизировать психотипологические механизмы адаптации и тем самым способствует, как минимум, улучшению болезненного состояния ребенка. Использование психологических методов в диагностическом и лечебном процессе является необходимым фактором успеха терапии психосоматических заболеваний.

Библиография

1. Лурия Р.А. Внутренняя картина болезней и патогенные заболевания. – Изд. 2-е. – М., 1977.
2. Смулевич А.Б. Расстройства личности. – М.: Миа, 2009. – 189 с.
3. Эйдемиллер Э., Юстицкис В. Психология и психотерапия в семье. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 672 с.
4. Любан-Плоцца Б. и др. Психосоматические расстройства в общей практике. – СПб., 2000. – 377 с.
5. Исаев Д.Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. – СПб.: Речь, 2007. – 400 с.
6. Боев И.В. Пограничные нервно-психические расстройства. – Ставрополь, 2002. – 104 с.

**МЕТАБОЛИЗМ L-АРГИНИНА У БОЛЬНЫХ
АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТЕНЗИЕЙ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОГОРЬЯ**

Курданова М.Х., Бесланев И.А., Батырбекова Л.М., Курданов Х.А.

*Центр медико-экологических исследований Государственного научного центра
Российской Федерации – Института медико-биологических проблем Российской академии наук*

kurdanov@yandex.ru

Изучены альтернативные пути метаболизма L-аргинина у больных АГ и здоровых лиц, проживающих в высокогорных районах Приэльбрусья.

Ключевые слова: оксид азота, L-аргинин, артериальная гипертензия, высокогорье.

**METABOLISM OF L-ARGININ ET PATIENTS WITH
ARTERIAL HYPERTENSION IN THE HIGH MOUNTAINS**

Kurdanova M.H., Bатыrbekova L.M., Beslaneev I.A., Kurdanov H.A.

*The centre of medico-ecological researches of the State centre of science of the Russian
Federation – Institute medical and biologic Problems of the Russian Academy of Sciences*

*Studied alternative ways of metaboliizma L-arginine hypertension patients and healthy individuals living
in the Highlands of Elbrus.*

Keywords: nitric oxide, L-arginin, essential hypertension, highlanders.

L-аргинин служит необходимым предшественником для синтеза большинства белков и многих биологически активных веществ (полиаминов, креатина) и является эссенциальным субстратом для синтеза оксида азота (NO)[1,2]. В экспериментальных и клинических исследованиях показано, что при гиперактивации аргиназы (Arg) – ключевого фермента цикла мочевины, гидролизующего L-аргинин в мочевины и L-орнитин, активируется орнитиндекарбоксилаза (ОДК), основной фермент, регулирующий синтез полиаминов (Па)[3].

Аргиназа может выступать как ингибитор (прямой и косвенный) эндотелиальной синтазы оксида азота (NOS), уменьшая содержание L-аргинина в эндотелиальных клетках, в результате чего снижается продукция оксида азота (NO)[4].

В условиях умеренной гипоксии активность аргиназы уменьшается, изменяется синтез и транспорт Па и М, а продукция NO увеличивается за счет адаптивных процессов – активации фактора, индуцируемого гипоксией (HIF-1) и нитритредуктазной активности металопротеинов, в особенности гемоглобина[4].

В связи с вышеизложенным целью исследования было изучение альтернативных путей метаболизма L-аргинина у больных АГ и здоровых лиц, проживающих в высокогорных районах Приэльбрусья.

Материал и методы

В высокогорных районах Приэльбрусья – п.п. Терскол, Тегенекли, (2200–3400 м над уровнем моря) обследованы 120 коренных жителей. Были выделены следующие группы:

1. 30 больных АГ I степени, (13 мужчин (м) и 17 женщин (ж), средний возраст $47,3 \pm 3,4$ лет), индекс массы тела (ИМТ) $24,3 \pm 0,6$ кг/м².
2. 30 больных АГ II степени, (16 м. и 14 ж, средний возраст $58,2 \pm 3,6$ лет), ИМТ $23,9 \pm 0,6$ кг/м².
3. 30 больных АГ III степени, (10 м. и 20 ж, средний возраст $63,7 \pm 2,4$ года), ИМТ $22,8 \pm 0,7$ кг/м².
4. Контрольную группу составили и 30 здоровых жителей высокогорья, (13 м и 17 ж, средний возраст $45,2 \pm 4,7$ лет), ИМТ $23,6 \pm 0,3$ кг/м².

Методы исследований

Всем пациентам было проведено общеклиническое обследование. В исследование не включались больные с симптоматической гипертензией, признаками сердечной недостаточности, метаболическими и эндокринными нарушениями, признаками острых воспалительных заболеваний.

Состояние сердечнососудистой системы оценивалось с помощью компьютерной электрокардиографии «ЭК12К-01, Геолинк», (Россия-Швеция), интерпретирующего электрокардиографа «Cardiette», (Италия), эхокардиографии «Aloka SSD-500», (Япония). Артериальное давление определялось с помощью мониторов артериального давления «AND» и «Omron», (Япония), суточного монитора АД «Mobil-O-Graph», (Англия).

Производство оксида азота (NO) оценивали по концентрации его стабильных метаболитов – нитрита (NO₂) и нитрата (NO₃) – в плазме крови и эритроцитах. Концентрацию NO₂ и NO₃ определяли в безбелковых фильтратах плазмы крови и эритроцитах спектрофотометрическим методом (СФ-4-А, Россия) с помощью реактива Грисса по методу Грина в модификации Коцюруба А.В.[7]. Концентрацию NO₃ определяли в безбелковых фильтратах плазмы и эритроцитов, используя бруциновый реактив. Величину экстинкции рассчитывали при длине волны 543 нм и 405 нм. Содержание NO₂ и NO₃ рассчитывали по калибровочным графикам, построенным для стандартных растворов нитрита натрия и нитрата натрия. Метаболизм L-аргинина по окислительному (NO-синтазному) и неокислительному (аргиназному) пути оценивали по концентрации конечных продуктов каждой реакции: стабильных метаболитов NO-NO₂ и NO₃, а также Па и М, которые определялись в плазме крови и эритроцитах с помощью спектрофотометрического и фотометрического методов.

Использовалась статистическая программа «Statistica v. 6.». Результаты обработаны на ПК и считались статистически достоверными при уровне значимости $p < 0,05$. Гипотезу о равенстве средних величин оценивали при помощи t-критерия Стьюдента. Связь признаков изучалась при помощи линейной регрессии и корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Как видно из данных, представленных в таблице, содержание М в крови у группы здоровых лиц по сравнению в группе больных АГ I ст. достоверно не различается. В группах больных АГ II и АГ III ст. содержание М значительно выше, чем в группе здоровых лиц.

Таблица

Содержание мочевины (М), полиаминов (Па), нитритов (NO₂) и нитратов (NO₃) в крови у больных АГ разной степени и здоровых лиц

Группы	Показатели			
	Содержание в крови, нмоль/мл			
	М	ПА	NO ₂	NO ₃
Больные АГ I ст. n = 30	4336,3±22,3 p>0,05	12,3±1,9 p>0,05	18,8±0,62 p<0,05	60,9±2,5 p<0,05
Больные АГ II ст. n = 30	9763,8±35,3 P<0,01	17,8±2,2 p<0,01	14,5±0,85 p<0,001	51,8±3,2 p<0,01
Больные АГ III ст. n = 30	11847,3±53,7 p<0,001	20,6±2,9 p<0,01	10,3±0,9 p<0,001	46,1±2,5 p<0,001
Здоровые лица n = 30	4056,8±25,6	11,9±2,5	22,4±0,9	68,8±1,8

Примечание: p – достоверность различий между группой здоровых лиц и группами больных АГ.

Содержание Па в крови в группе здоровых лиц по сравнению с больными АГ I ст. достоверно не различается, а в группах АГ II и АГ III ст. содержание ПА достоверно повышено (на 63–68 %).

Концентрация NO₂ в крови достоверно снижена во всех группах больных АГ. Выявленное снижение концентрации NO₂ выявлено у больных АГ II и АГ III ст. по сравнению с группой здоровых лиц (на 40–87 %).

Концентрация NO₃ в крови также снижена во всех группах больных АГ: в группе больных АГ I ст. достоверно не отличается. В группах больных АГ II и АГ III ст. концентрация NO₂ и NO₃ в крови снижена значительно (на 32–49 %).

При корреляционном анализе полученных данных выявлены обратные взаимосвязи между содержанием Па в крови и АДС у больных АГ II и АГ III ст.: ($r = -0,362$; $p < 0,05$, $r = -0,437$; $p < 0,05$). Между концентрацией Па в крови и содержанием NO выявлены обратные корреляционные связи в группах больных АГ II и АГ III ст.: ($r = -0,458$; $p < 0,05$; $r = -0,483$; $p < 0,05$). Между концентрацией NO в крови АДС и АДД выявлены тесные обратные корреляционные связи: ($r = -0,723$; $p < 0,001$; $r = -0,648$; $p < 0,01$).

Исходя из вышеприведенных данных можно сделать вывод об активации неокислительного (аргиназного) пути метаболизма L-аргинина у больных АГ, проживающих в высокогорье. Наиболее выражен неокислительный (аргиназный) путь метаболизма L-аргинина у больных АГ II и АГ III степени с длительным течением АГ- (5 и более лет).

Выводы

1. У больных АГ II и III степени, проживающих в высокогорье, активируется неокислительный (аргиназный) путь метаболизма L-аргинина, сопровождающийся усилением синтеза полиаминов и мочевины.
2. Активация аргиназного пути метаболизма L-аргинина приводит к снижению концентрации стабильных метаболитов NO (нитритов и нитратов) в крови.
3. Между уровнями систолического и диастолического артериального давления и концентрацией полиаминов и мочевины в крови существуют обратные корреляционные связи, более выраженные у больных с АГ II и III степени.
4. У здоровых лиц корреляционные связи между систолическим и диастолическим артериальным давлением и содержанием в крови стабильных метаболитов NO, полиаминов и мочевины отсутствуют или слабо выражены.

Библиография

1. Nelin, Leif D., Stenger, Michael R, Malleske, Daniel T. et al. Vascular Arginase and Hypertension // *Cur. Hypertens. Rev.* – 2007. – V. 3, N. 4. – P. 242–249.
2. Miguel Angel Medina., Jose Luis Urdiales. et al. Biogenic Amines and Polyamines // *Crit. Rev. Biochem. Mol. Bio.* – 2003. – V. 38. Is -1: P. 23–59.
3. Bachetti T, Comini L, Francolini G, et al. Arginase pathway in human endothelial cells in pathophysiological conditions // *J. Mol. Cell. Cardiol.* – 2004. – V. 37. – P. 515–523.
4. Santhanam L., Christianson DW., Nyhan D, et al. Arginase and vascular aging // *J. Appl. Physiol.* – 2008. – V. 105, N. 5. – P. 1632–1642.
5. Palmer LA., Semenza GL., Stoler MH. et al. Hypoxia induces type II NOS gene expression in pulmonary artery endothelial cells via HIF-1 // *Am. J. Physiol.* – 1998. – V. 274, N 1. – P. 212–219.
6. Manukhina E.B., Mashina S.Yu., Smirin B.V. et al. Role of nitric oxide in adaptation to hypoxia and adaptive defense // *Physiol. Res.* – 2000. – V. 49. – P. 89–97. 8.
7. Коцюруба А.В., Семикопна Т.В., Вікторов О.П. та ін. Деклараційний патент на винахід. Бюл №7-11. 31600.A15.12.2000. Спосіб кількісного визначенні нітрит-аніону в біологічній рідині.

**ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОСТОЯНИЕ ТИРЕОИДНОЙ СИСТЕМЫ
ПРИ ОТСТУТСТВИИ ЙОДНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ В АНТЕ- И ПОСТНАТАЛЬНОМ
ПЕРИОДАХ У ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА**

Ульбашева А.С., Жетишев Р.А., Жетишева И.С.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Ulbasheva_a@mail.ru, rra@kbsu.ru

Цель исследования – в объективизации влияния йода на антропометрические данные и состояние тиреоидной системы у детей с момента рождения и до достижения 3-летнего возраста. Исследованы 122 здоровых ребенка в зависимости от периода йодной дотации, разделенные на 4 группы. На протяжении 3-х лет проводились антропометрия и определение уровня гормонов ТТГ, Т3, Т4.

По результатам выявлено, что у детей, рожденных в условиях йодной дотации, в анте- и постнатальном периодах рост был выше, и это преимущество сохранялось до 3-х лет. Число детей, имеющих средний уровень развития, увеличивается к 3 годам во всех группах за счет снижения количества детей с низким и очень высоким развитием. Количество гармонично развитых детей так же увеличивается к 3 годам во всех группах.

Ключевые слова: антропометрия, гормоны щитовидной железы, йодная дотация.

**CHARACTERISTICS OF A THYROID SYSTEM PHYSICAL
DEVELOPMENT AND STATE IN INFANTS FOR LACK
OF IODINE PROPHYLAXIS IN THE ANTE- AND POSTNATAL PERIODS**

Ulbasheva A.S., Zhetishev R.A., Zhetisheva I.C.

Kabardino-Balcarian State University

The purpose of the analysis is to find out the iodine contribution objectification to the anthropometric data and thyroid status in children from birth until 3 years of age. 122 children were examined and divided into 4 groups according to iodine subsidy period. Over a period of 3 years anthropometry and TSH, TK, T4 hormones level have been carried out.

According to the examination results it has been detected that in children born. iodine subsidy condition during ante- and postnatal periods have a height advantage up to 3 years of age. The number of children with average level of development at age of 3 years increases in all groups by reducing the number of children with low and very high development. The number of children with harmonious development increases also to 3 years of age in all groups.

Key words: anthropometry, thyroid hormones, iodine subsidy.

Йоддефицитные состояния широко распространены в нашей стране. По географическому положению и биогеохимическим особенностям окружающей среды более 80 % территории России является йоддефицитной. Основную проблему здравоохранения в связи с этим составляет негативное влияние недостаточности йода на развивающийся мозг плода и ребенка раннего возраста [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Обусловлено это тем, что в условиях дефицита йода снижается синтез гормонов щитовидной железы – тироксина (Т4) и трийодтиронина (Т3). Дефицит тиреоидных гормонов у плода приводит к уменьшению массы головного мозга и структурным изменениям его ткани [8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15]. Йоддефицит изменяет антропометрические показатели: приводит к снижению роста, массы тела и дисгармоничному развитию детей. Взаимосвязи йодобеспеченности и физического развития, в том числе в детском возрасте, посвящено большое количество работ. Однако исследований по изучению физического развития в сравнении с функциональным состоянием щитовидной железы одних и тех же детей с первых дней жизни до достижения 3-летнего возраста, проживающих в эндемичном по йоддефициту регионе и в условиях наличия или отсутствия йодной дотации, нами в литературе не найдено.

Целью настоящего исследования являлась объективизация влияния профилактического назначения йода в анте- и постнатальном периодах на физическое развитие и состояние тиреоидной системы у детей раннего возраста.

Материалы и методы. Объектом исследования стали 122 клинически здоровых ребенка. Все дети рождены от запланированной беременности. Возраст женщин составил от 20 до 33 лет. Все матери

состояли на учете в женских консультациях г. Нальчика. Настоящая беременность у всех женщин протекала без осложнений.

Роды во всех случаях произошли в срок, в головном предлежании. Родились дети без асфиксии, в родильном зале были приложены к груди матери. Ранний неонатальный период протекал без осложнений. Дети выписаны домой на 5–6 сутки жизни в удовлетворительном состоянии.

Обследование проводили в городской детской поликлинике № 2 г. Нальчика в 1, 3, 6, 9, 12 месяцев жизни и 3 года.

Все дети были распределены в 4 группы.

Первую (контрольную) группу составили 56 детей (26 девочек и 30 мальчиков), матери которых получали йод во время беременности и в период грудного вскармливания. После окончания грудного вскармливания их дети получали препарат йода до 3-х лет.

Вторую группу (41 ребенок – 22 девочки и 19 мальчиков) составили дети, матери которых не получали йод во время беременности и в период грудного вскармливания. После прекращения кормления грудью мамы не давали препараты йода своим детям.

В третью группу были включены 11 детей (7 девочек и 4 мальчика), матери которых не получали йодной поддержки во время беременности, но получали его в течение всего периода грудного вскармливания и их дети получали йод до 3-летнего возраста.

Четвертую группу составили 14 детей (14 девочек), матери которых получали йод во время беременности, но не получали его в период грудного вскармливания. Не получали йод и их дети после прекращения грудного вскармливания до достижения 3-летнего возраста.

При назначении препаратов йода женщинам во время беременности и в период грудного вскармливания доза его составляла 250 мкг в сутки. Детям йод назначался исходя из потребности – 100 мкг в сутки [17, 18].

Йод применяли в виде отдельного таблетированного препарата (йодомарин 100 или йодомарин 200 фирмы «Берлин-Хеми»).

Посредством анкетирования родителей анализировалась информация о характере питания матери, типе молочной смеси, используемой для докорма, сроках введения в рацион блюд коррекции и прикормов, их характере, количестве и переносимости. Индивидуально рассчитывалась доза йода, получаемая ребенком со смесью.

Особое внимание обращали на продолжительность грудного вскармливания. До 9 месяцев жизни достоверных отличий по частоте грудного вскармливания у детей разных групп не отмечено. В 12 месяцев еще сохранялось грудное вскармливание у 6 детей (10,7 %) из первой группы, 5 детей (12,1 %) из 2-й группы, 2 детей (18,1 %) из 3-й группы и отсутствовало в 4-й группе.

Массу тела и рост измеряли сразу после рождения, далее – в 1, 3, 6, 9, 12 мес. и в 3 года. Все данные внесены в амбулаторную карту (форма №112/у). Оценка физического развития производилась по центильным таблицам (Воронцов И.М. и др. 1985 г.) в декретированные сроки соответственно возрасту и полу. Все дети были разделены на 7 групп: область «очень низких величин» (от 0 до 3 центилей), область «низких величин» (от 3 до 10 центилей), область «ниже среднего» (от 10 до 25 центилей), область «средних величин» (от 25 до 75 центилей), область величин «выше среднего» (от 75 до 90 центилей), область «высоких величин» (от 90 до 97 центилей) и область «очень высоких величин» (от 97 до 100 центилей). При оценке гармонии развития все дети разделены на 2 группы (гармоничное, дисгармоничное развитие).

Уровень ТТГ, Т4, Т3 в сыворотке крови определяли в 1, 3, 6, 9, 12 и 36 мес. жизни с помощью твердофазного иммуноферментного анализа набором «ИФА-БЕСТ» [20]. Минимальная достоверно определяемая концентрация для ТТГ не превышала 0,1 мМЕ/л; для Т3 – 0,1 нмоль/л и Т4 – 1,0 пмоль/л.

Учитывая влияние социально-экономических условий на развитие детей [3, 5, 7, 8], в исследование не включали детей из неблагополучных семей (при наличии алкогольной и наркотической зависимости родителей).

Статистическая обработка результатов проведена с помощью пакета программ Statistica 6.0 for Windows. Для сравнения двух независимых выборок применяли критерий Манна-Уитни, для сравнения связанных выборок – критерий Вилкоксона.

Результаты и их обсуждение

Рост детей первой группы уже при рождении достоверно превышал рост детей из 2-й и 3-й групп (см. табл. 1). Между 1-й и 4-й группами достоверных отличий не выявлено. К 1 мес. жизни рост детей 1-й группы больше, чем во 2-й, 3-й и 4-й группах, на 1 см ($p_{1-2}<0,003$, $p_{1-3}<0,02$, $p_{1-4}<0,007$). В возрасте 3-х месяцев рост детей в 1-й и 4-й группах выше, чем во 2-й и 3-й группах, на 1,5 см ($p_{1-2}<0,000$, $p_{1-3}<0,08$). В возрасте 6 мес. рост в 1-й и 4-й группах был больше на 2 см в сравнении со 2-й и 3-й группами ($p_{1-2}<0,000$, $p_{1-3}<0,000$). К 9 месяцам рост в 1-й группе на 1,5 см больше, чем в других группах ($p_{1-2}<0,000$, $p_{1-3}<0,001$, $p_{1-4}<0,5$). К 12 мес. в 1-й и 4-й группах ростовые показатели больше на 2,3 см в сравнении со 2-й и 3-й группами ($p_{1-2}<0,000$, $p_{1-3}<0,000$). К 36 мес. данные отличия сохранились ($p_{1-2}<0,000$, $p_{1-3}<0,000$).

Таблица 1

Динамика роста детей

Возраст	гр.1 n=56		гр.2 n=41		гр.3 n=11		гр.4 n=14		p
	M	± m	M	± m	M	± m	M	± m	
1 день	51,58	0,226	49,7	0,187	48,7	0,285	51,10	0,272	p1-2<0,05 p1-3<0,05 p1-4<0,01
1 мес	53,5	0,233	51,0	0,22	51,4	0,276	54,7	0,504	p1-2<0,003 p1-3<0,02 p1-4<0,007
3 мес	59,2	0,595	57,7	0,144	57,3	0,232	60,2	0,821	p1-2<0,000 p1-3<0,08 p1-4<0,8
6 мес	66,8	0,249	64,3	0,40	63,9	0,922	68,4	0,659	p1-2<0,000 p1-3<0,000 p1-4<0,002
9 мес	71,5	0,179	69,3	0,243	70,0	0,645	72,5	0,946	p1-2<0,000 p1-3<0,001 p1-4<0,5
12 мес	76,7	0,195	74,0	0,263	73,9	0,476	75,9	0,707	p1-2<0,000 p1-3<0,000 p1-4<0,2
36 мес	92,6	0,396	89,6	0,232	90,0	0,327	92,44	0,370	p1-2<0,000 p1-3<0,000 p1-4<0,7

С целью оценки степени физического развития, составлена таблица физического развития. В возрасте 1 мес. в группе 1 низкое развитие и развитие ниже среднего выявлено только у 26,7 % детей, во второй группе установлено у 24,3 %, а в 3 и 4 группах – 19,4 % и 18,4 % соответственно. В возрасте 3 мес. в 1-й группе детей с очень низким развитием не было. Развитие ниже среднего выявлено у 19,6 %, среднее развитие у 53,5 %, выше среднего у 19,6 % и высокое у 5,3 %.

Во второй группе развитие ниже среднего отмечалось у 22 %, среднее развитие – у 39 %, выше среднего и высокое развитие – у 24,3 % детей и очень высокое развитие – у 12 % детей. В 3-й и 4-й группах среднее развитие у 47,8 % и 47,3 % детей соответственно.

В возрасте 6 мес. среднее развитие в 1-й группе выявлено у 59 % детей и 39 % у детей во 2-й группе. В 3-й и 4-й группах этот показатель равен 52 % и 50 % соответственно.

В возрасте 9 мес. количество детей, развитие которых оценено как среднее, в 1-й группе 64 %, во 2-й группе таковых 51 %, в 3-й и 4-й группах 56 % и 50 % соответственно. В возрасте 1 года и 3 лет в первой группе развитие среднее и выше среднего признано у детей в 87,5% случаев. Во второй группе этот показатель равен 85,3 %, в 3-й и 4-й группах – 89,1 % и 84,2 % соответственно.

К моменту достижения 1 года во всех изучаемых группах отмечено снижение количества детей с низким и очень высоким развитием и увеличение числа детей со средним развитием. Данная тенденция наблюдалась до 3-х лет во всех группах.

Гармоничное развитие в возрасте от 1 до 3 мес. было у 75 % детей в 1-й группе, во 2-й группе – 52 %, в 3-й группе – 56 % детей и 64 % в 4-й группе.

Гармоничное развитие в возрасте от 6 до 9 мес. в 1-й группе выявлено у 82 % детей, во 2-й группе у 65 % детей, в 3-й группе таковых детей 67 %, в 4-й группе – 83 %. В возрасте 1 года гармоничное развитие выявлено у 85 % детей первой группы, у 72 % во 2-й группе и в 69 % и 82 % соответственно в 3-й и 4-й группах.

Число детей, имеющих среднее развитие, увеличивается за счет сокращения численности детей с низким, ниже среднего, высоким и очень высоким развитием с момента рождения и до 3-х лет. Данная тенденция характерна для всех групп.

Число детей, имеющих дисгармоничное развитие, также снижается до 3-х лет, т.е. именно в этом возрасте наибольшее количество детей со средним гармоническим развитием.

Масса тела новорожденных находилась в пределах 2810–3750 г при среднем значении 3280 ±470. Динамика показателей массы тела детей представлена в табл. 2 в виде средних показателей в декретированные сроки. Проведенные нами исследования массы тела детей и расчет средних значений в 1 день, 1, 3, 6, 9, 12 и 36 мес. позволили установить, что в течение 3 лет показатели веса находились в пределах возрастных норм.

Динамика массы тела

Возраст	Группа 1 n=56	Группа 2 n=41	Группа 3 n=11	Группа 4 n=14
	M±m	M±m	M±m	M±m
при рожд	3,28±0,05	3,26±0,05	3,26±0,13	3,55±0,08
1 мес	4,72±0,64	3,90±0,06	3,67±0,14	4,17±0,11
3 мес	6,25±0,19	6,09±0,09	6,11±0,17	6,15±0,17
6 мес	7,75±0,06	7,71±0,09	7,58±0,07	7,77±0,10
9 мес	9,15±0,04	9,23±0,07	9,15±0,13	9,10±0,07
12 мес	10,64±0,07	10,58±0,11	10,64±0,14	10,73±0,15
36 мес	14,98±0,14	15,00±0,10	15,03±0,15	14,84±0,33

Примечание: достоверность отличия во все периоды сравнения $p > 0,05$.

Масса тела на протяжении всего периода наблюдения в группах сравнения не выявила зависимости ни от самой йодной дотации, ни от сроков проведения йодной профилактики.

Определение гормонального профиля щитовидной железы по уровню тиреоидных гомонов ТТГ, Т3, Т4 является критерием ее функционального состояния.

Полученные результаты у детей контрольной (первой) группы отнесены к нормативным и использованы для сопоставления с аналогичными данными у детей 2, 3 и 4 групп (табл. 3).

Таблица 3

Динамика уровня гормонов щитовидной железы

Показатель	Группа (кол-во)	1 мес	3мес	6мес	9 мес	12 мес	36 мес
		M±m	M±m	M±m	M±m	M±m	M±m
ТТГ мк МЕ/мл.	1 (56)	1,81±0,1	1,6±0,2	2,4±0,2	2,2±0,2	2,1±0,2	2,0±0,1
	2 (41)	2,1±0,1*	1,9±0,2	1,7±0,1	1,3±0,2*	1,7±0,2*	2,1±0,1
	3 (11)	2,2±0,3	1,6±0,2	1,4±0,3	1,1±0,1*	1,9±0,3	2,3±0,3
	4 (14)	2,3±0,3	1,4±0,3	0,9±0,2*	0,7±0,1*	1,6±0,2*	1,9±0,3
Т3 нмоль/л	1 (56)	2,4±0,1	2,5±0,1	2,7±0,1	2,4±0,1	2,4±0,1	2,9±0,1
	2 (41)	2,7±0,2	2,3±0,2	2,5±0,1	2,0±0,3	2,6±0,2	3,2±0,2
	3 (11)	3,2±0,01*	2,9±0,4	2,6±0,3	2,4±0,2	2,7±0,2	3,4±0,1
	4 (14)	2,9±0,01*	2,6±0,2	2,2±0,3*	2,0±0,3*	2,8±0,3	3,2±0,3
Т4 пмоль/л	1 (56)	14,4±0,8	11,3±1,1	11,4±0,4	11,8±0,8	13,9±0,8	11,6±0,3
	2 (41)	10,7±0,3*	12,6±0,8	9,9±0,4	12,5±0,6	12,5±0,7	15,0±2,8
	3 (11)	10,9±0,7*	10,7±0,1	12,8±0,4	10,5±0,4	10,7±0,7	10,8±0,7
	4 (14)	14,9±1,0	10,8±0,7	8,9±0,8*	9,5±1,0*	10,9±0,6*	11,1±0,6

Примечание: * – достоверные различия в показателях в сравнении с 1 группой ($p < 0,05$)

Во всех группах уровень гормонов постоянно менялся. В возрасте 1 месяца самый низкий уровень ТТГ регистрировался в 1-й группе и достоверно отличался от 2-й группы ($p_{1-2} < 0,001$). Уровень Т3 в этот период достоверно выше в 3-й и 4-й группах в сравнении с 1-й группой ($p_{1-3} < 0,001$), ($p_{1-4} < 0,004$). Уровень Т4 в группах, получавших йод с антенатального периода (1-я и 4-я группы), достоверно выше, чем во 2-й и 3-й группах ($p_{1-2} < 0,001$), ($p_{1-3} < 0,001$), ($p_{2-4} < 0,001$), ($p_{3-4} < 0,001$) соответственно. Между 2-й и 3-й группами в возрасте 1 мес. достоверных отличий по уровню гормонов не выявлено.

В возрасте 3 мес. отмечалась тенденция к снижению уровня ТТГ, Т3, и Т4 во всех группах. Достоверных отличий ни по одному из гормонов выявлено не было.

Уровень ТТГ в возрасте 6 мес. увеличивается в 1-й группе, а во всех остальных группах снижается. Достоверные отличия выявлены между 1-й и 2-й группами с 4-й группой ($p_{1-4} < 0,01$), ($p_{2-4} < 0,01$). Уровень Т3 имел тенденцию к повышению в 1-й, 2-й группах, а в 3-й и особенно в 4-й группе отмечается его снижение. Достоверное отличие выявлено только между 1-й и 4-й группами ($p_{1-4} < 0,01$). К 6 мес. уровень Т4 снижается во 2-й и 4-й группах, повышается в 3-й группе и неизменен в 1-й группе с достоверными отличиями между 1-й и 4-й группами ($p_{1-4} < 0,01$), 2-й и 3-й ($p_{2-3} < 0,01$) и 2-й и 4-й группами ($p_{2-4} < 0,001$).

К 9 месяцам уровень ТТГ снижается и достигает самых низких значений за весь период изучения во 2-й и 4-й группах. Их уровень достоверно меньше, чем в 1-й группе ($p_{1-2}<0,01$), ($p_{1-3}<0,01$), ($p_{1-4}<0,001$). Уровень Т3 имел тенденцию к снижению во всех группах без достоверных отличий. Уровень Т4 в данный период увеличился в сравнении с 6 мес. в 1-й, 2-й и 4-й группах и снизился в 3-й группе с достоверными отличиями 1-й и 2-й групп от 4-й группы ($p_{1-4}<0,05$), ($p_{2-4}<0,02$).

В возрасте 12 мес. отмечена тенденция к повышению ТТГ во всех группах, кроме 1-й группы. В данной группе уровень ТТГ остается на прежнем уровне и достоверно отличается от 2-й и 4-й групп ($p_{1-2}<0,04$), ($p_{1-4}<0,02$) соответственно. Уровень Т3 в 12 мес. изменяется в группах сравнения идентично уровню ТТГ, но без достоверных отличий. Уровень Т4 имеет тенденцию к увеличению в 1-й и 4-й группах, а во 2-й и 3-й группах не меняется.

В возрасте 36 мес. уровень ТТГ во всех группах, кроме 1-й, – с тенденцией к увеличению. Таким образом, во всех группах значение данного гормона уравнивается и достоверно не отличается в группах сравнения. Уровень Т3 увеличивается во всех группах без достоверных отличий. К 3-м годам уровень Т4 в 1-й группе незначительно снижается, во 2-й и 4-й группах – с тенденцией к увеличению, а в 3-й группе остается неизменным. Достоверных отличий по уровню Т4 в группах сравнения не выявлено.

Выводы

1. Дети, которым проводили йодную профилактику, имеют более высокий рост с момента рождения и до 3 лет.
2. Йодная профилактика в ante- и постнатальном периодах не влияет на массу тела с момента рождения и достижения ими 3-х летнего возраста.
3. При наличии йодной дотации в ante- и постнатальном периодах уровень гормонов щитовидной железы характеризовался относительным постоянством в течение первого года жизни, в то время как отсутствие профилактики приводило к разнонаправленным существенным изменениям их уровня.
4. Отличия в уровне гормонов щитовидной железы в зависимости от наличия и периода йодной дотации носят транзиторный характер, и в возрасте 36 месяцев показатели не отличаются во всех группах.
5. Отсутствие йодной дотации, особенно в антенатальном периоде, приводило к функциональным нарушениям щитовидной железы у детей, которые характеризовались более высоким уровнем ТТГ, Т3 и низким Т4 в месячном возрасте.

Библиография

1. Дедов И.И. Йоддефицитные заболевания в Российской Федерации: методическое пособие / И.И. Дедов, Г.А. Герасимов, Н.Ю. Свириденко. – М., 2000. – С. 6–90.
2. Долбова С.И. Эффективность профилактики йодного дефицита у детей раннего и дошкольного возраста : автореферат дисс. ... канд. мед. наук: Федеральный научно-клинический центр детской гематологии, онкологии и иммунологии Минсоцразвития России. – М., 2009. – 24 с.
3. Древаль А.В. Оценка эффективности долгосрочной профилактики йоддефицита методом биологического мониторинга // Проблемы эндокринологии. – 2000. – Т. 46, № 2. – С. 42–45.
4. Касаткина Э.П. Йоддефицитные заболевания у детей и подростков // Проблемы эндокринологии. – 1999. – Т. 45, № 1. – С. 29–34.
5. Краснов В.М. Здоровье и развитие детей, проживающих в йоддефицитном регионе с разной антропогенной нагрузкой: автореф. дисс. ... докт. мед. наук. – М., 2001. – 47 с.
6. Макулова Н.Д. Состояние когнитивных функций у детей йоддефицитного региона: автореф. дисс. ... канд. мед. наук: Российская академия медицинских наук ГУ Научный центр здоровья детей. – М., 2002. – 24 с.
7. Матальгина О.А. Диетология на ранних этапах развития ребенка и возможности ее практической реализации // Вопросы современной педиатрии. – 2010. – Т. 9, № 4. – С. 124–131.
8. Мурашко Л.Е. Профилактика йоддефицитных заболеваний во время беременности // Русс. мед. журн. – 2003. – Т. 11, № 1. – С. 7–9.
9. Матальгина О.А. Диетология на ранних этапах развития ребенка и возможности ее практической реализации // Вопросы современной педиатрии. – 2010. – Т. 9, № 4. – С. 124–131.
10. Филимонова Н.А. Интеллектуальное развитие детей с врожденным гипотиреозом / Д.Е. Шилин, О.Л. Печора // Проблемы эндокринологии. – 2003. – Т. 49, № 4. – С. 26–32.
11. Шилин Д.Е., Пыков М.И., Логачева Т.С. и др. Йодная профилактика у детей первого года жизни // Лечащий врач. – 2001. – № 10. – С. 4–11.
12. Щеплягина Л.А., Надеждин Д.С., Храмов П.И. и др. Йодный дефицит и интеллектуальное развитие детей: возможности коррекции // Рус. мед. журн. – 2005. – Т. 13, № 1. – С. 85–88.
13. Boyages S.C., Collins J.K., Maberly G.F. et al. Iodine deficiency impairs intellectual and neuromotor development in apparently-normal persons. A study of rural inhabitants of north-central China // Med. J. Aust – 1989. – V. 150, № 12. – P. 676–82.

14. Connolly K.J., Pharoah P.O.D. Iodine deficiency, maternal thyroxine levels in pregnancy and development disorders in the children // *Iodine and the brain*. Plenum. – New York, 1989. – P. 317–331.
15. Delange F. Requirements of iodine in humans // *Iodine deficiency in Europe*. – New York, 1993. – P. 5–16.
16. Fether D.A. Fetal thyroid function diagnosis and management of fetal thyroid disorders // *Clinical Obstetrics And Gynecology*. – 1997. – V. 40, № 1. – P. 117–123.
17. Glinner D. Maternal and function at birth in arej, ofmarginally low iodine intake // *J. Clinical Endocrinol. Metab.* – 1992. – V. 75. – P. 800–805.
18. Hendrich C.E. The role of thyroid hormones in prenatal and neonatal neurological development – current perspectives // *Endocrine Reviews*. – 1993. – V.14, № 1. – P. 94–103.
19. Hetzel B.S. Iodine and neuropsychological development // *J. Nutr.*, –2000. – V. 130. – P. 493–495.
20. Pharoah P.O.D., Connolly K.J. Effects of maternal iodine supplementation during pregnancy // *Arch. Dis. Childhood*. – 1991. – V. 66. – P. 145–147.
21. Pharoah P.O.D., Connolly K.J. Maternal thyroid hormones and fetal brain development // *Iodine and the brain*. – New York, 1989. – P. 333–354.
22. WHO, UNICEF, ICCIDD. Recommended iodine levels in salt and guidelines for monitoring their adequacy and effectiveness. – Geneva, 1996. – P. 28–32.

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.64

ГРАНИЦЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Маремшаова И.И., Аккиева С.И., Кагазежев Б.С.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

irina_marem@mail.ru

В статье анализируется проблема взаимозависимости этнокультурного общения и этнического сознания. Выявляются факторы, которые обуславливают пропорциональность, масштабы и объемы этнокультурных контактов в зависимости от плотности этнокультурных границ. Этнодифференцирующие характеристики сознания рассмотрены на примере народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: этнос, культура, этническое сознание, язык, этнические ценности, этнокультурные контакты, историческая память.

BORDERS OF ETHNOCULTURAL COMMUNICATION AND ETHNOCONSCIOUSNESS

Maremshaova I.I., Akkieva S.I., Kagazejev B.S.

Kabardino-Balcarian State University

The problem of correlation of ethnocultural communication and ethnoconsciousness are under analysis in this article. Factors which cause proportion, scale and volume of ethocultural contacts have been releaved. Ethnodiffirential characteristics of consciousness are considering on the people of Northern Caucasus.

Key words: ethnos, culture, ethnoconsciousness, language, ethnical values, ethocultural contacts.

Изучение этнического сознания любого народа представляет не только большой интерес, но и большую сложность. Оно включает в себя самые разнообразные подходы и аспекты. Но одно является абсолютно очевидным – проследить этапы его формирования можно только анализируя весь исторический путь, пройденный народом, включая, безусловно, «историю его этнокультурных контактов» и установив границы этнокультурного общения. Категория исторического характера, приближенная по содержанию к таким абстракциям, как национальный и социальный характеры, выступает основополагающей в подобного рода исследованиях.

Память «ломающая барьер, который отделяет настоящее от прошлого, перекидывает мост между живущими и тем миром потусторонних, куда устремляется все, что лишилось света, солнца» [1]. Для того, чтобы осознать прошлое через минувшие события, надо иметь четкое представление о необратимости нашего реального времени, его однородности, последовательном расположении событий, т.е. владеть всеми элементами концептуального линейного времени.

Под реконструкцией этнического сознания той или иной эпохи мы понимаем восстановление определенных исторических типов поведения, мышления, восприятия и т.д., основанные на интерпретации памятников духовной и материальной культуры. Это своего рода «психологическая палеонтология», которая состоит из двух существенных моментов. Первый содержит «культурологическую инвентаризацию» условий и способов человеческого существования. Второй предполагает психологическое и философское объяснение материала. Л.Н. Гумилев в книге «Древняя Русь и Великая степь» предлагает несколько иной подход, считая что более надежным материалом для понимания эпох и народов предстает статистика событий одного уровня – суперэтнического, этнического или субэтнического. Он пишет: «... приняв за единицу изучения проверенное сведение о событии, достоверно датированное, и набрав их достаточное количество, можно получить, исследуя кучность событий, объективное представление о про-

цессах этно- и культурогенеза. Прделав эту работу, можно поставить вопрос об объективной характеристике этих процессов» [2]. Их детальная характеристика приведет нас к секретам этнического сознания. Процесс культурогенеза тесно связан с историей этнокультурных контактов и становлением этнического сознания.

Склад национального сознания того или иного этноса входит в состав его культуры и выражается через его культуру. Стойкие черты этнического сознания формируются через посредство обычаев, привычек, жизненных порядков, воспринимаемых от старших поколений и от окружающей среды. Любой памятник изучаемой эпохи способен послужить в качестве источника для изучения сознания, ведь он создан людьми, и они не могут не оставить на нем своего отпечатка. Если говорить об исторических памятниках, принадлежащих одному автору, то и здесь мы не имеем права пройти мимо, поскольку «любой автор творит для определенного зрителя или читателя, т.е. для близких себе по духу. Чужим его шедевры не понятны и не нужны. Поэтому их бросают без внимания или ломают. Только в редких случаях, когда возникает созвучие этнических культур, возможно заимствование, но и оно локализуется лишь в нескольких субэтносах, не распространяясь на большую часть этноса» [3].

Вероятно, что это созвучие этнической культуры балкарцев и кабардинцев, а также их духовно-психологическая совместимость позволяет им сосуществовать на одной территории длительное время и без каких-либо значительных эксцессов. В этом заключается и одна из причин того, что в современный период обострения межнациональных отношений на Северном Кавказе, эти два народа не оказались втянутыми в национальные конфликты, а имеющиеся разногласия и противоречия не носят форму открытого противостояния, хотя дважды в 1991–1992 гг. и в ноябре 1996 г. межэтническая напряженность между указанными народами накалялась, но урегулировать ее оба раза удалось мирным путем, на внутриреспубликанском уровне. Здесь уместно вспомнить категорию толерантности, поскольку она является одной из наиболее значимых характеристик при исследовании этнического самосознания. Терпимость по отношению к другому народу у представителей иной этнической группы выступает весьма показательным качеством, коэффициент которого во многом решает судьбу данного этноса. Это в полной мере можно отнести и к сфере межкультурного общения. «Культура вся расположена на границах, границы проходят повсюду через каждый момент ее ... Каждый культурный акт существенно живет на границах; в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [4]. Этническая группа на протяжении всего своего существования производит и передает по определенным каналам присущую только ей культуру и, несмотря на основную тезис культурной антропологии о том, что нет культуры отдельной этнической общности, мы считаем, что именно культурная специфика должна рассматриваться как основной признак всякого этноса.

Среди решающих факторов в исследовании этнического сознания большое внимание будет уделяться лингвистическому фактору. Язык, рассматриваемый в данном контексте, выступает и как механизм общения людей, и в то же время как инструмент обособления от других общностей. Связь исторической лингвистики, этнической психологии и исторической антропологии очень многообещающа. Язык – копилка исторического опыта народа в гораздо большей степени, нежели любая другая отрасль культуры. Двуязычие и многоязычие на Кавказе – явление древнее и широко распространенное. Жители горных ущелий нередко знали язык равнинных жителей [5].

Процесс «русификации» на Кавказе отвел русскому языку место языка-посредника, в связи с чем резко ухудшается знание родных языков, что в свою очередь влечет трансформацию этнического сознания. Состояние маргинальности становится характерной чертой многих северокавказских народов. Важные закономерности в изменении этнического стереотипа прослеживаются в этой области. Условия, в которых представители того или иного народа вынуждены осваивать иные, чуждые им культурные ценности, социальные роли, образ жизни приводит к модификации этноса.

При этом в этнической памяти удерживаются этнодифференцирующие характеристики в языке, обычаях, обрядах, нормах поведения, народном искусстве. Отношение к внешнему началу варьируется в зависимости от различных внутренних и внешних факторов. Это может быть сосуществование, вызывающее интерес, но не приводящее к взаимодействию.

Может происходить взаимное или одностороннее проникновение, ведущее к использованию каких-то элементов без утраты взаимной разделенности. Но и на этом уровне возникают элементы межэтнической культуры, на основе которой происходит общение между первичными общностями. Проницаемость этнических границ поддерживается этническими стереотипами. Плотность этнических границ должна быть не меньше, чем это требуется для сохранения группы как самостоятельного и целостного этнокультурного образования и не больше, чем это необходимо для непрекращающегося диалога и взаимообмена между разными народами [6].

Объективными характеристиками этноса являются его интеллект и эмоциональность, которые также подпитываются за счет этнокультурных контактов. К примеру, Л. Февр и Ш. Бродель считали, что психология не могла определить «универсальные черты» национального сознания, эмоциональность мышления, деятельности до тех пор, пока занималась отдельными разбросанными во времени и в пространстве человеческими группами вне их этнокультурных связей и преемственности.

Духовная неоднородность и полифоническое многообразие исторических голосов мешает объединению, хотя будущее развитие человечества связано с процессом накопления и взаимопроникновения национальных ценностей. Процесс взаимопроникновения культур особенно заметен у народов отдельных историко-культурных областей. Ярким примером такой области является Северный Кавказ. Народы, населяющие его седые склоны, издавна имели много общих черт культуры, основанных на этнической близости и на сходных естественно-географических условиях существования.

Процессы взаимопроникновения различных элементов культур соседей объясняются в первую очередь общностью территории. В современном мире границы этносов, если они не совпадают с государственными или существенными естественными рубежами, не всегда представляют собой четко определенную линию. Часто этносы смешаны друг с другом в территориальном, языковом, культурном отношении за счет распространения двуязычия и общих элементов материальной и духовной культуры, что накладывает отпечаток на развитие этнического сознания.

Таким образом, наличие двойственного процесса культурного обособления и культурной ассимиляции существенно влияет на этническое сознание любого народа. В истории человечества оба эти процесса друг без друга не существовали, но выступали в разной пропорции. Пропорциональность и определила масштабы и объемы этнокультурных контактов и плотность границ между ними.

Библиография

1. Vernant J. P. *Myth et pensee chez les grecs.* – P. 58.
2. Гумилев Л.Н. *Древняя Русь и Великая степь.* – М., 1989. – С. 590.
3. Там же. – С. 495–196.
4. Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики.* – М., 1975. – С. 2.
5. Лавров Л.И. *Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа // Кавказский этнографический сборник.* – М., 1989. – С. 4–15.
6. Солдатова О.У. *Психология межэтнической напряженности.* – М., 1998. – С. 85.

О НАУЧНОМ ТРУДЕ Ф.И. ЛЕОНТОВИЧА «АДАТЫ КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ» (1882)

Мусукаев А.И., Смыр Г.В.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

kaf_ruslit@mail.ru

Статья посвящена исследованию известного ученого 19 в. Ф.И. Леонтовича обычного права кавказских горцев, в частности адыгов. Проводится подробный анализ документов, литературного и полевого материала, используемых автором в труде «Адаты кавказских горцев».

Ключевые слова: закон, право, культура, жизнь горцев, история, народы Кавказа.

**ABOUT F.E. LEONTOVICH'S TREATISE
«ADATS OF THE CAUCASIAN MOUNTAIN DWELLERS» (1882)**

Musukaev A.I., Smyr G.V.

Kabardino-Balcarian State University

The paper is devoted to the research of a famous scholar of the 19th century, named F.E. Leontovich, of the traditional laws (adats) of the Caucasian mountain dwellers, particularly Adyg. The historical documents, literary and folklore writings used by the author in his work «Adats of the Caucasian mountain dwellers» are under the detailed analysis.

Key words: traditional law, culture, mountain dwellers' life, history of the North Caucasus.

Культура древних обществ исторически строилась на воспринимаемых большинством людей и удерживаемых в памяти наиболее типичных атрибутах бытия.

Духовная область их функционирования, переплетаясь сначала с присваивающим хозяйством, затем – производящим материальным бытом, в сочетании прошлого и настоящего качественно совершенствовались формирующиеся социально-этнические общества и группы. В этом состояла преемственность поколений: дети и внуки продолжали, привнося, естественно, свое, новое, делать то, чем занимались их родители, жили в их жилищах, на той же земле, пользовались усвоенными навыками, постепенно и крайне медленно переходящими в совокупность общепринятых установлений. Оседлый образ жизни, а также земледельческо-скотоводческое хозяйство способствовали формированию традиционного уклада, порядков, привычек, которые приучали к этому последующие поколения потомков социэтнической общности, и определяли, и устанавливали их средства и способы существования. Отсюда возникало и обычное право, регулировавшее взаимоотношения в традиционных общественных коллективах, превращая обыденные, бытовые действия в нормативные установления и впоследствии институализируя во всем проявлении и богатстве обычаев. Именно он, генетически связанный с социализацией человека, а в перспективе приведший к институту права, явился исходным пунктом рождения словосочетания и законов «обычного права». Обычно-правовые установления как нормы общежития и поведения стали обращать на себя внимание, фиксироваться и если не изучаться, то осмысливаться авторами древних письменных источников, документов и книг.

Первым шагом на пути целенаправленного изучения кабардинских адатов явилось прямое распоряжение А.П. Ермолова Якубу Шарданову заняться сбором материалов [3]. Затем около 20 лет на всех бюрократических уровнях Правительства Российской империи шли дискуссии о том, стоит ли церемониться с местными народами Кавказа, учитывать их интересы, обычно-правовые нормы, ментальность, психологию или волевым путем установить свое законодательство.

Из истории кавказоведения известно, что независимо от каких бы то ни было распоряжений Правительства сборы полевых этнографических материалов по обычно-правовым нормам вслед за Я.М. Шардановым производили И.Т. Раджицкий, К.П. Яновский, Г.С. Гордеев, Ш. Ногмов. Но по-прежнему в 40–50-е годы на территории, где уже действовали распоряжения Генерального штаба войск Кавказской линии и Черноморья, у судебных органов продолжали возникать вопросы, выходящие на обычное право и порядки, принятые у северокавказских народов. И естественно – писал выдающийся историк и этнограф Марк Осипович Косвен, что канцелярия по управлению мирными горцами мобилизовала своих лучших сотрудников (В.И. Голенищев-Кутузов, А.А. Неверовский, М.Б. Лобанов-Ростовский, Н.И. Давыдовский, Т.А. Норденстренг, А.А. Кучеров и др.) и в короткие сроки провела эту крайне необходимую и серьезнейшую работу. Собранные во всех частях Кавказской линии, начиная с кордонных ук-

реплений Черноморья, кончая всеми флангами, материалы в виде «Записок» в 1847 году были переданы для обобщения и сведения в единую рукопись капитану Генерального штаба М.М. Ольшевскому.

Однако рукопись увидела свет отдельным изданием усилиями профессора Одесского университета Федора Ивановича Леонтовича только лишь в начале 80-х годов XIX века. Он опубликовал ее под названием «Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа» (Одесса, 1882–1883. 2 части). И все же, не умаляя роли собирателей адатов XIX века, нельзя не заметить, что при всех их положительных качествах и характеристиках, русские офицеры и чиновники не были исследователями, тем более полевыми-этнографами, не владели языками горских народов и вряд ли способны были определить временные рамки возникновения и бытования тех или иных норм обычного права: насколько они архаичны или, наоборот, своевременны, новы и реально используемы. Добросовестно выполняя порученную им работу, сотрудники Генерального штаба войск Кавказской линии и их инстанций, безусловно, записывали все, о чем им рассказывали старожилы, и, вероятно, в их записи попала информация и о таких порядках, которые находились на грани трансформации и отмирания. Нельзя не учитывать и того факта, что права князей и дворян разных степеней усиливались с каждым новым десятилетием, и разница между уровнем зависимости крестьян XVIII–началом и серединой XIX века была ощутимой. Но и при этом выход издания Ф.И. Леонтовича явился для конца XIX века мощным стимулирующим толчком дальнейшего развития кавказоведения.

Профессора Ф.И. Леонтовича, как и его современника, видного историка и правоведа М.М. Ковалевского можно считать основателем юридической этнографии в России [4].

Испокон веков объектом исследований истории являлись развитые государства, войны, личности и царствующие династии; этнологии же и антропологии отводили участь описания нравов, традиций бесписьменных, уступающих экономически развитым народам и обществ. В то же время именно этнологической науке принадлежит приоритет в ретроспективном изучении человеческого прошлого. Неслучайно видный специалист по истории крестьянства А.В. Гордон писал: «Только вслушиваясь в тишину «неподвижной истории», можно различать зарождение «великих исторических движений», особенно тех, с каких начинается преобразование самой субъективности, характера исторического субъекта» [1].

Материалы опубликованных Ф.И. Леонтовичем «Адатов...» – бесценный источник по многим историко-культурологическим проблемам народов Северного Кавказа: во-первых, потому что он собирался у современников функционировавших юридических порядков, действующих лиц сельских общин, и, во-вторых, это многоплановый и обстоятельный документ более чем полусторолетней давности.

Хотя, как верно замечает Х.М. Думанов, «многое зависело от желания самого владельца превращать крестьянина в «тлхукотла, тлхукошао или унаута» [4].

К 40–60-м годам XIX века, безусловно, более четко обозначились феодально-зависимые слои общества, претензии владельцев на соответствующую их положению собственность – «къяужэщI» и было видно, что со становлением государственности и характерных ее атрибутов произойдет оформление права всего общества. Развитие по пути естественной индивидуализации, что можно наблюдать при сравнении самих адатов, собиравшихся в течение двадцати лет, а также «Посемейных списков» 1886 года, вело к уменьшению удельного веса больших семей, их поколенного и численного состава, превалирующего влияния малой семьи, близкой к современной. Богатейшая социально-культурная информация «Адатов...» указывает на проникновение инноваций в повседневный быт горцев, взаимодействие норм обычного права и Российского законодательства, возникновение новых форм управления общиной, дальнейшее социальное расслоение общества, меняющиеся критерии особенностей в этнических образованиях Северного Кавказа, национального характера, стереотипы, ориентационные перспективы.

Библиография

1. Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. – М., 1989. – 385 с.
2. Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адатов. Первая половина XIX века. – Нальчик, 1990. – 183 с.
3. Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. – 1955. – Т. 1. – 276 с.
4. Першиц Л.И. Проблемы «нормативной этнографии». – М., 1979. – 384 с.
5. Анчабадзе Ю.Д. Этнографические сюжеты в трудах Ф.И. Леонтовича // Советская этнография. – 1984. – № 4.
6. Бабич И. Эволюция правовой культуры адыгов. – М., 1999. – 211 с.

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО В ЗЕРКАЛЕ ВОЙНЫ
(история изучения и новые исследовательские задачи)*

Гугова М.Х., Текуева М.А., Нальчикова Е.Х.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

gugowa@mail.ru, tekmad@rambler.ru

Статья посвящена анализу истории изучения женской повседневности и женских репрезентаций в экстремальных условиях Великой Отечественной войны в отечественном кавказоведении.

Ключевые слова: война, женщина, структуры повседневности, гендер, Северный Кавказ, стратегии выживания.

WOMAN'S FACE IN THE MIRROR OF WAR
(historiography and new research problems)

Gugova M.H., Tekueva M.A., Nalchikova E.H.

Kabardino-Balkarian State University

The article is dedicated to analysis of the historiography of women's everyday life, women's mentality and attitudes towards women in extreme conditions of the Great Patriotic War as it is presented in domestic history of Caucasus.

Keywords: war, woman, structure of everyday life, gender, Northern Caucasus, survival strategies.

Вторая мировая война как событие первоочередной важности европейской истории XX века остается актуальной историографической темой в течение последних десятилетий как в России, так и за рубежом. Однако, исторические исследования женской повседневности, женских репрезентаций в экстремальных условиях войны, тем более в специфической этнокультурной среде, сохранившей архаические традиции в отношении к женщине, не были осуществлены в российской науке. При этом исследование повседневности, проблем «женщины и война», «женщины и нация», общие гендерные исследования успешно развиваются во многих странах уже около пятидесяти лет, открывая новые научные горизонты в целом ряде дисциплин – этнографии, истории, антропологии, культурологии, и даже позволяют синтезировать новые смежные направления в изучении человеческого общества. В научном мире высокий авторитет снискали работы известных западных ученых – основоположников методологических концепций теории гендера и создателей нового направления в академической науке – гендерных исследований. Это Р. Брайдотти, внесшая вклад в институционализацию женских исследований [1], И. Гофман – автор понятия «гендерный дисплей» и исследователь проблем социального конструирования гендера [2], Д. Батлер [3], развившая теорию М. Фуко [4] о взаимосвязи власти и частных чувственных переживаний индивидуума, Дж. Скотт [5], предложившая рассматривать гендер как необходимую категорию исторического анализа, Р. Коннел [6], использовавший опыт феминистской критики применительно к мужским исследованиям, и т.д.

Женщинам было уделено определенное внимание в советской официальной историографии войны, заключающейся в описании их участия в военных действиях, овладении ими мужскими профессиями, рассказах о неординарных женщинах и о героических женских судьбах. При этом их собственный голос вряд ли когда-либо был услышан, а женская военная повседневность оставалась вне исследовательского дискурса историков. Решения о том, кого и что именно нужно помнить, долгое время принимались как партией, так и самими историками. Более того ни в советское время, ни в перестроечный период вплоть до сегодняшнего дня беспрецедентный героизм советских женщин не был предметом внимания (за исключением нескольких исследований) и не был адекватно представлен ни на страницах учебников, ни в залах музеев Великой Отечественной войны.

Однако подробного исследования военной гендерной истории и культуры: микроисторического анализа повседневности, рассмотрения изменений в поведении и телесных репрезентациях, статусах и ментальных установках мужчин и женщин, связанных с глобальными социальными переменами в период Великой Отечественной войны, в российской историографии нет.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. вышло немало агитационно-публицистических очерков (в т.ч. в виде брошюр), в которых настойчиво педалировалась тема традиционности в Рос-

сии женского героизма, самопожертвования, самоотдачи. Этот мотив прозвучал и в первой диссертации о русских женщинах-врачах, защищенной в трудных условиях войны [7].

Женская роль в Великой Отечественной войне освещена в монографиях В.С. Мурманцевой «Женщины в солдатских шинелях» и «Советские женщины в Великой Отечественной войне» [8]; Ю.Н. Ивановой «Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах» [9]; Г.В. Воробьевой, В.И. Шамко. «Героизм женщин Советской Украины в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [10]; И.Н. Ворониной, Л.Т. Макарова «Ратный и трудовой подвиг советских женщин» [11]; Е. Голубова «Героини войны» [12]; Л.П. Овчинниковой «Женщины в солдатских шинелях» [13] и др.

Деятельность женщин Северного Кавказа нашла отражение в диссертациях регионального характера, дающих наиболее целостное представление о Северном Кавказе военных лет, однако, их сравнительно мало и деятельность субъектов региона в них не всегда отражена одинаково. Особенностью многих работ является сглаживание или умалчивание трудностей и неудач, тенденциозность изложения, очень мало уделено внимания социальным проблемам, условиям труда и быта тружеников тыла. Несмотря на то, что во всех исследованиях центральное место отведено вопросам партийного руководства, они освещают многие процессы тыловой и военной жизни региона [14].

Изменения, произошедшие в политической жизни страны в 90-е гг. XX века, привели к переосмыслению прошлого, в том числе событий войны. Предпринимаются попытки разностороннего освещения жизни советского общества в условиях военного времени, заметно глубже изучаются социальные аспекты войны.

В исследованиях регионоведов ввиду многонациональности состава населения региона уделяется внимание вопросам национальной истории. Среди проблем в указанный период изучается тема традиции и эволюции женского социопространства народов Северного Кавказа. Важное место в этом направлении заняли труды Ю.Ю. Карпова [15] и Х.В. Дзуцева [16], позволяющие полнее понять особенности женской эмансипации горняков в предвоенные десятилетия.

Региональная историография в последние годы пополнилась трудами авторов, раскрывающих деятельность трудящихся отдельных субъектов региона в период войны: Х.А. Галаева – Чечено-Ингушетии [17], Г.Г. Удалова – Северной Осетии [18], Д.В. Кочуры – Ставрополя [19], А.Д. Койчуева – Карачаевской автономной области [20] и других.

В ряду региональных специальных исследований проблемы «женщина и война» выделяются работы Текуевой М.А. [21] и Гуговой М.Х. [22], в которых впервые в новейшей историографии Северного Кавказа проводятся исследования женского военного пространства, женского военного опыта, женской военной повседневности, женских стратегий выживания в период войны, в том числе на оккупированных территориях Северного Кавказа (1942–1943 гг.) и местах спецпоселений для депортированных народов (с 1943 гг.). В этих работах делается попытка исследования проблемы с использованием новых подходов: гендерного, микроисторического методов и исследовательских приемов антропологии, этнопсихологии и др.

В современной российской историографии недостаточно исследований женского участия в Великой Отечественной войне в ракурсе истории повседневности, позволяющей взглянуть на события войны глазами женщин, через их личные переживания, через анализ гендерной структуры общества, сбоев гендерных статусов. Проведение такого исследования должно быть актуально для Северного Кавказа, население которого пережило все стадии ведения войны: прохождение линии фронта по территории Кавказа, оккупация Северо-Западного и частично Центрального районов Кавказа, их освобождение от врага, идеологические и политические последствия обвинений в адрес целых народов в пособничестве оккупантам.

Постановка подобной проблемы требует новых интерпретаций этнографических и нарративных источников, архивных и личных документов, литературных свидетельств. Настоящей статьей авторы предлагают расширить поле исследования военной истории Северного Кавказа, включив в него женскую историю Великой Отечественной войны.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Кавказская женщина: трансформации этнической ментальности и гендерных статусов в годы Великой Отечественной войны», проект № 12-11-07004а/Ю.*

Библиография

1. Брайдотти Р. Женские исследования и политики различия // Введение в гендерные исследования. Ч. II: хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 13–22. Она же. Путем номадизма // Там же. – С. 136–163.
2. Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. – Ч. II: хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 306–335.
3. Батлер Дж. Психика власти. – Харьков–СПб., 2002.
4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти и сексуальности. – М., 1996.

5. Скотт Д. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. – Ч. II: хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 405–436.
6. Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. – Ч. II: хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 851–879.
7. Розова К.Л. История первых русских женщин-врачей: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1945.
8. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. – М., 1974. – 2-е изд. – М., 1979; Она же. Женщины в солдатских шинелях. – М., 1971; Она же. Женщины-воина Малой земли // Вопросы истории. – 1981. – № 2. – С. 177–179 и др.
9. Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. – М., 2002; Она же. Женщины России в войнах Отечества. – М., 1993; Она же. И на Руси были амазонки // Армия. – 1992. – № 5. – С. 43–47 и др.
10. Воробьева Г.В., Шамко В.И. Героизм женщин Советской Украины в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Одесса, 1985.
11. Воронина И.Н., Макаров Л.Т. Ратный и трудовой подвиг советских женщин. – Воронеж, 1986.
12. Голубов Е. Героини войны. – Улан-Удэ, 1980.
13. Овчинникова Л.П. Женщины в солдатских шинелях. – Волгоград, 1987.
14. Сивков В.И. Партийные организации во главе партизанского движения на Северном Кавказе: дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 1965; Шайдаев М.Г. Патриотическое движение народов автономных республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: дис. ... доктора ист. наук. – Баку, 1978; Джабраилова А.М. Деятельность Чечено-Ингушской партийной организации по мобилизации трудящихся республики на помощь фронту в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1972; Бараковский Т.Т. Военно-патриотическая деятельность партийных организаций Дагестана в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1979.
15. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. – СПб., 2001.
16. Дзуцев Х.В. Эволюция осетинской семьи и межнациональных отношений. Этносоциологический анализ. – М., 2001.
17. Галаев Х.А. В годы суровых испытаний: Чечено-Ингушетия в период Великой Отечественной войны. – Грозный, 1988.
18. Удалов Г.Г. Северная Осетия в Великой Отечественной войне. – Владикавказ, 1992.
19. Кочура Д.В. Наш край в годы Великой Отечественной войны. – Ставрополь, 2000.
20. Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Ростов-на-Дону, 1998.
21. Текуева М.А. Мужчины и женщины в адыгской культуре. – Нальчик, 2006; она же. Война и женская повседневность // Исторический вестник. – Вып. IX. – Нальчик: КБИГИ, 2010. – С. 118–128; Она же. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии (1917–1941 гг.) // Социальная история. Ежегодник. – 2008. – СПб., 2009. – С. 303–329; Она же. Особенности полевой работы: изучение частной жизни адыгской женщины // Полевые этнографические исследования: материалы VIII Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб., 2009. – С. 322–325; Она же. Изучение женской повседневности в период Великой Отечественной войны: к постановке проблемы // Исторический вестник. – Вып. VII. – Нальчик, 2008. – С. 79–86. (в соавт. с Гуговой М.Х.) и др.
22. Гугова М.Х. Женщина в частной жизни и публичном пространстве в годы Великой Отечественной войны (на примере Кабардино-Балкарии) // Гендерное равноправие в России. – СПб., 2008. – С. 81–84; Она же. Изучение женской повседневности в период Великой Отечественной войны: к постановке проблемы // Исторический вестник. – Вып. VII. – Нальчик, 2008. – С. 79–86. (в соавт. с Текуевой М.А.); Она же. Женщины Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне // Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа: материалы региональной научной конференции. – Махачкала, 2008. – С. 111–116; Она же. К вопросу о женской военной повседневности // I Всероссийские Миллеровские чтения. Владикавказ, 2008. – С. 83–86; Она же. Военная подготовка женского контингента для фронта (на примере Кабардино-Балкарии) // Перспектива–2008: материалы международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. – Нальчик, 2008. – С. 51–55 и др.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

Якубова И.И.

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН*

irvan-irvan@mail.ru

В статье рассматривается место и значение Северо-Западного Кавказа в международных отношениях в XVIII веке. Определяется характер и значение борьбы между Россией и Турцией за политическое влияние и военное присутствие на Северо-Западном Кавказе. В статье доказывается, что успешному проведению политической линии российского правительства на Северо-Западном Кавказе во многом способствовали ее дальновидные дипломатические акции в отношениях с Турцией.

Ключевые слова: XVIII век, Северо-Западный Кавказ, Россия, договор, отношения, Турция, международный, политика, влияние, соперничество.

NORTH-WESTERN CAUCASUS IN THE RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN THE MID-18TH CENTURY

Yakubova I.I.

Institute for Humanities Research of Government KBR and KBNC RAS

The article considers the role and significance of the Northwest Caucasus in international relations in the XVIII century. Determined by the nature and importance of the struggle between Russia and Turkey for political influence and military presence in the North-West Caucasus. In this paper it is proved that the success of the political line of the Russian government in the North-West Caucasus largely contributed to its far-sighted action in diplomatic relations with Turkey.

Keywords: The 18th century, North-Western Caucasus, Russia, treaty, relations, Turkey, international, policy, influence, competition.

В истории внешней политики России XVIII века значительное место занимали российско-турецкие отношения. В этой связи интересно проследить развитие в этот период российско-северокавказских связей, так как именно противостояние России, Турции (Османской империи или Османской Порты) и Ирана в этом регионе определило характер и направление сложного и противоречивого процесса вхождения народов Северного Кавказа в состав России.

Белградский договор, заключенный между Россией и Османской империей в 1739 году объявил нейтральными земли срытой еще при Петре I крепости Азов; Большой и Малой Кабарды, включающей территории центральной части Северного Кавказа, предоставлялся статус независимых областей без права вмешательства других держав в их внутренние дела. Международными гарантами соблюдения принципа равновесия сил в этой части Северного Кавказа выступали Россия и Османская империя. В то же время Османская Порта через своего вассала – крымского хана – старалась поддерживать враждебные России группировки горских феодалов, тем самым искусственно усложняя политическую обстановку в регионе.

В 1753 крымский хан Арслан-Гирей представил Порте жалобу на кабардинских князей, принявших на жительство в Кабарду противников крымского хана, бывших кубанских сераскеров (командующих крымскими войсками на Кубани) Сеадет-Гирея и Казы-Гирея [1].

Российской военной администрации уже было известно об обстоятельствах очередного конфликта между крымским ханом и кабардинцами. В конце декабря 1752 года российский посол в Турции А.М. Обрезков вручил Порте ноту российского правительства по поводу событий в Кабарде и действий там России. В ноте указывалось на действительно незаконное пребывание в Кабарде «беглых» сераскеров. Там же сообщалось о принятых мерах – в Кабарду были командированы два штабс-офицера П. Таттаров и И. Барковский, которые «прилежным старанием» добились от кабардинских князей, придерживающихся пророссийской ориентации, высылки Сеадет-Гирея из Кабарды. Однако Казы-Гирею удалось

там остаться. Российское правительство в ноте, представленной А.М. Обрезковым Порте, настаивало на выезде из кабардинских пределов Казы-Гирея, справедливо полагая, что пребывание его в Кабарде может послужить причиной для новых претензий крымского хана к кабардинцам [2].

Дальнейшие события на Северо-Западном Кавказе подтвердили тревогу российского правительства относительно действий там недовольных родственников крымского хана. В донесении в Коллегию иностранных дел атамана войска Донского Д.Е. Ефремова в июле 1755 года сообщалось, что тот самый Сеадет-Гирей, высылки которого из Кабарды добивалось у Порты и Крыма российское правительство, сместил с поста командующего кубанскими татарами сына крымского хана Селим-Гирея Максут-Гирея и объявил себя независимым от Крыма кубанским сераскером. Причем часть кубанских татар из едисанской и джембойлукской орд (западные ногайцы) отказалась считать себя крымскими подданными и последовала за Сеадет-Гиреем. По сообщению казака войска Донского И. Кузьмина, посланного атаманом Ефремовым на разведку в ногайские степи, они были недовольны отношением к ним теперешнего крымского хана и отправили Порте просьбу о его смещении, а по получении отрицательного ответа намеревались отправиться на новое местожительство: едисанцы и джембойлукцы на запад, «в Польшу», а кубанские татары «вознамерились пойтить с Астрахани и за Волгу» [3]. В свою очередь крымский хан, по сведениям Кузьмина, прислал на Кубань агента «для наговору Сеадет-Гирей солтану, чтоб по-прежнему в послушании хана крымского был». Со своей стороны Сеадет-Гирей потребовал от ханского посланника передачи ему едисанских и джембойлукских татар «в соединении» с кубанскими, угрожая в противном случае подчинить их силой. Для этого он собирался, призвав на помощь «черкесское войско», т.е. кабардинцев, совершить рейд «на крымскую сторону чрез бывший город Азов» [4].

Российское правительство не могло не беспокоить подобного рода сообщения, так как междуособные конфликты в этой части Северного Кавказа неминуемо вызвали бы по меньшей мере дипломатические осложнения с Портой и Крымом. Коллегия иностранных дел в ответ на рапорты Донского войскового атамана Д.Е. Ефремова рекомендовала ему иметь «крайнюю предосторожность от нечаянного неприятельского нападения» на российские границы новоявленного кубанского сераскера. Кроме того, чтобы не давать повода Османской Порте упрекать Россию в попустительстве Сеадет-Гирею в его враждебных акциях против Крыма, Коллегия предлагала атаману «приказать донскому войску движение учинить». Одновременно она предупреждала его, что в случае, «если бы сераскер, несмотря на то, силою переправляться стал, то в перехождении на крымскую сторону не препятствовать», поскольку по Белградскому договору 1739 года Россия не имела права вмешиваться во внутренние дела кавказских народов. Вместе с тем Коллегия считала нужным при возникновении каких-либо эксцессов на российских границах со стороны кубанцев во время их следования к Крыму, организовать «надлежащий отпор, отвращая силу силою и стараясь его, сераскера, от здешних границ на крымскую или кубанскую сторону прогнать» [5].

Предполагая, что в таких обстоятельствах часть кубанских владельцев – мурз будет просить принять их под покровительство России, Коллегия иностранных дел в указе кизлярскому коменданту генерал-майору И.Л. фон Фрауендорфу рекомендовала ему, учитывая статьи Белградского договора, «их в том не обнадеживать». Но в то же время «искусным образом» дать знать, чтобы они в ожидании решения российского правительства относительно их подданства, «кочевали от здешних границ не в близости». Это было необходимо, «дабы в потребном случае» Коллегии можно было «турецкой стороне отответствовать, что они в здешнюю сторону не приняты, а кочуют в степи» [6].

Можно сказать, что российское правительство правильно оценивало положение дел на Северо-Западном Кавказе. В октябре 1756 года, т.е. год спустя после описываемых событий, в Коллегию иностранных дел поступило сообщение, что Сеадет-Гирей «по причине недоброжелательства к нему его нынешнего дяди крымского хана и несогласию с сыном его кубанским сераскером Крым-Гирей солтаном» принял решение «искать протекцию» России, пообещав взамен перевести в российские пределы некоторые кочевья ногайских татар. Коллегия иностранных дел в указе донскому атаману Д.Е. Ефремову предлагала «секретно и на словах» дать знать Сеадет-Гирею, что о его подданстве России речь может идти лишь тогда, когда он «пожелает принять православную христианскую веру». В противном случае его как «турецкого подданного» в силу Белградского трактата «в здешнюю протекцию принять невозможно» [7]. Вероятно, в своих планах по захвату власти на Кубани и в Крыму Сеадет-Гирей потерпел поражение и, решив принять российское подданство, рассчитывал вернуть себе политический авторитет среди горских народов.

Но в декабре 1757 года умер султан Осман III, к власти пришел его двоюродный брат Мустафа III. В силу чрезвычайной ситуации (смена власти в Османской империи могла вызвать те или иные колебания во внешнеполитическом курсе Порты), Коллегия иностранных дел в срочном порядке предписала донскому атаману осторожно вести себя с теми из ногайских татар, которые прежде находились в российском подданстве, а затем откочевали к Крыму. В случае, если бы они пожелали с Сеадет-Гиреем «в здешнюю сторону перейти», поступать так, «чтобы Порте ни малейшей притчины к холодности и к огорчению не подать» [8]. Российское правительство считало возможным принять самого Сеадет-Гирея «под российское покровительство» на прежних условиях; остальным кубанским татарам следовало от-

вечать, что не имея на их счет соответствующих распоряжений, им предлагается оставаться на прежнем местожительстве.

Опасения Коллегии иностранных дел имели прямые основания. Два года спустя, в 1758 году турецкий посол в России предъявил российскому правительству претензии о якобы имевшем место увозе еще в 1744 году турецких подданных кубанских татар в Оренбургскую губернию при переселении туда некоторых их аулов. По этому поводу Коллегией было предпринято должное расследование, в результате которого выяснилось, что откочевавшие тогда «с Терка» в оренбургские степи ногайские татары «за древних российских подданных почитаемы быть должны», и среди них отсутствуют турецкие подданные [9]. Соответствующий ответ, по-видимому, и был дан Порте.

Таким образом, можно сказать, что гибкая политическая линия российского правительства на Северо-Западном Кавказе в середине XVIII века, направленная на сохранение и осторожное укрепление существующих политических контактов, способствовала постепенному развитию и расширению традиционных российско-кавказских связей. Важно подчеркнуть, что успешному проведению в жизнь политики российского правительства на Северном Кавказе во многом способствовали ее дальновидные дипломатические акции в отношениях с Османской империей.

Библиография

1. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД), ф.379, 1752–1753 гг., оп.1, д.288, л.1–3.
2. Там же, лл.2–4.
3. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф.Кубанские дела, 1750–1755 гг., оп.120/1, д.1, л.6.
4. Там же, лл.7–9.
5. Там же, л.24.
6. Там же, л.28.
7. Там же, д.3, лл.15–16.
8. Там же, л.46.
9. Там же, д.2, л.12.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КАБАРДИНСКОГО ЭТНОСА

Бетрозов Р.Ж., Бгажноков Б.Х.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

dsgi@mail.ru, kbigi@mail.ru

Работа посвящена миграции части прикубанских адыгов в центральные районы Северного Кавказа и образованию кабардинского народа как особой восточной группы адыгского суперэтноса.

Ключевые слова: этнос, автохтонное население, конгломератное государство, демография, Северный Кавказ.

ON THE PROBLEM OF THE FORMATION OF KABARDIN ETHNOS

Betrozov R.J., Bgazhnokov B.H.

Kabardino-Balcarian State University

The article deals with the migration of the part of the Kuban adyge to the central parts of the North Caucasus and the forvation of te kabardin people as a particular eastern group of adyge super-ethnos.

Key words: ethnicity, indigenous population, the state conglomerate, demography, the North Caucasus.

В данной статье только обозначены некоторые вопросы, дальнейшее обстоятельное изучение которых может привести к окончательному разрешению проблемы образования кабардинского народа как особой восточной группы адыгов.

Процесс отделения протокабардинских племён от общего адыгского массива тесно связано с теми военно-политическими событиями на Северном Кавказе, имевшими место в XIII–XV вв. Можно с уверенностью сказать – не произошли бы эти события – не было бы кабардинского народа, по крайней мере, в том виде, в каком он представлен сейчас.

Трудно предугадать, как бы развивалась дальнейшая северокавказская история, если бы не нашествие монголов. В истории средневековья нельзя указать более глубокого и в такой степени затронувшего стороны социальной и государственной жизни народов переворота как тот, какой был вызван вследствие вступления монголов в пределы Юго-Восточной и Центральной Европы. Монгольская экспансия стала переломным моментом и в истории Северного Кавказа. Это было время военно-политических потрясений, крупнейшая катастрофа, резко изменившая соотношение политических сил в регионе, перекроившая всю его жизнь, разрушения веками устоявшихся культурных традиций и уклада жизни, гибели массы людей. Между тем это и период, когда происходит формирование, оформление этнических типов и окончательного сложения современной этнической картины Северного Кавказа.

Что представлял из себя северокавказский регион к моменту монгольских нашествий? Скажем только о главном – имея в виду раннесредневековую историю Северного Кавказа, следует считаться с двумя важнейшими факторами: существованием и развитием двух крупных этнических и военно-политических образований – адыги (зихи и касоги) на западе и мощное объединение разноэтнических племён во главе с аланами на востоке (конфедерация с тенденцией превращения в раннефеодальное государство в IX–X вв.) На территории равнинного Предкавказья происходило формирование единого народа, представлявшего собой синтез иранцев и местного автохтонного населения, но под знаком аланской доминанты. Но эти процессы были прерваны нашествием Чингизидов.

В 1220–1222 гг. 30-тысячный экспедиционный корпус во главе с полководцами Джебе и Субэдзем, пройдя Северный Иран и Южный Кавказ, через Дербентские ворота в Дагестане вышел в пределы Северного Кавказа. Первый удар, естественно, монголы нанесли аланам. Объединённые силы алан и кыпчаков были разгромлены. Аланское объединение испытало первое сильное потрясение. Но аланы ещё не были покорены и лишены своего раннефеодального государственного образования.

Гораздо более серьёзные последствия имело второе вторжение монголов. В 1235 г. в Европу были отправлены большие силы Чингизидов. Этот поход Бату уже не являлся простым набегом, а был планомерным завоеванием стран Восточной и Центральной Европы. Одновременно с разгромом Болгарского царства на Волге и русских городов часть монгольских войск под руководством двоюродных братьев Бату Менгу-каана и Кадана была отправлена на Северо-Западный Кавказ. Адыги потерпели поражение, судя по сообщению Рашид-ад-Дина: «Менгу-каан и Кадан пошли походом на черкесов и зимою убили

государя тамошнего Тукара» [1] (можно думать, что первый поход монголов как-то обошёл адыгов, во всяком случае письменных данных по этому вопросу нет).

В 1238 г. был совершён второй поход против алан, а в 1240 г. монголы покорили Дагестан. По данным письменных и археологических источников, были уничтожены многие города и поселения Северного Кавказа. Край был опустошён. В течение нескольких лет монголы овладели важнейшими позициями в регионе. Но главное, Алания как политическая система рухнула в 1238–1240 гг. [2]. Конечно, аланы и адыги действовали против монголов. Например, Рубрук писал: «Лесги и черкесы, как и аланы, ещё не покорены, так как оказывают серьёзное сопротивление татарам» [3]. Кочевники теснили и прикубанских адыгов, но до отдалённых ущелий здесь не добирались.

В начале 40-х годов образовалось одно из монгольских государств – улус Джучи (будущая Золотая Орда). Конгломератное государство включало в себя степные пространства Восточной Европы до Дуная. Южные границы его простирались до Крыма и предгорий Кавказа. Расцвета это государство достигло в первой половине XIV в. После образования Золотой Орды ситуация постепенно меняется. Монгольская элита стремится проводить политику контактов с населением Северного Кавказа, завоеватели теперь хотят иметь поддержку с их стороны. Их особенно интересуют минеральные ресурсы гор Кавказа и горные перевалы, ведущие в страны Южного Кавказа и Ближнего Востока. Начинается очередное сосуществование пришлых кочевников с местным населением. К началу XIV в. значительную часть населения Кубани составляли монголы и подчинившиеся им кыпчаки, которые кочевали на пространстве от устьев Дона и Кубани до Волги, занимая правобережье Кубани. Но в конце XIV в. происходит резкое ослабление Золотой Орды, связанное с опустошительным нашествием среднеазиатского правителя Тимур-ланга. В 1394 г., пройдя Иран и Южный Кавказ, Тимур вышел в пределы Северного Кавказа, а в 1395 г. произошла битва на берегу Терека, которая закончилась полным разгромом войск хана Золотой Орды Тохтамышша, который с горсткой людей умчался обратно в Дешт-и-Кыпчак. Затем последовали карательные экспедиции на территорию Прикубанья, Центрального Предкавказья, Чечни и Дагестана. Горная область бывшей Алании (особенно в верховьях Кубани) подверглась особенно жестокому разорению. В целом для Центрального Предкавказья эти события имели крайне негативные демографические последствия, т.е. гибель огромной массы людей. Персидский географ Ибн Арабшах, побывавший в стане войск Тимура, сообщал в частности: «Когда мысли Тимур-ланга успокоились от дел с областью русских и черкесов, то он со всеми войсками повернул к асам... Они разорили и опустошили их крепости и строения их, а самих же бесчисленно вырезали» [4].

Как все эти события повлияли на последующую историю автохтонных народов? Они внесли крупные изменения не только в политическую, но и в этническую карту Северного Кавказа. Эту проблему затрагивали в своих трудах некоторые кавказоведы, например, Л.И. Лавров: «Спасшиеся от погрома половцы и аланы бежали в горы, где смешались друг с другом и образовали новые народы карачаевцев и балкарцев. Переселение на восток части адыгов положило начало кабардинскому народу» [5].

Общераспространённое, обычно встречающееся мнение по этому вопросу выглядит так. Жившие в степях кыпчаки подверглись настоящему истреблению. Монголы вытеснили алан из плоскостной Алании. Часть алан продвинулась на восток, очевидно, в горы нынешней Северной Осетии, другая – в высокогорные ущелья Карачая и Балкарии. Туда же были вытеснены и кыпчаки. Монголы в этих местах были недолго и вскоре их покинули. Таким образом, предгорья от Лабы до Терека оказались свободными. Адыги, давно стремившиеся к расширению своих пастбищ и пахотных земель, получили возможность занять огромную территорию, плодородную, богатую, удобную для скотоводства и земледелия.

Приведённый тезис стал давно рефреном в научной литературе (Е.И. Крупнов, Л.И. Лавров, Е.П. Алексеева и др.), и, если безоговорочно принять его, может создаться впечатление, что монголы явились на Северный Кавказ только затем, чтобы разгромить половцев и аланское государство и затем уйти, освободив путь протокабардинским племенам на восток. Но монголы никуда не ушли. Они оставались. И именно в 1238–1239 гг., когда монголы заняли степные пространства как с правой стороны Кубани, так и по левобережным притокам – Лабе, Урупу и Зеленчуку, при этой сложной этнической и политической ситуации происходит расширение территории расселения адыгов далеко на восток.

Это наш вывод, и он не согласуется с мнением исследователей, которые считают, что появление протокабардинских племён к востоку от Прикубанья происходило только с конца XIV или в XV в. На чём основано это мнение?

При отсутствии надёжных данных исторического фольклора и фактического материала, все высказывания по этому вопросу остаются искусственными, чисто умозрительными кабинетными построениями. Считалось, что пока Золотая Орда была сильна, адыги не могли помышлять о каком-то движении на восток. Э.В. Ртвеладзе, например, не сомневается в том, что монгольское нашествие не привело к полному исчезновению населения на Центральном Предкавказье и этот район оставался густо заселённым новыми хозяевами (то есть монголами), а также попавшими под их власть аланами и кыпчаками. Золотая Орда держала в зависимости многие народы до конца XIV в., и в это время адыги не могли думать о расширении своей территории [6].

Между тем, есть все основания считать, что благоприятная ситуация складывалась для адыгов уже с момента возникновения улуса Джучи. Монголы относились к тем народам, которые не занимались производительным трудом и предпочитали заменять его добыванием дани и, опираясь на военную мощь, жить за счёт других народов. Они мало интересовались местонахождением и перемещениями населения на обширной территории созданного ими конгломератного государства. Они не вмешивались и во внутреннюю жизнь покорённых племён и народов. Главная их забота – это, кажется, регулярное поступление подати, систематическое взимание дани, выколачивание материальных ценностей. Если это условие выполнялось, любая группа племён могла передвигаться и жить на любой территории кочевой державы, даже под стенами Сарай аль-Махрусы. «Степная психология» давала о себе знать. Сами монголы кочевали на первых порах.

В результате нашествий монголов происходят перемещения и коренного населения, некоторые народы были сдвинуты с занимаемых территорий, менялась политическая и этническая карта. Наблюдаются качественные изменения в экономике народов. Кочевники значительно повлияли на оседлое население Евразии, воздействуя различными путями (войны и подчинения, глубокие и длительные связи), даже вовлекали в кочевничество некоторые группы.

Можно полагать, что часть адыгов (в лице протокабардинских племён) пусть ненадолго, но перешла к полукочевому хозяйству, совершая перекочёвки в поисках пастбищ для огромного количества скота и табунов лошадей, чему свидетельствуют письменные источники и характер археологических материалов – наличие курганных скоплений кочевнического типа при полном отсутствии следов постоянных поселений. Якоб Рейнегс о ранних кабардинцах писал, что «множество стад и большое количество лошадей вынуждает их летом ежедневно менять становище, чтобы находить свежий корм для скота» [7]. Возможно, поэтому и фольклор приписывает протокабардинцам длительные передвижения с места на место до их окончательного оседания в пределах Центрального Предкавказья. Главную причину миграции части адыгов с запада (низовья Кубани) на восток следует видеть в демографическом взрыве, росте феодальных отношений и вытекавшем из этого расширением производства и поиском новых территорий.

Движение части адыгов на восток началось после второго похода монголов. Это стало возможным после крушения Аланского государства как наиболее значительного политического фактора до монгольской экспансии.

Как это ни парадоксально, политические события, связанные с господством монголов в Восточной Европе, в конечном итоге привели к усилению адыгов, к их гегемонии на Северном Кавказе. Адыги остались несколько в стороне от главных событий. Даже во время самого страшного похода 1237–1240 гг. монголы ограничились отдельными экспедициями в Прикубанье. Адыги также пострадали от монголов и особенно от нашествия Тимура, но в значительно меньшей степени, чем центральнокавказское население. Адыги, в том числе протокабардинцы сохранили свой экономический и военный потенциал. Закономерный процесс экономического и общественного развития в целом продолжился. Были сохранены древние культурные традиции. Из сложных ситуаций адыги вышли многочисленным, крепким этносом и с конца XIV даже начинается их военно-политическое преобладание в Северо-Кавказском регионе.

Прежде всего, они значительно расширили занимаемую территорию, и часть адыгов (в лице протокабардинской группы племён) продвигается далеко на восток до рек Сунжи и Фортанги, т.е. до границ современного Дагестана, о чём, в частности, свидетельствует картографирование кабардинских курганных комплексов XIII–XV вв.

Таким образом, в силу определённых исторических условий, о которых говорилось выше, в течение XIII–XVI вв. адыги начинают делиться на две большие группы: западную и восточную. Соответственно возникли два территориально-политических образования: Черкесия и Кабарда. Последняя охватывала земли от верховьев Кубани на западе и до реки Сунжи на востоке, занимая предгорья и равнины.

Как можно думать, миграция части адыгов на восток происходила всё-таки далеко не мирно, о чём говорит обилие предметов вооружения в кабардинских курганах. Тем не менее, эта немногочисленная группа племён, начав движение от берегов Чёрного моря, докатилась до Северо-Восточного Кавказа, заняв огромную территорию. Главное было, видимо, в том, что «сравнительная сила народов измеряется не только человеческим поголовьем, но и фазой этногенеза или возрастом этноса» [8], а адыги были в фазе окончательного этнического становления и пассионарного подъёма.

В новых местах адыги застали автохтонное население и остатки иранских и тюркских племён. С кабардинскими племенами также соседствовали предки карачаевцев и балкарцев, осетин и вайнахи, занимавшие, главным образом, горную зону Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Начинаются межэтнические контакты и взаимодействия, происходят интеграционные и ассимиляционные, но разные по интенсивности процессы: разнообразные торгово-экономические связи, языковые обмены, заимствования культурных достижений, межэтнические браки, нередко уступавшие военным столкновениям и конфликтам.

Военно-политическое преобладание протокабардинцев имело последствия. Е.И. Крупнов писал об инфильтрации адыгских элементов в среду алан, которые с течением времени были очеркешены [9]. По мнению В.М. Батчаева, часть тюрков была ассимилирована кабардинцами, другая же, заселив ущелья,

положила начало балкаро-карачаевской народности [10]. Под воздействием соседних народов у кабардинцев изменились материальная и духовная культура и даже антропологический тип. Достаточно сказать, что кабардинцы представляют уже кавкасионский (центральнокавказский) тип людей (как и соседние осетины, балкарцы, вайнахи и др.), в то время как западные адыги и абхазы остались «чистыми» понтийцами (черноморский антропологический тип). Заметна и монголоидная примесь. В рассматриваемое время и раньше происходило влияние монголов и поздних тюрков (половцев, ногайцев) на кабардинцев, о чём свидетельствуют антропологические материалы из позднесредневековых кабардинских могильников – наличие монголоидной примеси.

Здесь следует сказать, что между разными исходными этническими компонентами, расселёнными чересполосно на обладающей географическим единством территории, завязываются связи разного рода, и они реализуются в виде сети коммуникаций, что требует и приводит к языковому единству, и постепенное осознание языкового и культурного единства порождает новое этническое самосознание.

Создаётся впечатление, что кабардинцы уже давно биологически не представляют адыгскую группу населения и в основной своей массе – это популяция из представителей других этносов, ставших адыгами в результате языковой ассимиляции, в результате военно-политического преобладания кабардинских племён.

Этническая история часто развёртывается сложными и противоречивыми путями. И здесь возникает мысль о сравнениях. Не постигла ли протокабардинские племена такая же судьба как, например, часть тюркоязычных булгар, откочевавших с ханом Аспарухом за Дунай и основавших там государство – Дунайскую Булгарию и свою династию. Но тюрков там оказалось мало, и они смешались с местным населением, но закрепив за новым народом этноним «болгары».

Но отличие только в том, что протокабардинское население оставило новому народу не только эндоэтноним «адыги», но и язык. И ничего удивительного, если вспомнить, что в период XVI–XVIII вв. близкую к «болмацу» («общественный язык» межплеменного общения значительной части Дагестана) роль играл кабардинский язык. К указанному времени относится «наводнение» территориально смежных с кабардинским языков – абхазского, осетинского, балкарского, ногайского, а отчасти и сванского кабардинизмами, характеризовавшими не только социальный строй, но и целый ряд других сторон общества (экономике, культуру, обычаи и т.п.). Волны этого влияния захватили даже грузинскую языковую область и пережитки известного приоритета кабардинского языка сохранились здесь ещё в XIX в. [11].

Что этому способствовало? Видимо, не только военное преобладание, ибо как справедливо заметил английский историк А. Дж. Тойнби, «железный меч может быть символом победы, но не символом культуры» [12]. Влияние кабардинцев на соседние народы объясняется, прежде всего, наличием у них стойкой, традиционной древней культуры, особенно сложного этикета, (по замечанию А.Т. Кешева, ни в чём не уступавшего десяти тысячам китайских церемоний), наиболее высокого уровня феодализации.

Видимо, этикет, одежда и предметы конской упряжи, военное снаряжение, приёмы адыгского наездничества были предметом подражания и заимствования. Представители дворянского сословия других народов желали знать кабардинский язык.

С другой стороны, имело место постоянное проникновение степняков в адыгскую среду. Изучение серии черепов из кабардинских курганов позднего средневековья показало наличие монголоидной примеси [13].

Погребения в деревянных колодах и содержащие костяк коня и конскую упряжь, свидетельствуют о проникновении кыпчаков в среду адыгских племён [14].

То же самое показывают кабардинские ономастика, этнонимика, топонимика, лексика и даже фольклор. Языковые общения монголов и тюрков с кабардинцами привели к наличию в лексике последних монголизмов и тюркизмов. В целом, среди различных заимствований в кабардинском языке наиболее значительный пласт составляют тюркизмы [15]. Экзоэтноним «черкес» монголо-тюркского происхождения [16].

Среди кабардинских фамилий и имён много осетинских, балкарских, чеченских, ингушских [17] и др. В процентном соотношении тюркские и иранские родовые фамилии могут значительно преобладать над адыгскими.

К аналогичным выводам приводит рассмотрение материальной и духовной культуры кабардинцев. Кабардинская этническая культура синкретическая в отличие от «классической», западноадыгской. Смешанный характер этнической культуры кабардинцев заметен во всём: в языке, этнографическом быте, фольклоре, археологии. Следует ещё раз отметить, что абсолютно автохтонных народов так же, как и чистых мигрантов, практически не бывает, те или другие элементы всегда находятся в сложном сплетении и смешении. Время, когда процессы смешения проходили особенно интенсивно – эпоха средневековья (в Старом Свете) [18].

Перед нами одна из особенностей этнической истории: отделение от уже сформировавшегося этноса некоторых групп и их переход в иные этносы с продолжающимся включением в их состав отдельных инородных групп. К X в. адыги сложились в общих чертах как народ на территории Северо-Запад-

ного Кавказа, но затем произошло формирование и обособление другого этноса в результате перемещения на новые территории.

О кабардинцах как отдельном народе можно говорить уже с конца XIV–начала XV в., но термин «кабардинцы» впервые встречается в середине XV в. в сочинении И. Барбаро в форме «кевертеи», «кевертейцы» [19]. Здесь важно и то, что первое упоминание этноса в письменном источнике уже является свидетельством того, что на данный момент этнос уже представляет собой объективную реальность [20] и, кроме того, возникновение у определённой группы населения самосознания и самоназвания означает становление данной популяции как этноса, или же, говоря по иному, «самосознание и неразрывно связанное с ним самоназвание суть решающие демаркаторы этноса» или «являются основным этническим маркером» [21].

Разумеется, из этого не следует, что тот позднесредневековый массив дошёл без изменений до позднейшего времени. На окончательное формирование этнической культуры кабардинцев повлияли поздние этнокультурные связи с соседними народами.

В последние десятилетия стала заметной значительная трансформация кабардинской этнической культуры. Явления билингвизма и поликультурализма делают проблематичным дальнейшее актуальное функционирование этноса и ставят вопрос о возможной деэтнизации. Дают о себе знать процессы аккультурации и вестернизации, т.е. то же самое, что происходит в современном мире повсюду – взаимодействие общемировой, так называемой «западной» индустриально-городской культуры с местными традиционными, этнически специфическими культурами, что нередко приводит к утере отдельными этническими культурами своих положительных и ценных компонентов, а иногда и полная утеря локального и этнического своеобразия и нельзя считать, что это положительное, закономерное явление [22]. Всё это делает трудноопределимыми возможные пути развития кабардинского этноса в обозримом будущем. Но это уже сфера этнического прогнозирования.

Библиография

1. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т. 2. – М.–Л., 1960. – С. 39.
2. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе, 1984. – С. 273.
3. Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны / пер., вступ. статья и комментарии А.И. Малеина. – М., 1957. – С. 132.
4. Хрестоматия по истории осетинского народа / вступ. статья и комментарии М.П. Санакоева. Цхинвал. Т.1.1993.с.98.
5. Лавров Л.И. Происхождение балкарцев и карачаевцев // Краткие сообщения института археологии. – 1969. – Вып. 32. – С. 60.
6. Ртвеладзе Э.В. К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа // Тезисы докладов и сообщений. – Грозный, 1973. – С. 20.
7. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 212.
8. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – Л., 1989. – С. 35.
9. Крупнов Е.И. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. – Нальчик, 1946. – С. 45.
10. Батчаев В.М. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии / АВ-ДИ КБ. – Нальчик, 1980. – С. 87–95.
11. Климов Г.А. Кавказские языки. – М., 1965. – С. 19.
12. Тойнби А.Дж. Постигание истории. – М., 1991. – С. 164.
13. Алексеев В.П. Антропологический тип адыгов в эпоху позднего средневековья / СМАА. – Т. 2. – Майкоп, 1961. – С. 219.
14. Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – С. 251.
15. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. – М., 1986. – С. 54; Шагиров А.К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. – Нальчик, 1962. – С. 190.
16. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973. – С. 24–26.
17. Мамбетов Г.Х. К истории адыгских имён // Вестник КБНИИ. – Нальчик, 1970. – Вып. 3. – С. 128.
18. Арутюнов С.А. Народы и культуры – развитие и взаимодействие. – М., 1989. – С. 86.
19. Адыги, балкарцы и карачаевцы... – С. 41.
20. Арутюнов С.А. Указ. соч. – С. 8.
21. Арутюнов С.А. Билингвизм и бикультурализм // СЭ. – 1989. – № 2.
22. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. – М., 1979. – С. 19–20.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Гукешоков М.Х., Дышеков М.В., Цолоев Т.С.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

yur.kbgu@yandex.ru

Статья посвящена формам государственного устройства в разрезе исторического развития.

Ключевые слова: формы государства, формы правления, формы территориального устройства.

HISTORICAL FORMS OF A NATIONAL STATE SYSTEM

Gukepshokov M.H., Dishekov M.V., Coloev T.S.

Kabardino-Balcarian State University

Article is devoted to forms of a state system in a cut of historical development.

Keywords: forms of the state, form of government, form of the territorial device.

История существования государства свидетельствует о том, что во все века государства отличались друг от друга внутренним строением (структурой), т.е. централизацией государственной власти. Данный феномен в теории государства обозначается термином «форма государственного устройства», под которой понимается территориальная организация государственной власти, соотношение государства как целого с его составными частями.

Форма государственного устройства тесно связана не только с публичной властью, но и с еще одним существенным свойством государства – территориальной организацией населения. Вовремя и правильно решенные вопросы государственного устройства в значительной мере обеспечивают стабильность государства, его плодотворное функционирование; напротив, неверно найденные формы устройства государства, не отвечающие его характеру и задачам, могут стать одной из причин его распада.

В политически организованных странах на современном этапе прослеживаются две взаимно противоположные тенденции. С одной стороны, народы, отдельные части общества территориально обособляются. Это желание вызывается желанием больших групп населения сохранить национальную, религиозную идентичность, обеспечить свои местные экономические интересы. Разница в обычаях, традициях, прошлые межэтнические, межплеменные конфликты, толкают народы к разъединению.

И.А. Ильин писал, что каждый народ и каждая страна есть живая индивидуальность со своими особыми данными, со своей неповторимой историей, душой и природой.

Каждому народу причитается поэтому своя, особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему и только ему.

Действует и противоположный вектор. Общность экономических интересов, развитие рынка требуют единого правового пространства, которое необходимо для эффективного хозяйствования.

Взаимодействие этих тенденций более или менее точно выражается в форме государственного устройства. В данной форме выражены юридические особенности политического строя.

Вопрос национально-государственного устройства народов относится к числу важнейших. Национальная государственность признается необходимым условием выражения и защиты национальных интересов и ценностей. Между тем подавляющее большинство современных государств многонационально.

Существует ряд причин объединения многих этносов в одном государстве. Некоторые этносы объединились для защиты от общего врага. Другие – под воздействием интеграционных, экономических процессов. Третьи оказались вместе в результате мирной и вооруженной экспансии. Равноправие всех наций в многонациональном государстве обеспечить сложно, поэтому и встречается оно редко.

В теории государственное устройство чаще всего делят на простое и сложное. Простое государственное устройство потому и простое, что не имеет в своем составе частей, обладающих суверенитетом. Такое устройство еще называют унитарным, централизованным.

В унитарном государстве, где части государства полностью подчинены целому и управляются из единого центра, существуют наиболее жесткие взаимосвязи. Система власти в таких государствах строится на основе четкого централизма. Подавляющее число государств в прошлом и настоящем являются унитарными. В национальном отношении они обычно многонациональны или (что чаще всего) имеют одну титульную нацию, «полностью преобладающую во внутренней политике». Межнациональные отношения в таких странах довольно спокойны. На всей территории унитарных государств действует еди-

ный юридический порядок и существует единая структура управления. Какие-либо национальные особенности территории ил населения практически государством не учитываются.

Сложное государственное устройство предполагает существование государства, включающего другие государственные образования.

Сложными формами являются федеративные и конфедеративные государства. В науке называются и другие сложные формы (протекторат, уния, фузия, содружество и др.), но в рамках данной работы, наш взгляд, нет особой необходимости в их рассмотрении.

Федерация – соединенное сложное федеративное государство, представляющее собой союз ряда государств. Источником федеративной государственности является суверенитет нации, образующей ее население.

Нация в федеральном государстве политически едина, но не в полной мере. В юридической схеме она состоит из народов, каждый из которых претендует на известную меру политической самостоятельности. Государственность субъекта федерации происходит из суверенитета народа, занимающего его территорию.

Федеративные государства по принципу их объединения подразделяются на территориальные и национальные. Федерации, основанные на территориальном принципе, оказались более прочными и устойчивыми (США, ФРГ), в то время как образованные на национально-территориальной основе или распались (СССР, Чехословакия, Югославия), или испытывают большие трудности. Вместе с тем федеративная природа ряда государств обусловлена многонациональным составом населения (Индия, Бельгия, Канада, РФ).

Раньше федерация в России строилась исключительно по национальному принципу.

Конституция России 1993 года установила национально-территориальный принцип организации страны.

Сегодня в некоторых политических и научных кругах предпринимаются попытки обосновать необходимость перехода России исключительно к территориальному принципу устройства.

В таком подходе кроется большая опасность для будущего России, ибо в многонациональном государстве подобное развитие федеративного устройства будет являться «миной замедленного действия». Можно силой или угрозой применения силы загнать национальные субъекты в любые территориальные образования. Но тогда это не федерация, а что-то другое.

Как справедливо полагает В.Е. Чиркин, национально-территориальный подход соответствует международно-признанному коллективному праву народов (этносов) на самоопределение и может способствовать достижению ряда иных целей, включая интеграцию государства и преодоления противоречий между различными этносами.

Конфедерация, иначе говоря, над- или сверхфедерация означает нечто выходящее за пределы государственности, хотя и не безразличное для внутреннего государственного устройства.

Конфедеративное объединение позволяет сохранить национальный суверенитет практически в полном объеме, что и оговаривается в заключении договоров и, видимо, не случайно конфедерации редко возникали и были недолговечны.

Конфедерации еще называют «переходной формой государства». Примерами конфедераций могут быть США с 1781 по 1787 гг., Швейцария с 1815 по 1848 гг. причем переходной именно в сторону образования единого союзного государства. Швейцария, например, согласно Конституции, и сегодня формально является конфедерацией, хотя фактически это, скорее, федерация.

Хочется надеяться, что конфедеративные отношения России и Белоруссии на современном этапе будут развиваться именно в этом русле, т.е. приведут к образованию единого государства.

Вместе с тем истории известны случаи развития конфедеративных отношений в обратном направлении. Например, Объединенная Арабская Республика, образованная Египтом и Сирией в 1958г., распалась уже в 1961г.

В подавляющем большинстве случаев в конфедеративные отношения вступают государства, в которых образующие их этносы входят в единый суперэтнос.

Специфической формой национального самоопределения является национально-культурная автономия. Суть ее состоит в предоставлении нациям, народностям в рамках единого государства широко внутреннего самоуправления, главным образом, в вопросах культурного развития. Как правило, она осуществляется на территориях, компактно заселенных народностями, имеющими ярко выраженные особенности языка, быта, экономической жизни. В условиях такой автономии этническим общностям при равновесии гражданских прав предоставляется право создавать все необходимые учреждения для удовлетворения своих духовных потребностей и развития собственной культуры. Благодаря эффективному использованию возможностей национально-культурной автономии некоторые страны, имеющие многонациональное население, сохраняют унитарное государство. Это достаточно оптимальный путь обеспечения особых интересов граждан тех народов, которые оказались в инородной среде.

Однако этносы, владеющие собственной территорией, но не имеющие государственности, стремятся обычно к ее созданию. На этой почве возникают движения и политические организации. В по-

следние десятилетия национальные движения, несмотря на усилия в мире интеграционных процессов, часто приводят к распаду многонациональных государств или выделению из них национальных территорий, и значит, к образованию новых независимых государств. Большинство из них строится на национальной основе. Об этом свидетельствует, например, распад СССР, СФРЮ, ЧССР, в 90-х годах.

Борьба за свободу этноса и приоритет его интересов нередко сопряжены с ущемлением гражданских прав народов других этносов, особенно национальных меньшинств. Однако упрочнение независимости ускоряет процесс преодоления издержек, а также национализма в ее острых проявлениях. Независимость открывает возможности для реализации интересов общества в свободном сотрудничестве наций, включения их в интеграционные процессы на условиях равноправия и свободы выбора. Конечно, гарантий чисто позитивного развития процесса формирования политической независимости наций не существует. Возможны острые, даже кровопролитные, разрушительные конфликты, сопровождающие такой процесс, что характерно для Северной Ирландии, страны басков (Испания), Карабаха, Абхазии, Приднестровья, Чечни. Их ограничение и мирное регулирование стали одной из важнейших политических проблем современности.

Теоретический анализ конфликтных ситуаций национального характера позволяет выделить ряд основных сфер: отношения между центральными органами государства и республиками, штатами, отношения между самими республиками, штатами; проблемы национальных групп, а также национальностей, не имеющих собственных национально-государственных образований; проблемы народов, разделенных государственными границами. В каждой такой сфере сталкиваются интересы, возникают разногласия, противоречия. Обычно они представляют собой расхождение интересов субъектов межнациональных отношений, находящихся на разных уровнях социально-культурного развития, решающих различные политические задачи. У одних преобладают националистические, у других – интернациональные тенденции развития и действий.

Сглаживание, а тем более преодоление межнациональных противоречий, недопущение конфликтов на национальной почве – важнейшая цель национальной политики государства.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 008 (470 – 64)

ДЕФТЕРЫ КАК КОМПОНЕНТ ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Биттирова Т.Ш., Бакова З.Х.

Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

tbittir@mail.ru

Судя по составу личных библиотек, сохранившихся в Балкарии, рукописные дефтеры преобладали за весь трехсотлетний период существования ислама в карачаево-балкарской среде. Несмотря на то, что к концу 19–началу 20 века казанские, дагестанские, крымские издания широко распространялись среди мусульманских народов Кавказа и оказывали заметное влияние на становление духовной литературы и письменности, они не смогли вытеснить из культурного обихода дефтеры, которые, претерпев значительную трансформацию, активно используются и в современном обществе.

Ключевые слова: карачаево-балкарская культура, ислам, литература, рукописные дефтеры, тексты духовного содержания, личные библиотеки.

DEFTERS (COPY-BOOKS) AS A COMPONENT OF KARACHAY-BALKARIAN ISLAM CULTURE

Bittirova T.Sh., Bakova Z.H.

Institute for Humanities Research of Government KBR and KBNC RAS

Judging by the composition of the personal libraries of preserved in Balkaria, ink defters(copy-books) prevailed for the entire period(three hundred yeas) of Karachay-Balkar Islam. Despite the fact that by the end of 19–beg. 20 century Kazan, Caucasian, Crimean editions were widely distributed among the Muslim peoples of the Caucasus, and had a significant impact on the emergence of religious literature and writing, they were unable to force out of cultural goods with a large defters(copy-books) that are actively used and transformation in modern society.

Key words: Karachay-Balkarian culture, Islam, literature, ink defters (copy-books), personal libraries.

В структуре духовной культуры балкарцев и карачаевцев важное место занимает религиозная литература. По своему объему и значимости в течение последних трех столетий она вошла в список значимых компонентов культуры этноса. Требуется специального уточнения небывалый расцвет карачаево-балкарской духовной поэзии за столь небольшой исторический период после принятия ислама. К концу XIX века в карачаево-балкарской этнической среде были созданы прекрасные образцы духовной поэзии, сложилась система жанров, определился комплекс художественно-выразительных средств, присущий духовной поэзии, начали разрабатываться прозаические жанры, появились зачатки драматургии (в уазах и фатыуа) [1].

Все перечисленные обстоятельства свидетельствуют, что формирование целой эстетической системы за такой короткий срок может быть объяснимо близостью идей новой религии предшествующему идеологическому опыту этноса, а также богатством его содержания. С другой стороны, на наш взгляд, подобный расцвет духовной литературы был вызван тем, что язык религии был непонятен абсолютному большинству, и данное сложное обстоятельство преодолевалось стремлением пересказать основные положения ислама через поэтическое слово, через звуки родного языка и опорой на систему существующих поэтических образов и тропов. Такое стремление духовных лиц было активно подхвачено певцами-импровизаторами – создателями религиозно-дидактической поэзии. Известные и безымянные авторы неустанно создавали зикиры, моулюды, мунажаты, фатыуа, ууазы и др. произведения, приближая их поэтическую ткань к народному стиху. Эти произведения вытесняли предшествующую сакральную культуру – тенгрианскую обрядовую поэзию, которая постепенно утратила утилитарность и стала переходить из области практики в архаику и эпiku.

Образцы религиозной литературы периода ее становления дошли до нас в двух формах – анонимные фольклорные и авторские произведения. К авторским можно с определенной долей вероятности отнести те произведения, которые приписываются сказителями тому или иному известному в народе *жырчы* или *назмучу*. В большинстве своем они передавались из уст в уста, теряя с течением времени авторство. Тогда же, по всей вероятности, появились и первые дефтеры – рукописные книги в единичных экземплярах.

Дефтер (варианты: дептер, тефтер) – в современном карачаево-балкарском языке употребляется в двух значениях: школьная тетрадь и рукопись текстов религиозного характера. В данном случае, это – тетради с записями сочинений религиозного содержания, оригинальные и переводные. Дефтеры – один из признаков мусульманской культуры в карачаево-балкарской этнической среде. Они выполняли функции сохранения и передачи художественного слова, способствовали развитию литературных традиций. Их передавали из поколения в поколение, неоднократно переписывали; если обложка приходила в негодность, ее меняли на новую. Бережное отношение к рукописной книге было продиктовано не только значимостью содержания, но и недоступностью их для большинства населения.

Составлению и оформлению дефтеров придавалось исключительно большое значение. Как правило, разрозненные листки со стихами сшивали в брошюру, переплетали кожей, бархатом, воощенным хлопчатобумажным материалом (бязь, хлопок) – *мельте*. Красными и зелеными чернилами обрамляли страницы. Начало каждой главы, как правило, выделялось графическим рисунком или растительным орнаментом. Встречаются довольно сложные и профессионально выполненные рисунки. Оформителями рукописных книг, возможно, были сами составители дефтеров. Отношение к рукописной книге в народе было бережным как из-за дороговизны бумаги, так и пиетета перед арабским письмом. Их передавали по наследству, дарили как бесценное сокровище. Сохранились дефтеры, которым более ста лет. Они представляют большой интерес и как памятники материальной культуры народа.

В содержании дефтеров встречаются зикиры, дуа-молитвы, агиография, моулюды и др. – все жанровое разнообразие духовной литературы. Хотя изначально данные дефтеры предназначались для сакральных текстов, со временем в них наряду с духовными произведениями появляются и светские. Как правило, светские произведения выдержаны в стиле *кюй* – песни-плача. В названиях дефтеров обычно запечатлены имена авторов – «Кязимни дефтери» – «Дефтер Кязима», «Сюлемен шыйыхны дефтери» – «Дефтер шейха Сулемена». Иногда название дефтера указывает на основной жанр рукописной книги: «Зикирле китабы» – «Книга зикиров», «Моулюд китап» – «Книга моулюда», «Зикирле» – «Зикиры» и т.д.

Наряду с рукописями – дефтерами в личных библиотеках сохранились книги на арабском, турецком, персидском, татарском, кумыкском языках, изданные в России, Турции, Арабском Востоке и Иране. Однако более или менее полного списка арабописьменной литературы, имевшей распространение в Балкарии и Карачае, пока нет. Но даже отдельные исследования книг библиофилов свидетельствуют о том, что интересы карачаево-балкарских деятелей исламской культуры были обширны и глубоки. Встречаются в личных библиотеках дефтеры, содержание которых составляют, наряду с религиозными стихами, светские произведения, записи различных событий бытового характера (о рождении и смерти, о важнейших днях мусульманского календаря, о начале строительства мечети), черновики писем, отрывки и выписки из различных мусульманских книг. Наряду с печатными книгами в личных библиотеках встречается масса рукописных дефтеров, которые не потеряли своего практического значения и после широкого распространения печатной книги.

Судя по составу личных библиотек, сохранившихся в Балкарии, первые печатные книги появляются только в середине XIX века и встречались достаточно редко, рукописные же дефтеры преобладали за весь трехсотлетний период существования ислама в карачаево-балкарской среде. Широкое распространение рукописных книг было связано не только с поздним принятием ислама карачаево-балкарцами, но и отражает определенную тенденцию в мусульманском мире. Данное обстоятельство было связано с тем, что печатание книг большими тиражами не одобрялось мусульманским духовенством. «Если в Европе еще до появления книгопечатания в мусульманских странах было издано около 167 арабских книг, то на мусульманском Востоке высшее духовенство и господствующая феодальная верхушка отстаивала вековую традицию размножения книг путем переписывания, считая применение типографского способа в отношении священных текстов вероотступничеством. И хотя 1729 г. считается годом выхода в свет первой турецкой книги, напечатанной разборным арабским шрифтом, окончательное снятие запрета на печатание религиозных книг произошло только в начале XIX века. К тому времени в России, в Казани, уже работала типография, издававшая книги как арабским шрифтом, так и на арабском языке» – пишет Р. Сафиуллина [2:57].

По свидетельству того же автора с начала функционирования татарской типографии до октября 1917 года татарами было выпущено более 4 тысяч изданий на арабском языке. Вполне естественно, что эти издания широко распространялись среди мусульманских народов Кавказа, где и сейчас можно найти

немало раритетов в библиотеках духовных лиц и простых верующих. Широкое распространение получили издания также типографии в Темирхан-Шуре (на кумыкском языке издано за период существования типографии более 150 книг), которые оказали заметное влияние на становление духовной литературы и письменности [3]. Однако и близкие по языку издания на кумыкском языке тоже не смогли вытеснить из культурного обихода дефтеры, которые претерпев значительную трансформацию, активно используются и в современном обществе.

Библиография

1. Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик, 2010. – 389 с.
2. Сафиуллина Р. Арабская книга в духовной культуре татарского народа. – Казань, 2003. – 186 с.
3. Биттирова Т.Ш. Карачаево-балкарская религиозная литература и культура. – Карачаевск, 1999. – 274 с.

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ «ПЕСНИ О КРЫМШАМХАЛОВЫХ»

Малкондуев Х.Х.

Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

kbigi@mail.ru

Исследуя творческую историю «Песни о Крымшамхаловых», автор воссоздает ее историко-культурный фон и определяет жанрово-стилистические и композиционно-структурные особенности уникального фольклорного текста.

Ключевые слова: народная песня, элегия, жанр, трагический мир, творческая история, сюжет, герой, стиль, национальный мир.

CREATIVE HISTORY OF «KRIMSHAMHALOV'S SONG»

Malkonduev H.H.

Institute for Humanities Research of Government KBR and KBNC RAS

Investigating creative history of «Krimshamkhalovs' song», the author recreates its historical and cultural background and defines genre, stylistic, compositional and structural peculiarities of the unique folklore text.

Key words: folk song, elegy, genre, tragic world, creative history, plot, hero, style, national world.

О родоначальнике карачаевских князей Бекмырзе мы располагаем следующими данными. Собираатель фольклора народов Кавказа М. Алейников в своей публикации «Карачаевские сказания XIX в.», описывая сложные переговоры предводителя карачаевцев Карчи с кабардинским князем Кази в верховьях Баксанского ущелья, заключает: «Кази провел переговоры через переводчика, проживавшего в то время у него, выходца из Крым-Шамхала (патронимии – Х.М.). После этого Карча, не желая более оставаться в Баксане с такими беспокойными соседями, переселился в ущелье у верховьев реки Кубань. Переводчик при переговорах – Шамхал – перешел также к своим соплеменникам и женился на дочери Карчи. После смерти Карчи власть перешла к его зятю, Шамхалу из Крыма, поэтому и потомство его стало называться князьями Крымшамхаловыми. Карачаевский аул 1882 г.» [1].

О Бекмырзе сложена народная песня, которую мы склонны характеризовать как историческую со значительными лирическими элементами. Ее никак нельзя путать с элегическим «Плачем княгини Гошayah» («Гошayah бийчени кюю»), содержательные элементы которой всецело посвящены внутреннему монологу женщины. Указанная песня имеет ряд вариантов, тексты которых по своей сюжетно-повествовательной и содержательно-композиционной схеме весьма близки друг к другу.

Сюжетно-содержательная модель произведения сводится к повествованию о том, что князь Бекмырза живет в старинном ауле Эль-Джурт в верховьях Баксанского ущелья. Здесь находится и его «Ставка Князя Бекмырзы» (Бий Бекмурзаны Кюшу). У него четверо сыновей. Старшего зовут Камгутбий, второго – Каншаубий, третьего – Эльбуздук и самого младшего – Геляхстан. Сказителем дается характеристика братьям: Камгутбий – настоящий рыцарь, любитель совершать набеги на соседние земли, Каншаубий – необыкновенный красавец, покоритель женских сердец, Геляхстан – стережет нивы от вредителей, Эльбуздук – искусный охотник и наездник на коне.

Существует и малоизвестная исторического содержания песня о героических набегах Бекмырзы в ногайские кочевные аулы, которые располагались на берегу Кубани и вокруг горы Бештау.

В своем монографическом исследовании, ссылаясь на архивные материалы, Ю.Н. Асанов провел обстоятельный научно-достоверный историко-этнографический анализ периода жизни Каншаубия и княгини Гошayah. Ученым основательно и скрупулезно обработаны русские дипломатические документы 1639–1940 гг., в которых дается ценное сообщение о семье Крымшамхаловых, где упоминаются имена младших сыновей Бекмырзы Эльбуздука и Геляхстана. Из этих материалов мы узнаем, что их мать жива, а сестра замужем за ногайским мурзой (князем) – Урыстамбеком.

«Песня о Бекмырзе» повествует о том, что князь живет в ауле Эль-Джурту в Баксанском ущелье. У него четверо сыновей, сам он отважный воин, водит дружбу со сванскими, кабардинскими, ногайскими князьями и аристократами. Обратимся к одному из популярных текстов, опубликованных во многих сборниках народных песен:

У князя Бекмырзы было четверо сыновей:
Старшего звали – Камгутбий,
Второго звали – Каншаубий,
Следующего звали – Эльбуздук,
Следующего за ним – Гиляхстан.

Далее дается характеристика каждому из них, где отмечаются храбрость и воинские качества старшего – Камгутбия, физическая красота и равнодушие к женщинам – Каншаубия и т.д. Далее песня повествует о храбрости Камгутбия, где особо выделяется сюжетная ситуация о том, что он часто бывает в гостях у кабардинских князей, принимая участие в джигитовках и скачках.

Затем повествуется о том, что Камгутбию очень понравилась девочка лет 7-8 из кабардинской княжеской семьи, которую он похищает и привозит в аул Эль-Журту. Она растет здесь втайне от людских глаз, так как служанки строго следят за ней и выполняют, согласно канонам горского этикета, все требования Камгутбия.

Когда девочке исполнилось семнадцать лет, Камгутбий женился на ней, но жить им пришлось вместе совсем немного, вскоре, в одном из абреческих набегов на ногайские табуны Камгутбия настигает смертоносная пуля. Согласно легенде, когда семнадцатилетняя девушка оплакивала смерть своего мужа, она покорила людей своей необыкновенной красотой и умением искусно причитать. Общинники, на время забыв о смерти князя, восхищались ее природным обаянием и духовной возвышенностью.

Наши поиски фольклорных текстов о плаче княжны Гошаях и смерти Камгутбия дали определенные положительные результаты. В 1977 г. в селениях Булунгу и Былым у выходцев Баксанского ущелья Толгуровой Нурсифат и Узденовой Нафисат, а в 1978 г. в г. Тырныауз у большого знатока фольклора Ахматовой Сапу нам удалось записать фрагменты этого текста, которые удачно дополняют друг друга. Повествовательные особенности текста говорят о том, что в прошлом он мог представлять собой интересное песенно-лирическое произведение о женском плаче-монологе кюй. По жанровой дифференциации это традиционный в тюркоязычном мире и в карачаево-балкарской поэзии народный кюй – горевание, в котором основную композиционно-структурную модель составляет монологическая форма изложения.

С психологической точки зрения большой интерес представляет содержательный материал текста, весьма тонко передающий внутренний трагический мир молодой княгини.

В семнадцать (лет) я вышла за Камгутбия,
Недолго с ним жила,
Осталась я вдовой.

Что с тобой случилось, мой Камгутбий,
Горестная весть пришла
На рассвете в Тар Аузу.

Не отдыхая даже ночью, Тар Аузу оберегающий,
Табуны с равнин в Эль-Журту пригоняющий,
На рассвете их в Сванетию переправляющий.
С княжеской дружиной в поход отправлялся.
Пятиаршинов (детей) в Эль-Журту доставлял.
Храбростью в горах и в равнине прославился.
Выстрелом попадал даже в птичий глаз.
Ружье его стреляло без промаха.
Отец и мать твои не могут успокоить меня.
Бог Неба печально смотрит на нас.
Горы Баксана печальны, горестны стали.
Реки Баксана слезами наполнились.

Кто теперь оседлает твоего коня?
Кто теперь осмелится подойти к нему?

Женщины села обо мне говорят:
«Плачь, плачь, неутешительная, ты.
Чтобы глаза твои омывались слезами!
Чтобы твоя постель остыла в комнате!
Твое появление не приводит к добру!
Твой плач ущелье Тар Ауз сотрясает!
Аллах одарил тебя редким благородством,
Тейри наделил даром искусно пользоваться словом!».

Нам думается, данная песня создавалась не одним поколением мастеров поэтического слова, что приводило к трансформации и значительному изменению ее в устах сказителей. От лирического лица в ней воспеваются молодость, редкая красота, умение нравиться всей карачаевской общине своим благородством, а также дар исполнительского мастерства. Ее песня-горевание, посвященная смерти любимого мужа, является образцом высокой трагедии в фольклорном жанре. В монологе героини, состоящем из вопросительно-восклицательных конструкций, воспеваются храбрость Камгутбия. Художественно-предметный мир (конь, река, горы) в тексте обретает черты лиризма, а горю Гошях сочувствуют даже сами небесные покровители – Кёк Тейри и Всевышний – Аллах.

Таким образом, судя по сохранившемуся фольклорному материалу, князя Крымшамхаловы пользовались в народе большим уважением. Это подтверждается циклом поэтических текстов, посвящённых жизни и судьбе данной аристократической патронимии.

Библиография

Алейников М. Карачаевские сказания // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. – Нальчик, 1983. – 195 с.

**МИФОЛОГЕМА «КОНЬ» В ПОСТНАРТСКОМ ЭПОСЕ
(на материале карачаево-балкарской исторической песни)**

Тетуев Б.И., Жабоева Е.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

kaf_ruslit@mail.ru

В статье исследуется процесс трансформации мифологических представлений в изображении коня в карачаево-балкарской исторической песне, отмечается тенденция к усилению антропоморфизма, героизации.

Ключевые слова: нартский эпос, историческая песня, набеговая песня, мифологема «конь», онейрические мотивы, антропоморфизм.

**MYTHOLOGEM «HORSE» IN POSTNART EPOS
(on material of Karachay-Balkar historical song)**

Tetuev B.I., Zhaboeva E.A.

Kabardino-Balcarian State University

The article is dedicated to the process of transformation of mythological images in horse depicting in Karachay-Balkar historical song, the author notes the tendency to anthropomorphism and glorification.

Key words: nart epos, historical song, invading song, horse mythologem, oneiric motives, anthropomorphism.

Мифологема «конь» является одним из определяющих этнокультурных элементов в духовной жизни балкарцев и карачаевцев. Как и у многих тюркских народов, «самый главный эпический конь в карачаево-балкарских нартских сказаниях» Гемуда, конь морского происхождения, обладающий чертами, необходимыми как на земле, так и в водной стихии.

Наделен конь Гемуда и необычной мощью. Ржание его обладает такой кинетической силой, что брюхатые кобылы преждевременно выбрасывают плод, а яловые – беременеют. Связан конь со звездной и космической стихией. Искры, вылетающие из-под копыт, превращаются на небе в звезды, а на состязаниях бежит он «легче ветра, быстрее звука».

Значимость мифологемы «конь» в нартском эпосе балкарцев и карачаевцев особенно ярко проявляется в том, что конь Гемуда представляется творцом рельефа географического пространства Балкарии [2:109]. Культ коня обусловлен и тем, что он наделен разумом, обладает даром предсказания, часто выступает в роли «покровителя и мудрого советчика героя» [1].

Отмеченные черты мифологического характера трансформируются в исторической песне, точнее, в ее поджанре – песне о набеге, представляющей собой «следующую ступень развития эпического сознания балкарцев и карачаевцев после нартского эпоса» [3]. Как известно, в «набеговой» деятельности героя, где важно неожиданно захватить (угнать) добычу и уйти от возможного преследования, многое зависит от коня. Только верхом на коне герой может рассчитывать на добычу, спасение от преследователей, возвращение в родной очаг.

Приоритетное место коня в исторических песнях подчеркивается номинологическим средством. Так, в «Песне о Хахоеве Борлаке и его Белом Коне» и «Песне о Жанхотове Азнауре и его коне Карабуу» Д.-Х. Шаваева (1800–1892) имя коня вынесено в заголовок произведения, что подчеркивает сюжетобразующую функцию образа. Значимость Белого Коня в жизни героя обнаруживается уже в зачине произведения. Поэт, называя имена верных друзей героя, соучастников набегов, первым упоминает коня: «Борлак больше себя любил // Во всем мире известного своего Белого Коня» [3].

В «Песне о Жанхотове Азнауре» Д.-Х. Шаваева главный интерес представляет не изображение удали бывалого участника набегов Азнаура, а характеристика его коня Карабуу, верного спутника и друга. Конь Карабуу органично вписывается в жизненный уклад своего хозяина, с которым складываются духовно-родственные отношения. Он обладает теми же качествами, что и его владелец: чувство свободы, стихия горско-рыцарской вольницы одинаково присущи коню и всаднику. В завязке «Песни» сообщается об Азнауре как человеке, известном в Кабарде и Ногайских степях своим княжеским благородством. Параллельно превозносится слава Карабуу, коня, известного своими достоинствами не только в селах Балкарии, но и во всей округе.

Большую роль в судьбе героя и его коня в исторической песне играют онейрические мотивы. Так, в «Песне о Хахоеве...» реальные события предвосхищаются сновидением главного героя. В онейрической информации героя Белый Конь отважно сражается вместе с другими белыми конями против вороных жеребцов. В строгом соответствии с национальной символикой ясновидящая иносказательным языком с помощью цветowych эпитетов выражает характер противостоящих друг к другу сил в онейрическом и реальном планах: «Эти белые кони – твои товарищи // А вороные кони – твои враги» [3].

Конь в исторической песне наделен и даром предсказания, присущим мифологическому Гемуде, правда, в несколько сниженном варианте. Так, конь героя набеговой песни Чюелди («Чюелди»), предчувствуя неудачную дорогу для своего хозяина, не выступает в роли «покровителя и мудрого советчика», а убегает, не подставляя голову под уздечку. Белый конь Борлака, предчувствуя беду, грустит, переживает, как близкий друг: «И ты сегодня грустен, как я! – говорит он своему коню // Конь задумчиво и грустно посмотрел на хозяина // Через некоторое время из его глаз слеза капнула» [3].

Изображение «человеческого» дара сопереживания коня, мотива рыцарского братства человека и коня свидетельствует об усилении в исторических песнях тенденции к антропоморфизму. Внутренние переживания Борлака и его коня в «Песне о Хахоеве...» перекрещиваются, эмотивно совпадают, дополняют друг друга. Психологическая характеристика героя и его коня углубляется в его предсмертном диалоге. Расставание коня и его хозяина принадлежит к числу самых экспрессивных сцен в «Песне». Предвидя неизбежное расставание, Белый Конь страдает и боль, которую он испытывает при этом, сравнивается с собственной смертью: «Мне расстаться с тобой очень трудно // Стерпеть это, все равно, что самому умереть» [2].

Характер испытаний, наделение антропоморфными чертами максимально «очеловечивают» образ коня. Предсмертное обращение Борлака Хахоева в монологе к Коню, которого он называет «лучшим другом», «любимейшим из всех», имеет знаковый характер. В традициях эпической поэзии умирающий герой произносит последние слова, обращаясь к самому близкому, преданному другу.

Смерть Борлака и его «оплакивание» Конем (он горько-горько ржет, издает звуки, напоминающие причитания, обегает могилу), выполнение им последнего долга фактически завершает характеристику «конечеловека». Чувство горя, испытываемое Конем, придает взаимоотношениям человека и животного интимно-родственный характер и высвечивает трагедию ухода из жизни, неестественности разъединения понятия «конечеловек». Белый Конь, впитавший в себя жизненные идеалы своего хозяина, возвращается, преодолевая все препятствия в Чегем, «где он родился и вырос». Правственная оценка возвращения коня соединяет в себе зооморфные и антропоморфные черты: «Пусть такие тарпаны (сильная выносливая лошадь) рождаются в селе Чегем!».

Как и «главный конь нартов Гемуда», Карабуу обладает необыкновенной физической мощью. Однако он уже не может летать, а обладает качествами земного порядка: легко прыгает с высоких обрывов, через каменные заборы, глубокие ущелья, спускается без труда с любой высоты. Сильными ногами он пробивает ледник, раскалывает дерево, камень. Конь Карабуу наделен природной мощью, которую поэт передает через зооморфные сравнения, соответствующие определенным географическим ареалам. Так, в воде он «плывет, как рыба», бежит по долине, «как тарпан» (быстрая сильная лошадь), по пескам «идет, как верблюд», в лесу «бежит, как зубр», прыгает, «как необузданный зверь», через брод он пройдет «как выдра», на состязаниях стремителен, «как горный тур».

Новой в исторической песне предстает и трактовка гибели главного героя, ее связь с отношением к коню. В драматическом финале «Песни о Жанхотове ...» решающую роль играет конь Карабуу. Животное спасает своего хозяина от настигшей погони ногайцев, но когда Азнаур отдает коня для спасения товарища, то погибает, сраженный пулей. Причину гибели героя поэт объясняет тем, что он «отъединился» от коня: «Не приличествовало ему в дороге с конем разлучаться // Этот день стал последним, когда он видел мир». Наряду с Азнауром, чье геройство воспевается в песнях, поэт прославляет имя его коня: «Пусть во всех пяти горских селах рождаются кони как Карабуу // Вызывая удивление у тысяч людей» [3].

Таким образом, анализ мифологема «конь» в балкарской исторической песне позволяет увидеть процесс трансляции мифологических черт, тенденцию к героизации и антропоморфизации образа. Конь наделается теми же рыцарскими чертами, что и его хозяин: способностью чувствовать, воспринимать и совершать разумные поступки. Взаимопроникновение черт коня и человека, отношение «рыцарского братства» между ними способствует созданию в «Песнях» единого образа «Конечеловека» (позволим себе такой неологизм, отталкиваясь от «Человекоконя» Г.Д. Гачева). Означенная мифологема, помимо мировоззренческой ценности, содержит и нравоучительный аспект, сводимый к онтологической картине мира, в которой гармонично сосуществуют человек и его братья меньшие.

Библиография

1. Джуртубаев М.Ч. Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. – Нальчик, 2011. – 197 с.
2. Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К. Этнокультурная составляющая зоолексем «лошадь» в карачаево-балкарском языке // Известия вузов. Северокавказский регион. – 2011. – № 2.
3. Шаваев Д.-Х. Ш. Раздумья о жизни. Поэмы. Стихи. Зикиры: в 2 ч. – Ч. 2. – Нальчик, 2007. – 231 с.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ИДЕИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Толгуров З.Х.

Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

kbigi@mail.ru

Данное исследование является ответом тем литературоведам, которые, возвышая значение словесного искусства многочисленных народов, принижают роль и художественное достоинство малочисленных народов. В частности, исходя из литератур народов Северного Кавказа, мы показываем их не только «берущими» из более древних литератур, но и «дающими» традиции другим словесным искусствам.

Ключевые слова: универсальные идеи, национальные литературы, традиции, новаторство, художественный опыт, родной язык, пространство.

UNIVERSAL IDEAS AND NATIONAL LITERATURE

Tolgurov Z.H.

Institute for Humanities Research of Government KBR and KBNC RAS

This study is a response to literary critics, who raise the role of major nations' verbal art belittling the meaning of minor nations' The author shows that the literature of North Caucasian nations isn't only «taking» from ancient culture but also «giving» its' traditions to the other verbal arts.

Key words: universal ideas, national literatures, traditions, innovations, art experience, mother tongue, space.

Исходя из современного художественного уровня литератур народов Северного Кавказа, можно утверждать, что они являются не только достоянием Северного Кавказа, но и составной частью как российской, так и мировой словесности. Сказанное не означает, что литературы названного региона стали слагаемыми литературы мира: имеется в виду, что и они способны оказывать на нее прогрессирующее влияние. Художники, сумевшие поднять на высокий уровень национальную литературу и оказывающие воздействие на прогресс мировой литературы, формируются не только у представителей многочисленных народов, но и таких, как кабардинский, карачаевский, осетинский, балкарский народы. Однако многие ученые утверждают, что универсализм присущ литературам только многочисленных народов, не имея представлений о словесном искусстве малочисленных народов. Делать те или иные выводы, исходя лишь из своей национальной литературы, не изучив другие, неправильно. В частности, А. Одоевский, Ф. Достоевский, В. Белинский, размышляя об универсализме литературы, утверждали, что он присущ только русской литературе, что универсализм – национальная особенность русской литературы. Якобы, думать о других народах, стремление к единству с ними – особая примета русской литературы, в частности, поэзии А.С. Пушкина.

Эта мысль оспаривается, например, немецким критиком Вольфгангом Менцелем, который писал, что универсализм – достоинство лишь немецкой литературы. Наши поэты, отмечает он, когда пишут о жизни и быте других народов, полностью воспринимают их взгляды и мировоззрение. Воссоединять свою национальную мысль с мыслью другой нации – эта особенность характерна лишь немцам, – утверждал Менцель. Нет другого такого народа, универсализм которого был бы равен универсализму немцев.

Яркий представитель немецкой литературы Гёте писал в 1807 году о том, что в XX веке неважно будет, кто написал книгу – китаец или серб, ибо «люди всюду мыслят, действуют и чувствуют похоже» [1].

В XX веке такая мысль поддерживается многими известными литературоведами и художниками. При этом они ссылаются на современные формы жизни, которые убивают «все самобытные традиции, подрывают основы существования нации». Многие известные ученые призывают привыкать к мысли, что на земле будет одна литературная культура. В то же время и немало литературоведов, ученых, которые говорят, что могущество НТР сильно преувеличено. Даже, по мнению Н. Конрада, «в последнее полустолетие процесс проникновения литературы одних стран в мир литературы других стран в той или иной степени охватил буквально все культурное человечество» [1].

Однако в понимании «Эпохи мировой литературы», говоря словами Гёте, было и есть немало противоречий. В частности, еще недавно в системе мировой литературы писателям малых народов отводилось скромное место: они должны дублировать то, что характерно для литератур многочисленных народов. С ними солидарны компаративисты, которые доказывали превосходство своей национальной культуры над другими, ее мировое значение и гегемонию. Европейская поэзия, проза, драматургия утвер-

ждались как основное мерило ценностей и синоним «мировой литературы», оставляя вне поля зрения литературы, имеющие отнюдь не меньшую значимость.

Все это объясняется непониманием и незнанием целого ряда факторов. В первую очередь, компаративистские идеи обусловлены тем, что им неведом художественный уровень литератур многих народов, особенно малочисленных народов, умалением их исторической памяти. Во-вторых, похожие произведения рождаются и в силу исторических условий, человеческой природы и специфики самой литературы. И, наконец, можно сказать, что уже давно, особенно в XX веке, сложились и определились так называемые «универсальные проблемы», которыми обусловлено единство системы образов литератур, имеющих «мировое значение». «Национальные литературы никогда не развивались в одиночку и в изоляции от других литератур», как подчеркивает Д. Лихачев [3]. Более того, уже с 1890-х годов многие литературы народов Северного Кавказа включались в русскую литературу, обретая с ней общие идейные, тематические и стилистические черты. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить процесс развития северокавказских литератур 1920–1930-х годов, или 1940–1950-х годов и т.д. Общность литератур Северного Кавказа с другими литературами наиболее полно проявилась в 1960–1970-х годах.

И в этом, видимо, преимущество писателей наших дней перед писателями прошлого. Жизнь, ответственность, ответственность перед другими народами является источником нравственности современной художественной мысли.

Поиски решения проблемы слитности, неразрывности между человечеством, Вселенной и личностью занимают сейчас передовых художников. Среди них, например, К. Кулиев, А. Кешоков и другие. Для них Человеком может называться лишь тот, кто «сердцем понял» свою сраченность с судьбой народа, кто чужие страдания и беды принимает как собственные. В понимании К. Кулиева современный человек – активнейшее, разумнейшее звено Вселенной, связь мира, времен, эпох. Его дом родной – средоточие всех ветров мира, пульса человечества – вырастает до размера Вселенной. И последняя уплотняется до объема отцовского дома. Отсюда совместимость в поэзии К. Кулиева, А. Кешокова взаимопереходящих образов: «дом – Вселенная, Вселенная – отчий дом». «Мир – мой отчий дом, где я рос, / Пусть будет прочен он и стоит вечно / Я не скажу: «Пусть мир рушится, / Когда я уже не буду в нем» [2].

Одно из лучших стихотворений К. Кулиева называется «Мой дом и мир», в котором поэт говорит о добре для всех, всему человечеству. Но это не материализация ложного желания раствориться в «общем» или показаться этаким человеколюбом. Причина кулиевского космологизма в понимании взаимообусловленности явлений, в понимании Вселенной как творца счастья индивидуума. Не может случиться так, чтобы одни народы оставались равнодушны к тому, как на земле других льется кровь. Пламя, охватившее одно дерево, может сжечь весь лес. «Когда молния бьет гору, то грустит, сотрясаясь, соседняя» («Вновь льется кровь»). Поэт знает, что «черная печаль», «черные ветры», постигшие человечество, не обойдут его дом. Вот почему так понятны и естественны кулиевские стихи, призывающие сражаться за счастье ближних и всего мира. Желая «мира дому твоему», поэт желает его себе и Вселенной.

Прогрессивная литература всегда выдвигала в качестве надежды солидарность, единение людей. Единство, братство людей она противопоставляет тем, кто живет «унылыми грезами взаимоистребления» (Л. Мартынов). Мечту представителей классической русской литературы XIX века, затем М. Горького, В. Маяковского о «едином человечьем общежитии» сегодняшняя литература превратила в главную задачу дня. Известно, что В. Маяковский, чувствуя ответственность за судьбу мира, говорил: «Я – где боль, везде: на каждой капле слезовой течи распял себя на кресте». Человек, мечтавший преобразовать лик Земли, связанный с ее жителями едиными интересами, он был на «ты» с Солнцем, со всей Вселенной.

Национальные литературы не могут быть изолированными от литературы мира или, как говорят сейчас, от универсального мирового процесса. Однако какие бы универсальные идеи не оказывали на появление произведения, оно по своей форме будет соответствовать национальной психологии человека и стране, где этот человек живет. То, что национальные литературы связаны с традициями и идеями, так называемой универсальной литературы, бесспорно. Но что берут литературы нацменьшинств от литературы мира и как берут? Правильный ответ на подобные вопросы является основой и правильного теоретического понимания специфики воздействия глобальных идей на национальную литературу. Хотя глобальные темы и идеи сформировались в художественной словесности нацменьшинств еще в XIX веке.

Библиография

1. Конрад Н.И. Запад и Восток. – М.: Наука, 1966. – 364 с.
2. Кулиев К.Ш. Кизилловый отсвет. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 271 с.
3. Лихачев Д. Будущее литературы как предмет изучения // Новый мир. – М., 1969. – № 9.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ А. ПУШКИНА И ПОЭЗИЯ А. ШОГЕНЦУКОВА

Хакушев А.Х., Тегуев Б.И.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

aliya1995@list.ru

Становление и развитие творчества классика кабардинской литературы А. Шогенцукова тесно связаны с влиянием классической русской литературы, больше всего – с творческим наследием А.С. Пушкина. В статье актуализируются основные принципы художественного, стилистического и идейного влияния.

Ключевые слова: русская классическая литература, кабардинская литература, новое стихосложение, литературное влияние, стиль, художественный язык.

PUSHKIN'S ART TRADITIONS AND ALI SHOGENTSUKOV'S POETRY

Hakushev A.H., Tetuev B.I.

Kabardino-Balcarian State University

Formation and development of the classic works of literature Kabardian A. Shogentsukova closely connected with the influence of classical Russian literature, most of all – with the creative legacy of AS Pushkin. The paper updated the basic principles of artistic, stylistic and ideological influence.

Keywords: Russian classical literature, Kabardinian literature, the new poetry, literary influence, style, artistic language.

С глубоким уважением и большой любовью Али Шогенцуков относился к культуре русского народа, к его классической литературе, пытался донести ее до народа. С этой целью он изучал и переводил произведения классиков русской и советской литературы, устанавливал личные связи с русскими писателями, вместе с ними собирал образцы устного народного творчества. Кабардинский поэт не только страстно любил русскую литературу, но и считал ее своей школой.

Любовь к творчеству и личности Пушкина у кабардинского поэта зародилась еще в годы учебы в Крыму, где ему представилась возможность более близко познакомиться с русской литературой. О силе обаяния пушкинских стихов поэт впоследствии рассказал так:

«Когда я научился читать по-русски и впервые раскрыл томик стихов Пушкина, у меня было такое ощущение, словно я поднялся на вершину высокой горы и увидел оттуда весь мир прекрасного. Сколько света, воли, захватывающей душу радости!.. Я ходил очарованный мерными строфами чудесных стихов, они плавно колыхали мою душу, как светлая морская волна колышет легкий челнок. И мир заиграл предо мною множеством красок, которых я не видел ранее, и с каждым разом это очарование усиливалось» [1].

Величие Пушкина кабардинский поэт видит и в том, что он оставил народам свое бессмертное наследство, создал «народный чистый... язык», который является «неиссякаемым родником». Он «стал учителем поэтов – сокровищем народным...».

Не замыкаясь в сугубо национальные рамки и не ограничиваясь традициями кабардинского фольклора, Али Шогенцуков смело вводит в кабардинскую литературу силлабо-тоническое стихосложение, пользуется размерами классической русской поэзии. Коренные изменения, произведенные поэтом в области кабардинского стихосложения, можно и нужно связать непосредственно с именем Пушкина. В поэтической деятельности классика русской литературы кабардинский поэт видел пример того, как нужно пользоваться народным стихосложением, совершенствовать и улучшать его. Творчество Пушкина со всей очевидностью показало Али Шогенцукову необычайные возможности и богатства силлабо-тонического стихосложения.

Благотворное влияние Пушкина на кабардинского поэта ни в коей мере нельзя свести к подражательству или к простому заимствованию художественных средств, приемов классической поэзии. Творчески подходя к наследию русских художников слова, Али Шогенцуков не просто заимствовал те или иные приемы, а, сообразуясь с традициями кабардинского фольклора и учитывая законы родного языка, перерабатывал их и умело вводил в художественную ткань своих произведений. О таком творческом подходе поэта к наследию русской классической литературы свидетельствует использование Али Шогенцуковым одного поэтического образа Пушкина.

Необыкновенный лиризм, народность, глубокое содержание, точность и красочность деталей, изумительная напевность, музыкальность, богатство ритмической организации стиха сближают поэзию Али Шогенцукова с поэзией классика русской литературы. Наряду с этим, у Пушкина Али Шогенцуков учится «просто-

те», правдивости воспроизведения действительности, краткости и сжатости выражений, мастерству описания природы, творческому использованию разговорного народного языка и устного поэтического творчества.

Знарок устного народного творчества и быта народов Северного Кавказа А.С. Пушкин в своих поэмах и стихотворениях с большой симпатией, глубоко и правдиво отобразил жизнь черкесов-адыгов, мастерски запечатлел красоту роскошной природы Кавказа. Кавказские произведения Пушкина, как и все творчество поэта, явились хорошей школой для Али Шогенцукова.

Характерно, что Али Шогенцуков, воспроизводя далекое прошлое своего народа, создает образы, напоминающие отдельных героев кавказских поэм Пушкина. В этом смысле интересно сравнить образ черкешенки из поэмы Пушкина «Кавказский пленник» с главной героиней поэмы Али Шогенцукова «Камбот и Ляца».

В патриархально-феодальной Кабарде доля, судьба горянки была самой тяжелой. В «Кавказском пленнике» «многое угадано и выражено верно», и наиболее удачным является образ черкешенки. Она в поэме – цельная, чистая и духовно сильная натура. Она не признает ни адатов, ни бесчеловечных законов общества и способна действовать по влечению своего сердца. Признавая единственным законом свободу чувства, черкешенка всей душой полюбила русского «гяура», хотя знает о трагических последствиях такой любви. С любимым человеком она может разделить все невзгоды и тяготы жизни. Когда черкешенка видит, что «навек погибла радость», разрушилось ее счастье, она неволе, безотрадному будущему предпочитает смерть.

Али Шогенцуков в патриархально-феодальном обществе Кабарды нашел такой же женский образ Ляцы. Как и черкешенке Пушкина, Ляца ненавистен мир феодалов, она отвергает законы адата, выступает против деспотизма князей и соединяет свою жизнь с жизнью любимого человека. Общее между двумя образами – их ненависть к рабству и протест против старых обычаев и насилия феодального общества. Но если черкешенка Пушкина не выступает открыто против существующего строя, не ведет борьбу за свое счастье, то Ляца Али Шогенцукова уже поднимает голос протеста, борется за свое счастье.

Много общего мы видим и в образах «Тазита» и «Мадины», хотя обе поэмы отображают разные эпохи жизни кабардинского народа. Герои их отвергают нормы поведения, выработанные в патриархально-феодальном обществе. Но Тазит еще не понимает, не осознает своего протеста, он не видит никакого выхода из создавшегося положения. Мадина же ясно сознает все несовершенство социума, но открыто выступить против отрицательных сторон жизни, в борьбе добыть и утвердить свое счастье она не в силах и трагически погибает. Сравнение некоторых образов двух поэтов показывает и то, что унаследовал Али Шогенцуков из традиций Пушкина. Как и в кавказских поэмах Пушкина, в произведениях кабардинского поэта, посвященных воспроизведению истории своего народа, явственно проступает трагедия простого человека в феодальном обществе, его обреченность. Несмотря на красоту, силу, прекрасные моральные качества, он гибнет. Вслед за Пушкиным, исторически верно воспроизведя действительность, Али Шогенцуков без прикрас и затушевывания правдиво восстанавливает историю своего народа. Пушкин всегда благоговейно относился к народному творчеству, умело и мастерски пользовался устными произведениями народа. В своем письме к В.П. Горчакову А.С. Пушкин указывал, что «черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести» [2]. Большое место они занимают и в последней поэме Пушкина «Тазит». Но описания национальных нравов обычаев черкесов-кабардинцев не нарушают общей гармонии поэмы, в ней они не занимают самостоятельного места, а органически вплетены в художественную ткань поэмы. В «Тазите» Пушкин правдиво воспроизводит национальные праздники и похоронные обряды горцев.

Однако, рисуя национальный праздник черкесов-кабардинцев, Пушкин показывает не только своеобразие горцев, местный колорит: эта сцена нужна поэту для подчеркивания и более яркого раскрытия душевного состояния отвергнутых обществом и обреченных на гибель двух влюбленных. Творческое использование такого приема русского поэта мы обнаруживаем в поэме «Камбот и Ляца» Шогенцукова. Кабардинский поэт не увлекается этнографией, бытовизмом. Не нарушая общего хода повествования, Али Шогенцуков умело вводит описание традиционного праздника кабардинцев, изображает удаль, мастерство джигитов-кабардинцев. Сцена праздника из «Тазита» напоминает и во многом дополняет картины праздника, мастерски отображенные кабардинским поэтом в «Камботе и Ляце». Массовые и бытовые сцены органически входят в действие поэмы, здесь поэт раскрывает мощь и силу народа, храбрость, мужество простых людей труда, их моральное превосходство над князьями.

По существу, здесь, на празднике, главные герои поэмы и начинают понимать трагизм своего положения. В изображении национальных обрядов, связанных с похоронами, у Пушкина и Али Шогенцукова мы также можем обнаружить большое сходство. Традиции Пушкина находят свое отражение в творчестве кабардинского поэта не только в реализме и истинной народности, постановке важнейших и актуальнейших проблем своего времени, в патриотизме и гуманизме, но и в употреблении многих поэтических форм, художественных средств и приемов русского классика. Только органически впитав в себя все достоинства поэзии классика русской литературы, Али Шогенцуков сумел достигнуть такого высокого совершенства, поэтического мастерства, стать основоположником кабардинской поэзии.

Библиография

1. Хачим Теунов, Али Шогенцуков. Путь поэта. – Нальчик, 1950. – 154 с.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – М.–Л.: АН СССР, 1951. – Т. X. – 250 с.

СОВРЕМЕННОКИ О ПОЭЗИИ КЕРИМА ОТАРОВА

Эфендиева Т.Е., Эфендиев Ф.С.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

kaf_ruslit@mail.ru

Статья приурочена к 100-летию со дня рождения балкарского лирика К. Отарова. В ней рассматривается литературная полемика конца 50-х начала 90-х годов XX века вокруг имени поэта.

Ключевые слова: поэзия, этнос, нравственный, национальное своеобразие, традиции, новаторство.

LITERARY CRITICS AND EXPERTS ABOUT KERIM OTAROV AND HIS CREATIVITY

Efendieva T.E., Efendiev F.S.

Kabardino-Balcarian State University

The paper is timed to the centenary of a famous Balkar lyric poet K. Otarov. The literary controversy concerning the poet's name and creative work, which was aroused in the beginning of the 50s – the end of the 90s of the XX century, is under analysis in the paper.

Key words: poetry, literary images, morality, creative work, traditions, ethnic peculiarities, ethnos, innovations.

К. Отаров поэтический путь начал в 30-е годы XX в., и многие его произведения были в основном лирического характера, с особыми национально-эстетическими аспектами, характерными только для него.

В 1936 году Керим Отаров был принят в члены Союза писателей СССР. Это был памятный для него год. Он готовил к публикации первый поэтический сборник «Стихи и песни» на балкарском языке («Стихле бла жырла» – 1938 г.). Сюда вошли все произведения, написанные им на родном языке в течение почти десяти лет. Тридцатые годы были трудными для его поэтического роста, так как он много работал преподавателем балкарского языка и литературы в школе, в медицинском и педагогическом техникумах, читал лекции в Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе.

Многие стихотворения из сборника «Стихи и песни» войдут в книгу стихов «Дороги» (1959), которая была издана на русском языке в переводе Е. Маркина, С. Виленского, Я. Серпина, И. Харабарова и др.

За долгие годы творчества поэт издал более двадцати сборников стихов и поэм на балкарском и русском языках. Среди них «Жолла» (Дороги: Стихи и поэма, 1956), «Саггышла» (Раздумья, 1968), «Дороги» (1959), «Туугъан жерим» (Родная земля, 1960), «Годы и горы» (1966), «Танг жулдузум» (Моя утренняя звезда, 1969), «Дороги утра» (1972) и многие другие.

Известный литературовед Ж.К. Кулиева правильно отметила его природный талант. Она пишет: «К. Отаров – самобытный поэт. Его поэтическое дарование общепризнано. Новаторская по своей сути лирика Отарова вместе с тем уходит в народное творчество, что, несомненно, обогатило его поэзию. Ранние стихи Отарова отличаются чистотой звучания, искренностью, приподнятостью интонации, мажорностью мировосприятия. В стихотворении «Колокольцы весны», в его тончайшей лиричности, есть что-то от ноктюрна» [1].

Эта высокая оценка поэзии К. Отарова дана в начале первого десятилетия XXI века кандидатом филологических наук Ж.К. Кулиевой. А до этого времени поэт К. Отаров был обойден вниманием местных литературоведов, которые больше писали об особенностях развития балкарской поэзии, начиная с её истоков и того времени, «когда балкарские литераторы только учились складывать стихотворные строки», – так писала Н. Байрамукова в очерке творчества «Кайсын Кулиев» [1], касаясь развития северокавказской поэзии 20–30-х годов прошлого века.

Другой известный литературовед Ф.А. Урусбиева в книге «Путь к жанру» [2], занимаясь историей жанров в балкарской литературе, и в частности, поэзии, тоже не уделила внимание лирике К. Отарова 30-х годов, хотя он уже издал в это время первый сборник своих стихов в Нальчике и был принят в Союз писателей СССР. В монографии «Путь к жанру» [2] она, положительно оценивая все поэтическое творчество поэта, более подробно остановилась на фронтовой и послевоенной лирике К. Отарова, выделив как основной его поэтический образ – образ «дороги».

«Образ дороги окрашивает его раздумья высокой лиричностью и мудростью, – писала она. – Сначала этот образ – просто синоним фронтовой судьбы поэта»: «Дороги дальние! Над вами, скуп и строг / Вставал рассвет, и трубы марш трубили / А мы на перекрестке у дорог / Друзей-солдат поспеш-

но хоронили» [2:85]. Продолжая исследовать его лирику, критик правильно замечает, что образ дороги присутствует и в производных от него образованиях: «Дорожные песни», «Дорожные ветры». «Мы – в пути» [2].

Ф. Урусбиева высоко оценила и послевоенные стихи поэта, когда в той же монографии писала: «Рожденные войной интонации мужественного и напряженного поиска своего места в действительности, повышенная нетерпимость к явлениям всяческого застоя и мещанства присущи стихам К. Отарова последних лет: «Ночной разговор», «Мой современник», «Соль земли», «Готовое счастье», «Некоторые» [2].

В другой своей монографии «Избранные труды. Очерки. Эссе. Статьи» [3] Ф. Урусбиева в главе «По степени правды» снова возвращается к имени К.С. Отарова, уделяя внимание художественной литературе о выселении. «Цикл Керима Отарова «Журавли вернутся» – это и дневники, и зарисовки, и раздумья. Но это прежде всего и без сомнения – настоящая Поэзия» [3].

Все исследователи-литературоведы игнорировали его лирику 30-х годов XX века. Вероятно, они считали, что эта лирика с ограниченной тематикой, отличается схематизмом и риторичностью.

Славное имя поэта К. Отарова долгое время оставалось вне поля зрения исследователей карачаево-балкарской литературы.

Одними из первых, кто положительно оценил поэзию К. Отарова в 50-е и 60-е годы XX века были Кайсын Кулиев и русские критики: Д. Бычков, В. Пипинис, Б. Куликов, М. Павлов.

Оценивая художественные особенности поэмы К. Отарова «Домик бабушки», К.Кулиев писал: «...она является одной из лучших поэм, написанных на нашем языке о современности, и свидетельствует о том, что реалистическая поэма начинает занимать своё место в балкарской поэзии».

Это были уже 60-е годы, когда появились сборники стихов К. Отарова на русском и родном языках – «Дороги» (Жолла). Стихи и поэма (Фрунзе, 1956), «Раздумья» (Саггышла), Стихи. (Нальчик, 1958), «Дороги». Стихи (М., 1959), «Родная земля» (Туугъан жерим). Стихи и поэмы (Нальчик, 1960), Избранные произведения в двух томах (Нальчик, 1962), «Горный поток». Стихи (М., 1963), «Годы» (Жылла). Стихи и поэмы (Нальчик, 1964), «Годы и горы». Стихи (М., 1966), «Утро мира» (Дуния эртдени). Стихи (Нальчик, 1967), «Моя утренняя звезда» (Танг жулдузум). Стихи, поэмы (Нальчик, 1969).

В начале 70-х годов XX века о К. Отарове написал рецензию балкарский поэт М. Мокаев «Любовь к родине» в связи с публикацией книги «Памятники». Стихи и поэмы (Нальчик, 1972), а много позже, в середине 90-х гг. о нём написала краткую статью кандидат филологических наук З. Кучукова «Расстояние в один человеческий крик»: о поэтике К. Отарова (Тез. Международного конгресса 11–14 сентября, 1996, Пятигорск).

В 80-е годы прошлого века о К. Отарове много пишет З.Х. Толгуров. В «Очерках истории балкарской литературы» (Нальчик, 1981) он говорит о нем как об одном из основоположников балкарской советской поэзии, принесший в балкарскую литературу «широту эпического видения мира, глубину лирического проникновения в суть вещей, песенный лад и богатство сатирических решений» [4].

В 1984 году вышла в свет первая книга о поэте – «Лирика Керима Отарова» [4], в которой автор – З.Х. Толгуров объективно сказал о плюсах и минусах творчества поэта, касаясь и его лирики 30-х годов, времени активного приобщения поэта к русской классической и советской поэзии.

Вторая монография о К. Отарове вышла спустя 13 лет после первой. Её написала в конце 90-х годов литературовед, профессор Т.Е. Эфендиева «Страницы жизни и творчества Керима Отарова» [5]. Книга состоит из двух глав: в первой главе кратко рассказывается о жизненном пути К. Отарова, а вторая глава посвящена анализу его поэтического творчества. В ней нет глубокого анализа поэм «Домик бабушки» (1955), «Родная земля» (1959), «Октябрьская поэма» (1957), «Кабарда» (1957), хотя каждая из которых явилась, по мнению автора, «большим литературным событием в балкарской поэзии в первое послевоенное десятилетие» [5].

Ни одну из этих монографий о себе К. Отаров не видел, так как он умер в 1974 году.

В литературном процессе 40–60-х гг. XX века К. Отаров сыграл большую роль в развитии художественно-стилевых тенденций балкарской поэзии. А его художественные образы «дороги», «тишины», «матери-горянки», «родного дома», «времени и пространства», наполненные символическим значением и нравственно-философскими аспектами, прочно вошли в интеллектуально-информационный мир горской поэзии.

Библиография

1. Писатели Кабардино-Балкарии XIX–конец 80-х гг. XX в. Библиографический словарь. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 341 с.
2. Урусбиева Ф. Путь к жанру. Очерк истории жанров в балкарской литературе. – Нальчик: Эльбрус, 1972. – 173 с.
3. Урусбиева Ф. Избранные произведения. Очерки, эссе, статьи. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 175 с.
4. Толгуров З.Х. Лирика Керима Отарова. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 105 с.
5. Эфендиева Т.Е. Страницы жизни и творчества Керима Отарова. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 120 с.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1

ИДЕЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЖИЗНИ

Ашнокова Л.М., Лолаев Т.П., Хараев Ф.А., Унежев К.Х., Эфендиев Ф.С.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

dadali@yandex.ru

В статье исследуется проблема происхождения жизни с точки зрения концепции глобального эволюционизма.

Ключевые слова: глобальный эволюционизм, антропный принцип, телеология, происхождение жизни.

THE IDEA OF A GLOBAL PROBLEM AND EVOLUTIONISM ORIGIN OF LIFE

Ashnokova L.M., Lolaev T.P., Haraev F.A., Unezhev K.H., Efendiev F.S.

Kabardino-Balcarian State University

The paper investigates the problem of the origin of life from the perspective of the concept of global evolutionism.

Keywords: global evolutionism, the anthropic principle, teleology, the origin of life.

Одной из центральных идей современного естествознания является идея глобального эволюционизма. Суть идеи в том, что развитие мирового целого направлено на повышение структурной организации. Вся история Вселенной от Большого взрыва до возникновения человечества предстает как единый процесс, характеризующийся генетической и структурной преемственностью четырех типов эволюции – космической, химической, биологической и социальной. Единый процесс мирового развития имеет определенную направленность – происходит усложнение организации. Н.Н. Моисеев полагает, что это является результатом взаимодействия объективной необходимости со столь же объективной стохастичностью Вселенной. Поскольку процесс развития охватывает неживую природу, живое вещество и общество, Моисеев считает естественным попытаться описать процесс развития на едином языке, в рамках единой схемы. В качестве ключевых слов, которые могут быть использованы для описания общих свойств основных механизмов развития неживых материальных структур, живого вещества и организации общественной жизни, Моисеев использует: изменчивость, наследственность и отбор. При этом изменчивостью называются любые проявления стохастичности и неопределенности. Наследственность – важнейший фактор, определяющий процессы развития, – это не только способность материи сохранять свои особенности, но и способность изменяться от прошлого к будущему, способность «будущего зависеть от прошлого». Изменчивость предоставляет природе целое «поле возможностей», из которых отбирается, реализуется лишь некоторая совокупность, удовлетворяющая некоторым специальным условиям. Эти процессы описывают, согласно Моисееву, механизмы глобальной эволюции.

Н.Н. Моисеев, характеризуя один из общих законов самоорганизации материи, пишет: «процесс развития характеризуется непрерывным усложнением и ростом разнообразия организационных форм материи» [6]. Этот закон носит название закона дивергенции и является приложимым ко всем этапам развития материального мира.

Встает вопрос – можно ли рассматривать глобальный эволюционизм в качестве составной части концепции самоорганизации? Относительно биологической эволюции Р.С. Карпинская считает, что она не сводится лишь к аспекту самоорганизации, а целостность живого организма есть продукт эволюции. На вопрос – вносит ли что-либо новое синергетика в биологию – Карпинская отвечает: «Безусловно. Однако при одном непременном условии – если не рассматривать биологический эволюционизм в качестве лишь составной части новой концепции самоорганизации» [5].

По мнению В.В. Казютинского, при осмыслении сущности идеи глобального эволюционизма, возникает принципиальный вопрос: не существует ли общесистемных законов эволюционного процесса, представляющих собой определенную конкретизацию современной концепции развития, и в то же время применимых ко всем структурным уровням природной действительности? [4] Эти законы могли бы обеспечить единство всех эволюционных процессов во Вселенной, преемственность процессов прогрессивной эволюции.

Если бы оказалось, что общесистемных эволюционных законов не существует, больший вес приобрела бы концепция, согласно которой возникновение жизни на Земле – «чудо», результат случайного стечения множества чрезвычайно маловероятных обстоятельств. Обнаружение общесистемных эволюционных законов лишило бы концепцию о чисто случайном появлении жизни серьезного доверия. Возможность обнаружения подобных законов имеет объективное основание – наличие в вещах и явлениях всего материального мира общих свойств и закономерностей.

Современная теория самоорганизации указывает на эти общие свойства и закономерности. Как уже указывалось, И. Пригожин придает необратимости и неравновесности универсальный характер: «...необратимость существует либо на всех уровнях, либо не существует. Она не может возникать, словно чудо, при переходе с одного уровня на другой» [7].

Для решения вопроса об эволюционных процессах во Вселенной важное значение имеет антропный принцип. Этот принцип фиксирует связь между свойствами Вселенной и возникновением в ней жизни, разума, космических цивилизаций. Не вдаваясь в подробности, так как это не является целью нашей работы, определим антропный принцип как предположение, суть которого в следующем: Вселенная такова, какова она есть, как бы для того, чтобы в ней на определенном этапе ее эволюции могло появиться мыслящее существо – наблюдатель (необязательно – земной человек). Это «слабая» версия антропного принципа. Существует также «сильная» версия антропного принципа, отождествляющая Вселенную со следствием реализации «замысла» надприродной причины – бога или Сверхразума. Эта версия, выдвинутая Б. Картером, породила множество телеологических спекуляций. Именно эта версия антропного принципа вызвала «антропный бум». П.П. Гайденок указывает, что нельзя «насильственно навязывать природе цели там, где их не удастся обнаружить: такая «телеология» губельна для науки» [1]. Думается, что пробелы в космологии, в теории появления живого и ее эволюции заставляют прибегнуть некоторых исследователей к телеологии для устранения существующих сложностей.

Возникновение жизни и разума в Метагалактике выступает как проявление общих эволюционных законов, определяющих целостные черты исследуемых наукой процессов прогрессивного развития. Возможно предположить существование некоторых общесистемных законов, закономерностей эволюционного процесса, которые охватывают все основные его этапы, от космологического до биологического. Через специфические законы и закономерности эволюции, характерные для различных, структурных уровней материи, обеспечивается преемственность процессов глобального эволюционизма в целом. При условии существования общесистемных законов самоорганизации, которые охватывают все структурные уровни материи, в сингулярности могли быть закодированы основные черты Вселенной, а также и возможность возникновения жизни, разума, космических цивилизаций.

Л.М. Гиндилис, анализируя антропный принцип, приходит к аналогичным выводам: «При наличии общих для всей Вселенной предпосылок для возникновения жизни нет никаких оснований считать, что лишь на Земле реализовался комплекс достаточных условий... с позиций глобального эволюционизма условия в соответствующих местах Вселенной естественно созревают в ходе развертывания эволюционного процесса» [2].

В.П. Казначеев и Е.А. Спиринов, характеризуя современные взгляды о появлении жизни и разума, пишут: «Наряду с другими объяснениями ряд философов и физиков полагает, что в космической эволюции, в физических законах, определивших феномен Большого взрыва, как бы запрограммирован процесс усложнения взаимодействий различных материально-энергетических потоков внутри космического целого – эволюционирующей Вселенной. В результате усложнения появляются живое вещество и разумное вещество. ... в объективно запрограммированной общими физическими законами пространственно-временной локальной области создаются условия для появления мыслящих живых существ» [3].

Если следуя логике Г. Хакена, мы зададим вопрос – кем были закодированы основные черты Вселенной, возможность появления жизни, разума, космических цивилизаций, или откуда взялся креативный потенциал, то окончательного ответа на этот вопрос в науке мы сегодня не найдем. Как было показано, мнения высказываются диаметрально противоположные. Здесь опять-таки мы сталкиваемся с границами нашего познания. Но, как известно, эти границы подвижны, и требовать от науки, чтобы она с сегодня на завтра дала ответы на эти сложнейшие вопросы, значит, требовать чуда.

Библиография

1. Гайденок П.П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. – 1991. – № 6.
2. Гиндилис Л.М. Антропный принцип: занимает ли человек исключительное место во Вселенной? // Глобальный эволюционизм. – М., 1994.
3. Казначеев В.П., Спиринов Е.А. Космопланетарный феномен человека. Проблемы комплексного изучения. – Новосибирск: Наука, 1991.
4. Казютинский В.В. Глобальный эволюционизм и научная картина мира // Глобальный эволюционизм. – М., 1994.

ЦЕННОСТНАЯ ПАРАДИГМА В ИССЛЕДОВАНИИ СЕМЬИ

Кильберг-Шахзадова Н.В., Хубиев Б.Б.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

ktiisr@mail.ru

В статье обосновывается значимость ценностного подхода к исследованию семьи и семейных ценностей.

Ключевые слова: семья; семейные ценности; общество; система ценностей; ценности общества; ценностный подход; бытие; личностные ценности; социальная ценность.

THE PARADIGM OF VALUES IN STUDIES OF FAMILIES

Kilberg-Shahzadova N.V., Hubiev B.B.

Kabardino-Balcarian State University

The authors substantiates the importance of the value approach to research family and family values.

Key words: family, family values, society, system of valuables, society values, value approach, personal values, social values.

Потенциал семьи как социокультурной ценности безграничен. Он развивается с опорой на созидательные и конструктивные ценностные ориентации. Семейные ценности всегда считались основополагающими компонентами человеческого бытия, были специфическими для каждой эпохи, являлись базовыми и вместе с другими санкционировались обществом.

В общественной системе ценность семьи обусловлена воспроизводством непосредственной жизни, воспитанием подрастающего поколения и формированием позитивного массового сознания, и эта роль выводит семью в сферу приоритетных ценностей общества. Между тем, семья как ценность общества до сих пор не стала предметом социально-философского анализа. В данной статье раскрывается ценностная парадигма в социально-философской плоскости. С этой целью выделим ценностный подход, обоснуем его значимость в исследовании семейных ценностей.

Ценностный подход используется в различных философских системах. Однако разработка теории ценностей вплоть до конца 50-х годов XX века рассматривалась в отечественной науке как прямая антитеза марксизму несмотря на то, что его классики не оставили нам специально разработанной теории ценностей. В начале 60-х годов интерес советских философов к этой проблеме заметно возрос. В публикациях этого времени авторы, следуя гуманистическим традициям, провозглашали человека высшей ценностью общества. Так, некоторые ученые считали, что познание сущности ценностей помогает раскрыть значение этой категории для анализа явлений конкретной реальности. С учетом культурно-нравственных аспектов семейного поведения специалисты в классификацию семейных ценностей вносят супружескую любовь, дружбу, привязанность, уважение чести и достоинства [1]; культуру взаимоотношений [2]; адаптацию супругов и их совместимость в духовной, психологической, культурной, бытовой сферах [3]; родительство, готовность супругов к исполнению семейных ролей, рациональную организацию семейной жизни [4] и др.

Семейная ценность одновременно и индивидуальная, и коллективная. Каждый человек признает преимущественно те ценности, которые соответствуют его идеалам. В связи с этим М. М. Бахтин отмечал: «Всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте» [5].

Как отмечает Д.А. Леонтьев, личностные ценности, как и ценности индивидуальные, существуют в форме идеалов. Личностные ценности – это идеалы, задающие конечные ориентиры индивидуальной деятельности данного конкретного субъекта. Семейные ценности человек воспринимает легко и естественно, идентифицируя их со своей субъективностью в соответствии со своим эмоциональным восприятием. Кроме того, Д.А. Леонтьев отмечает существование ценностей как индивидуальных образований [6]. Таким образом, семейные ценности, модернизируясь в индивидуальном восприятии, в дальнейшем обеспечивают их развитие в соответствии с особенностями личности.

Особый интерес для анализа представляет исследование О.И. Волжиной «социально-ценностного ядра семьи» и выдвинутое положение ученого о «двухслойной конструкции» семейных ценностей, согласно которой семья представляется «в единстве устойчивого ядра – социальной ценности и изменчи-

вой периферии – индивидуальной ценности» [7]. По мнению О.И. Волжиной, ценности, как и другие элементы культуры, имеют действенный характер в силу их активного принятия или пассивного признания. Социальная ценность семьи, будучи выражением значения семьи, в различных культурных кодах, в системе общественных отношений выступает и в качестве стимула, влияющего на поле выбора индивидуальных семейных ценностей. Исследователь считает, что человек должен стремиться к триединству: Истины, Добра и Красоты, с которым люди должны соотносить явления и объекты действительности.

Семейные ценности в целом не утратили своего социокультурного значения. Ценностные элементы семьи тиражируются другими структурами общества, происходит лишь дифференциация форм семейного взаимодействия [7]. Разделяемые семьей ценности, с одной стороны, отражают объективно существующие ценности социальной среды, а, с другой стороны, эти ценности признаются индивидом, входящим в структуру семьи [7].

Сегодня утрата прежнего значения семьи для индивида связана с господством либеральных ценностей, утверждением ценностей индивидуализма [8].

Ценность семьи проявляется через субъективное оценочное отношение к семье, с одной стороны, и реальный индивидуальный выбор – с другой. Закономерно встает вопрос о выборе различных вариантов семейных приоритетов – социальные нормы семейной жизни [9]. О.И. Волжина считает, что ценность семьи на уровне идеальной реальности будет сопоставляться с ее социальной значимостью, то есть ее функциями в поддержании фундаментальных форм социальной реальности [9].

В реальной жизни часто возникает проблема изменения ценностных ориентиров. В частности, в семейных отношениях конца XX века царствовал вульгарный материализм. Ухудшение материального положения семей, переход немалого их числа из категории среднеобеспеченных в разряд малообеспеченных, снижение всех жизненных стандартов принудили семью отказаться от затрат на удовлетворение своих духовных потребностей.

В реалиях современной России ценностные ориентиры в семье и обществе пронизаны, в первую очередь, прагматизмом. Поскольку новые, отвечающие настоящим реалиям идеи отсутствуют, многие россияне возвращаются к «старым, проверенным временем». Социальные ценности эволюционируют от среды к индивиду, проходя через наиболее близкую к нему малую группу – семью. Их «несемейная» направленность проявляется очень отчетливо, однако она носит, можно сказать, опосредованный характер, тогда как собственно семейные ценности напрямую, непосредственно обращены к индивиду [10].

Таким образом, семейные ценности связаны с удовлетворением потребностей людей в совместном бытии. Ценности обеспечивают целостность общества и семьи как социальной организации жизни.

Семья представляет собой общественный организм, обладающий важнейшей ценностью для человека, формирующий и передающий из поколения в поколение ценности в разных культурах по-разному и сохраняющий значимость для общества. В период социокультурных изменений в российском обществе значимость семьи как ценности возрастает, актуализируется проблема изучения семейных ценностей в социально-философском аспекте. Это характерно для реальной российской действительности начала XXI века.

Библиография

1. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. – М.: Мысль, 1979.
2. Розанов В.В. Семейный вопрос в России: монография. – СПб., 1993.
3. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. – СПб.: Петрополис, 1998. – 272 с.
4. Антонов А.И. Микросоциология семьи. – М.: МОТА ВЕБЕ, 1998. – 359 с.
5. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техника. Ежегодник 1984–1985. – М., 1986. С. 108–109.
6. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 34.
7. Волжина О.И. Семья как социокультурная ценность современного российского общества. – М., 2001. – 230 с.
8. Шлычкова О.Н. Эволюция семейных ценностей в современной культуре // Человеческий капитал. – 2010. – № 8 (20). – С. 80–81.
9. Волжина О.И. Аксиологическая концепция семьи // Мир образования – образование в мире. Научно-методический журнал. – 2001. – № 4. – С. 36–38.
10. Карцева Л.В. Российская семья на рубеже двух веков – Казань, 2001. – 292 с.

АГРЕССИВНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН КРИЗИСНОГО СОЦИУМА

Кучуков М.М., Кочесоков Р.Х., Апажева С.С.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Kuchukovm@mail.ru

В статье рассматриваются социальное содержание и причины проявления и роста агрессивности в обществе. Феномен политической бедности рассматривается как источник роста агрессивности в обществе.

Ключевые слова: агрессивность, полиэтничность, политическая бедность, культура неравенства, маргинализация.

AGGRESSIVENESS AS A PHENOMENON OF THE SOCIETY IN CRISIS

Kuchukov M.M., Kochesokov R.H., Apazheva S.S.

Kabardino-Balcarian State University

The article deals with the social content of causes and manifestations of aggression and of its growth in society. The phenomenon of political poverty is seen as a source of growth of aggressiveness in society.

Keywords: aggressiveness, polyethnicity, political poverty, culture of inequality, marginalization.

Одной из основных проблем современного общества является высокий уровень агрессивности и насилия. Существует опасная тенденция роста агрессивности и насилия и в современном российском обществе. В последние годы в России агрессивность становится нормой поведения, а насилие в разных ее проявлениях стало обыденностью. В обществе культивируются обычаи и традиции криминального мира, идеология насилия проникает в массовое сознание, становится повседневным явлением. Агрессивность проникает во все сферы жизни и становится универсальной моделью поведения в любой ситуации. Такое поведение отдельных людей, группировок можно объяснить конкретными причинами разного порядка. Но для объяснения таких же тенденций в развитии общества, проявляющихся на уровне политической жизни, необходим анализ социальных процессов.

Эти процессы наиболее обнаженно протекают на Северном Кавказе, при этом они отягощены полиэтничностью региона. Народы Северного Кавказа находятся в состоянии углубляющегося кризиса, затрагивающего базовые, социокультурные механизмы и формы их существования. Будучи оживленным перекрестком, где сталкивались разные цивилизации, Северный Кавказ, сохраняя самобытность, всегда находился в состоянии исторического вызова и ответа. В последние два века Северный Кавказ существовал, будучи интегрированным в Российскую цивилизацию. Время больших перемен евразийского социокультурного и политического пространства поставило и перед народами Северного Кавказа проблему самосохранения и самоопределения. В остальной России социоорганизменный кризис, порожденный коллапсом государственности, вроде бы преодолен, а на Северном Кавказе он явно продолжается. В решающей степени он обусловлен искусственно созданным состоянием ожидания войны и вооруженных столкновений, или же самой войной, которая ведется по всем законам локального противостояния и партизанской борьбы. О наличии острого политического кризиса в национальных республиках Северного Кавказа позволяет говорить существование незаконных вооруженных формирований (НВФ). В политически организованном обществе вооруженные силы могут быть только государственными или же с подгосударственным контролем. На Северном Кавказе же такие силы существуют в противостоянии с государством, и против них ведется вооруженная борьба правительственными силами. Вооруженное противостояние в любой форме в обществе свидетельствует о неразрешимых политических противоречиях. При этом такое противостояние продолжается не один год и имеет тенденцию роста.

В настоящее время существует множество причин такого состояния Северного Кавказа. Выделяют как внутренние, так и внешние источники и причины возникновения состояния напряженности. К первым относятся следующие факторы. Во-первых, религиозные причины, связанные с распространением новых религиозных течений. Во-вторых, дележка ресурсов и территорий между различными кланами внутри республик и между региональными элитами. В-третьих, в отдельных работах эти причины выводятся из массовой безработицы и низкого уровня жизни. А к внешним причинам относятся следующие факторы. Во-первых, изменение геополитического положения региона, который стал сферой борьбы игроков «мировой шахматной доски». Во-вторых, неоимперская политика США, стремящихся к созданию конфликтов во всех регионах мира, в том числе на Северном Кавказе. В-третьих, междуна-

родный терроризм, который стремится отделить республики Северного Кавказа от России. В-четвертых, усилия деятелей мирового турбизнеса, которые подсчитали доходы от туризма и отдыха на Черноморском побережье Кавказа и здравницах кавказских республик и «подпалили» регион, и тем самым переориентировали миллионы россиян и граждан других евразийских стран на свои курорты и здравницы.

Но все эти версии не убедительны в объяснении причин появления НФВ, членами которых становятся большей частью молодые люди, жители республик. Все эти объяснительные схемы упираются в конечном итоге на деньги, вознаграждение, которое получают члены НФВ. При всей своей жизненности и убедительности этот фактор не может быть единственной основой появления и постоянного пополнения рядов НФВ. Должны быть и более весомые мотивы, затрагивающие смысложизненные ориентиры, приходящие из социальных условий жизни и присущих при этом всей стране. Необходимо выявить политические условия, которые стимулируют такую форму крайней политической активности.

В обществе возникли условия для роста агрессивности, которая проявляется и в политической сфере общественной жизни. Проявление агрессивности является следствием возникновения определенного социально-психологического состояния. Агрессивность подчиняется своим собственным законам, весьма своеобразным, а порой непредсказуемым. Эти законы влияют не только на поведение каждого человека, включая политиков и военных, но и на поведение всего общества и государства. Преимущественно агрессия определяется как целенаправленное разрушительное, наступательное поведение, нарушающее нормы и правила сосуществования людей в обществе, причиняющее физический ущерб людям и вызывающее у них психический дискомфорт, отрицательные переживания состояния страха, напряженности, подавленности [1].

Социально-политической основой такого состояния общества является феномен, который американский политолог Джеймс Бохман назвал «политической бедностью» и определил ее как неспособность «каких-то групп граждан эффективно участвовать в демократическом процессе и в их последующей уязвимости перед последствиями намеренно или ненамеренно принимаемых решений» [2]. По его мнению, порог «политической бедности» проходит по линии способности/неспособности той или иной общественной группы инициировать обсуждение проблем, затрагивающих ее интересы. В обществе возникли социальные группы, и весьма значительные, выбитые из политического процесса, не способные принятыми демократическими способами удовлетворить свои потребности.

Феномен политической бедности стал характерной чертой российского общества. Он, с одной стороны, привел к массовому разочарованию и равнодушию значительной части населения к политике и политической деятельности. С другой стороны, привел к накоплению недовольства, протестных настроений. Усугубляло эти процессы и стремление правящего режима к монополизации власти и отстранению от нее граждан.

Возникновение политической бедности является следствием избыточного социального неравенства. Для постсоветской России характерным является прогрессирующее расслоение населения по доходам. Разрыв доходов между богатыми и бедными (10 % самых бедных к 10 % сверхбогатых) в 2005 г. составлял 14,9 раза, а в 2007 году этот разрыв составил в 16,8 раза. По мнению директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН Алексея Шевякова, «разрыв в доходах будет только стремительно возрастать» [3].

В. Кононова, эксперт Института комплексных стратегических исследований, обращает внимание на то, что «в развитых странах распределение населения по уровню доходов таково, что наибольшая часть населения получает средние доходы (средний класс), а доля населения с очень низкими и очень высокими доходами мала (на графике получается так называемый горб – пик доходов). В России такого среднего класса практически нет, и на графике вместо одного пика доходов видна «двугорбая» структура» [4].

В обществе происходит формирование устойчивой «культуры неравенства», которая «характеризуется повышенными показателями агрессивности и низкой сплоченности» [5]. Такое состояние социума проникает и в политические отношения, в политическое пространство, создавая здесь климат конфронтационности и нетерпимости.

В конечном счете, это приводит к политическим противостояниям и возникновению различных деструктивных движений и процессов. Власть, государство начинают восприниматься органом, защищающим лишь интересы богатой части общества. Социально ущемленные слои населения перестают идентифицировать себя с государством и властью. В обществе возникли условия, когда большинство населения практически исключено из политического процесса. При этом это не только работники низкой квалификации или же бомжи. В составе «новых бедных» и учителя, врачи, преподаватели вузов, научные работники. Результатом социального неравенства стал подрыв идеи возможности социальной справедливости, разрушение нравственных основ, сознания единства общества. Социальное неравенство стало основой маргинализации больших социальных групп. Следствием этих процессов стало возникновение социальной базы политического экстремизма, различных нелегитимных форм протеста.

Библиография

1. Жмуров Д.В. Насилие (агрессия) и литература. – Иркутск: АСПринт, 2005. – С. 27.
2. Красин Ю.А. Социальное неравенство в политическом измерении. – М.: РАН, 2006. – С. 44.
3. Николаева Д. Экономический рост в пользу богатых // Коммерсантъ. – 2008. 12.02. № 22(3839).
4. Структура доходов дифференцирует россиян // Коммерсантъ. – 2008. 06.06. № 97(3914).
5. Кислицина О. Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России. – М., 2005. – С. 256–274.

СЛОЖНЫЕ САМООРГАНИЗУЮЩИЕСЯ СИСТЕМЫ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Мендохова И.М., Шевлоков В.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

shevlovok@rambler.ru

В статье рассмотрены основные параметры философской рефлексии результатов исследований сложных самоорганизующихся систем.

Ключевые слова: самоорганизация, саморазвитие, сложные системы, эволюция, развитие, синергетика, междисциплинарность, философская рефлексия.

COMPLEX SELF-ORGANIZING SYSTEMS AS THE OBJECT THE PHILOSOPHICAL REFLECTION

Mendokhova I.M., Shevlovov V.A.

Kabardino-Balcarian State University

This article is about the main characteristics of the object the philosophical reflection of the studying complex self-organizing systems.

Keywords: self-organizing systems, complex systems, philosophical reflection.

Философская рефлексия постижения нового уровня познавательной деятельности современной науки связана со сложными самоорганизующимися системами, которые выступают основой прогрессивной эволюции. Данная рефлексия есть по существу осмысление особенностей самоорганизации и саморазвития сложноорганизованных систем, методологических принципов их исследования, а также философских оснований, обеспечивающих, по мнению В.С. Степина:

- построение особой картины исследуемой реальности (дисциплинарной онтологии синергетики);
- формирование идеалов и норм синергетического исследования (идеалов и норм объяснения и описания, доказательности и обоснования, строения и построения знаний);
- разработку философских оснований синергетики, обеспечивающих обоснование ее картины исследуемой реальности, а также ее методологических установок, выражающих принятые идеалы и нормы исследования» [1].

Мы ставим своей целью раскрыть и развить данные положения с учетом позиции автора, для более адекватного осмысления особенностей современного этапа развития науки. Выполнение поставленной цели связано с учетом междисциплинарного характера современных научных исследований, имеющих своим объектом сложные системы.

Основой для формирования картины синергетической онтологии явились результаты исследований, прежде всего по проблемам «сложности».

Учитывая трудности в определении сложного, Г. Николис и И. Пригожин акцентируют внимание на возможности постижения его существенных ингредиентов. В данном плане сложность представляет собой «возникновение бифуркационных переходов вдали от равновесия и при наличии подходящих нелинейностей; нарушение симметрии выше точки бифуркации, а также образование и поддержка корреляций макроскопического масштаба» [2]. В данном контексте сам переход к сложному связан с появлением новых ветвей решений в результате *бифуркации*, происходящей вследствие потери устойчивости стандартного состояния, вызванной нелинейностями и внешними ограничениями в открытой системе [2].

Возможности, обуславливающие процесс самоорганизации сложного, определяются как характером и степенью интенсивности взаимодействия открытой и неравновесной системы с окружающей средой, так и внутренними тенденциями (флуктуациями), ибо новая диссипативная структура возникает в результате усиления флуктуаций вблизи критической точки перехода к новому устойчивому состоянию – точки бифуркации. Вместе с тем такое взаимодействие неравновесной и нелинейной системы и окружающей среды определяет динамику изменения как самой системы, так и внешней среды в процессе их совместной эволюции – т.е. коэволюции.

Становление и формирование оснований синергетики опосредуются рядом философских проблем, связанных с осмыслением особенностей саморазвивающихся систем, а также методологических прин-

ципов их анализа. Это касается, прежде всего, проблемы нового смысла категорий, обеспечивающих понимание саморазвивающихся систем.

По мнению В.С. Степина, «саморазвивающимся системам присуща иерархия уровневой организации элементов и способность порождать в процессе развития новые уровни организации. Причем каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы. Вместе с тем перестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей» [3].

Сложные саморазвивающиеся системы носят открытый характер, что позволяет формировать особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой. Данные структуры предстают как функции программ поведения системы. Однако характер взаимоотношения системы со средой претерпевает значительные изменения со сменой типа самоорганизации. Само изменение типа самоорганизации есть выражение качественной трансформации системы. А это по существу фазовые переходы, при которых существовавшая прежде организация дезинтегрируется, разрушаются внутренние связи, и система входит в состояние динамического хаоса.

В структуре фазовых переходов формируется спектр возможных направлений путей эволюции системы. Сам переход («бифуркация») может сопровождаться как упрощением системы или ее разрушением и гибелью, так и возникновением новых уровней организации, открывающих возможности дальнейшей эволюции (саморазвития) системы.

Теоретическое и практическое освоение сложных саморазвивающихся систем на современном этапе определяет стратегию переднего края науки и технологического развития. Это, прежде всего, системы – биологические, которые рассматриваются как в аспекте их функционирования, так и в аспекте развития. Это объекты современных нано- и биотехнологий, технико-технологические системы как сложноразвивающийся комплекс: человек – технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию. К саморазвивающимся системам можно отнести современные сложные компьютерные сети, основой которых выступают диалог «человека-машины» (человека-компьютера), «глобальная паутина» – интернет. И, конечно же, все социальные системы в их историческом развитии [3].

В саморазвивающихся системах флуктуации в бифуркационной фазе перестройки системы формируют аттракторы путей эволюции, которые в качестве своего рода программ-целей ведут систему к некоторому новому состоянию и изменяют возможности возникновения других ее состояний.

Спектр возможностей путей эволюции системы в процессе формирования аттракторов трансформируется, некоторые, ранее возможные направления закрываются. Появление нового уровня организации как следствия предшествующих причинных связей оказывает на них обратное воздействие, при котором следствие функционирует уже как причина изменения предшествующих связей, по типу кольцевой причинности [3].

Второе положение раскрываемой нами темы связано с тем, что освоение каждого нового типа системных объектов требует особой структуры операций и средств познавательной деятельности. Существенную особенность этих операций и средств познания выражает соответствующая переинтерпретация идеалов и норм науки [4].

Как известно, в нормативных структурах науки находят свое выражение основные характеристики познавательного метода. Но метод должен соответствовать объекту исследования. Это требование приводит к тому, что специфика исследуемых объектов сказывается на характере идеалов и норм научного познания. Соответственно, новые типы системной организации объектов, вовлекаемые в исследовательскую деятельность, ведут с необходимостью к трансформации идеалов и норм научной дисциплины. Однако функционирование и развитие идеалов и норм науки обусловлено не только спецификой объекта познания, но также обязательными процедурами и определенными образами познавательной деятельности, которые обеспечивают постижение истины. Но этот образ, как указывает В.С. Степин, всегда имеет социокультурную размерность, ибо он формируется в науке, испытывая влияние мировоззренческих структур, лежащих в фундаменте культуры той или иной исторической эпохи [5].

В современную же эпоху мы становимся непосредственными свидетелями кардинальных изменений как в структуре идеалов и норм, так и нормативных структурах науки. Данные изменения свидетельствуют о становлении новой «постнеклассической рациональности» и связанной с ней синергетической парадигмой – парадигмой самоорганизации и саморазвития сложных систем.

Постижение сложных исторически развивающихся систем, перестраивая идеалы и нормы исследовательской деятельности, предполагает применение новых способов описания и предсказания их состояний, а точнее, построение сценариев возможных путей развития системы в точках бифуркации. В естественнонаучном познании находит свое воплощение историческая реконструкция как особый метод, который применялся преимущественно в гуманитарных науках.

В системе исследуемых современной наукой объектов особое место занимают такие комплексы, в которые в качестве компонента включен сам человек. К таким «человекообразным» комплексам можно отнести, в первую очередь, «биосферу», медико-биологические и экологические объекты, объекты биотехнологии, сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта и т.д.

Важно отметить, что исследование таких «человекообразных» систем и достижение адекватного знания о них как постижение истины оказываются связанными как со стратегией и возможными направлениями их преобразования, так и их гуманистическими ценностями. Такого рода объекты не допускают возможности свободного экспериментирования. Их исследование и практическое освоение связаны с определенными запретами на возможные стратегии взаимодействия, содержащие в себе, даже потенциально, катастрофические последствия.

Таким образом, в исследовании новых областей действительности в современной науке возникают ситуации, когда «знания о них и методы получения таких знаний могут существенно не совпадать с нормативами и представлениями о мире обыденного познания соответствующей исторической эпохи. Поэтому научные картины мира (схема объекта), а также идеалы и нормативные структуры науки (схема метода) не только в период их формирования, но и в последующие периоды перестройки нуждаются в своеобразной стыковке с господствующим мировоззрением той или иной исторической эпохи, с базисными ценностями ее культуры» [6].

Переходя к третьему пункту – необходимости разработки философских оснований парадигмы самоорганизации, обеспечивающих обоснование исследуемой картины реальности необходимо отметить, что здесь главный акцент делается на экспликации новых смыслов категорий, которая выступает условием обоснования синергетики как ядра общенаучной картины мира.

Конечно, разработка философских оснований парадигмы самоорганизации – синергетики, прежде всего, – это междисциплинарная коммуникация философов и ученых специалистов различных дисциплинарных областей знания. Она включает в себя не только осмысление онтологических категориальных структур самоорганизации и саморазвития, но и новое понимание познавательных идеалов и норм, необходимых для их освоения. Их осуществление происходит на путях анализа трансформации смыслов, которые обретают категории «объект – субъект», «объяснение – описание», «понимание», «доказательство – обоснование», «строение – построение знания», «прогнозирование – предсказание» и т.д. применительно к самоорганизующимся и саморазвивающимся системам. Все это ведет к переходу к новой рациональности – рациональности постнеклассического типа.

Не менее важным моментом обоснования философских оснований синергетики выступают проблемы мировоззренческие. Они связаны с включением в культуру новых научных представлений о сложных системах, их самоорганизации и саморазвитии, которые, по мнению В.С. Степина, создают точки роста новых ценностных ориентаций в современной культуре [1].

Именно такое положение вещей и актуализирует задачу философского осмысления синергетики, понимаемую и как ее переосмысление в контексте междисциплинарных приложений в качестве «нелинейной науки», науки о хаосе и теории сложности, так и в контексте приложений, выстраиваемых при методологическом сопровождении и посредством синергетически ориентированных коммуникативных стратегий узнавания, организации пространств межличностной «встречи» и диалога, особенно в области контактов естественнонаучного и социогуманитарного знания, в моделировании процессов устойчивого развития, в современных психотерапевтических практиках и т.д. [7].

Библиография

1. Степин В.С. О философских основаниях синергетики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/StepinVSem.htm>
2. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. – М.: Мир, 1990.
3. Степин В.С. Наука и философия // Вопросы философии. – 2010. – № 8.
4. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
5. Степин В.С. Основания науки и их социокультурная размерность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/ruspaper/STIOPIN1.htm>
6. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/6154-klassika-neklassika-postneklassika-kriterii-razlicheniya.html
7. Аршинов В.И. Синергетика и методология постнеклассической науки // Философия науки. – Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. – М.: ИФ РАН, 2002.

**ДИАЛЕКТИКА ПРАВА И ПРАВОСОЗНАНИЯ
В САМООРГАНИЗУЮЩЕМСЯ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Хубиев Б.Б., Кильберг-Шахзадова Н.В., Ашхамахова А.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

ktiisr@mail.ru

Статья посвящена вопросам диалектики взаимосвязи права, правосознания и правовой культуры в бытии гражданского общества. Обоснована роль знания в эпоху информационного производства как источника интеллектуальных ценностей и правовой культуры.

Ключевые слова: право, правосознание, правовая культура, диалектика, парадигма, гражданское общество, самоорганизация, субстанциональность, интеллектуальные ценности, человеческий потенциал.

**THE DIALECTICS LAW AND FEEL OF LAW
AND ORDER SELF-ORGANIZATION IN THE CIVIL SOCIETY**

Hubiev B.B., Kilberg-Shahzadova N.V., Ashhamahova A.A.

Kabardino-Balcarian State University

The article is devoted to conceptual bases of dialectics of intercommunication of law, feeling of law and order and legal culture in being of civil society, The role of knowledge is a source of intellectual values, legal culture and bases of spiritual safety of the society is given.

Key words: law, dialectics of intercommunication, feeling of law and order, civil society, intellectual values, human potential.

В связи с противоречивыми результатами общественного развития страны в последние два десятилетия ныне много стали говорить и писать об основных векторах социального развития России. Постсоветская Россия, по мнению большинства специалистов, пока не располагает четкой стратегией социально-политического устройства общества, хотя обозначены контуры либерально-демократической парадигмы, основанной на приоритете частной собственности, индивидуализме, либеральном гражданском обществе.

Одной из наиболее дискуссионных в этой связи стала проблема бытийности гражданского общества, его структуры, основных ценностей, идеалов и т.д., при этом справедливо ссылаться на гражданское правосознание как производное правовой системы и условия его формирования. Обобщая имплицитность гражданского общества и демократии в общественном устройстве России, вместе с тем, упускаются из виду вопросы диалектики права и правосознания, а также субстанциональность и самоорганизующая суть гражданского общества. Эти аспекты вектора общественного развития пока не стали предметом социально-философского анализа.

Между тем, исследование взаимообусловленности права и правосознания как основы общественного сознания, их ценностно-деятельностной направленности на процесс самоорганизации гражданского общества, чему посвящена данная статья, имеет важное научное и практическое значение.

Отдельные аспекты данной проблематики затрагиваются в исследованиях отечественных авторов, среди которых наиболее значимы работы А.М. Чумакова, М.И. Билалова, Р.Х. Кочесокова, М.М. Минигалина, В.Е. Чиркина, В. Пастухова, Ф.Ю. Хромцова и др.

Правосознание, правовая система и правовая культура относятся к базовым ценностям, обеспечивающим демократическое государственное устройство и строительство гражданского общества. Диалектика их взаимосвязи и взаимопроникновения составляет основу гражданского сознания, в ней раскрываются условия и принципы бытия гражданского общества, формируется общественное сознание в целом. Условием формирования гражданского общества является особый уровень сознания индивида – гражданское сознание. Поскольку сознание является продуктом бытия, и общественное бытие определяет сознание, то оно, сознание, (правовое, гражданское, духовное) отдельного индивида формируется в процессе его совместной с другими индивидами деятельности и опосредовано коллективным сознанием. Гражданское сознание формируется на основе общественных связей, «в которые люди вступают в процессе труда и которые определяют... социальную сущность отражения их жизнедеятельности в сознании» [1, с. 15]. Как видно, гражданское сознание как элемент общественного сознания становится базой и условием строительства демократии и современного гражданского общества.

Гражданское общество есть основанный на демократических принципах самоорганизующийся целостный общественный организм, и составляет часть общественной системы. «Гражданское общество и демократия – две стороны одной медали, которые друг без друга не существуют, – отмечает А.Н. Чумаков. Любые разговоры о демократии без учета этого фактора превращаются в схоластику, ибо только в гражданском обществе и возможна демократия» [2]. Сущность гражданского общества М.И. Билалов также рассматривает как институт свободы и равноправия граждан, вместе с тем считает, что это должно быть «общество экономики знаний и высоких технологий ...» [3]. В этой связи следует заметить, что наиболее дискурсивной в российском общественном сознании оказалась экономическая база модели гражданского общества. Отдельные авторы частную собственность рассматривают как источник развития общественного сознания. Л.Б. Ескина, например, считает, что права человека генетически связаны с частной собственностью, органически развиваются в русле индивидуалистического сознания... [4]. При этом следует заметить ошибочность понимания индивидуального сознания как проявление независимости от общественного сознания, что изначально было заложено в либеральной концепции гражданского общества. Не следует также понимать надличностное сознание как проявление независимости общественного сознания от индивидуального. В этой диалектике не должно быть принижения личностного начала в сознании членов самоорганизующегося гражданского общества. Самоорганизация по своей форме будет строиться на коллективных началах бытия людей в целях защиты и приумножения собственности, но центральное место занимает человек, гражданин, личность; свободные индивиды – собственники объединяются для совместного удовлетворения своих интересов и защиты от посягательства со стороны властных структур.

Современное состояние гражданского общества характеризуется тем, что основополагающие принципы – собственность (личная или частная), демократические нормы, гражданский контроль за социальными процессами, требующими высокого уровня правосознания граждан – не стали нормой общественного бытия. Между тем необходимым условием функционирования гражданского общества является высокий уровень гражданского правосознания, которое означает перенос осознанного бытия личности, т.е. самосознания, на действующие правовые нормы. Ведь аксиомой философии права является диалектика взаимосвязи правосознания и права, в ней правовая система и знание действующего права выступают источниками правосознания. В свою очередь от правосознания зависит функционирование права, его применение и соблюдение [5].

При этом заметим, что в современной России традиционно доминирующим остается государствоцентрическое политическое сознание, и это основное препятствие демократическим процессам. «Государство в российской политической культуре предстает как символ порядка, организации, разума и воли», – пишет Р.Х. Кочесоков [6]. В политическом сознании россиян источник власти непременно сводится к государственной власти, что обуславливает доверие к институтам государства и отсутствие такого доверия к негосударственным гражданским институтам. Но это не означает, что современная политическая культура россиян безупречна к государственной власти. Уровень и ориентированность политической культуры прямо пропорциональны степени легитимности власти, которая оценивается в обществе неоднозначно. Как считает Р.Х. Кочесоков, такое состояние является следствием выхода экономики из под контроля и государства, и общества, в результате вместо интеграции она стала дезинтегрирующим фактором общества [7]. Экономика не укрепила основы гражданского общества, не смогла заложить динамику его развития.

Принципиальное значение в повышении уровня правосознания имеет правовая и политическая культура, которые обеспечивают преемственность политического поведения гражданина в обществе. В правовой системе апробированы инновационные технологии формирования политической культуры, которая признается как основополагающая характеристика индивида. Во-первых, – это перевод политических знаний в систему убеждений на основе общественной практики объединений и структурных элементов гражданского общества. Во-вторых, – это формирование гражданской компетенции в общественной жизни, когда гражданин – член объединения сознательно и добровольно следует демократическим ценностям [8]. Эти процессы отражают уровень политических интересов и потребностей граждан, и обеспечивает динамику политико-ценностного отношения к реальной политической жизни.

Таким образом, право и правосознание, а также правовая культура, как их производная, находятся в диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности. Базовые ценности в любом типе общества составляют его основу, и они диктуются социокультурными условиями страны.

Библиография

1. Кушхова А.Ф. Социально-философский анализ духовной жизни как подсистемы общества: автор. дисс. ... канд. филос. наук. – Пятигорск, 2010.
2. Чумаков А.Н. Еще раз о гражданском обществе // Вестник Российского философского общества. – 2009. – № 1.

3. Билалов М.И. Какое гражданское общество нужно России // Вестник Российского философского общества. – 2009. – № 2.
4. Ескина Л.Б. Гражданское общество, конституционные права личности, правовое государство: о взаимосвязи явлений и соотношении понятий // Конституционные права и свободы личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства. Материалы II Международной научно-теоретической конференции. – М., 2010.
5. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
6. Кочесоков Р.Х. Пределы демократии и процесс демократизации в России. – Нальчик, 2007.
7. Кочесоков Р.Х. Указ. раб.
8. Храмцов Ф.Ю. Политическая культура молодежи как фактор социальной модернизации // Человеческий капитал. – 2010. – № 10.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНСЕНСУС КАК ПРЕДПОСЫЛКА СОХРАНЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИИ

Кучуков М.М., Дадашев А.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Kuchukovm@mail.ru

В статье анализируется проблема сохранения территориально-государственной целостности России. Преодоление межнациональных конфликтов, напряженности рассматривается как условие решения проблемы.

Ключевые слова: межнациональный конфликт, межнациональная напряженность, целостность России, национальная политика, национальные интересы.

ETHNIC CONSENSUS AS A CONDITION OF PRESERVING OF TERRITORIAL INTEGRITY OF RUSSIA

Dadashev A.A., Kuchukov M.M.

Kabardino-Balcarian State University

The article analyzes the problem of preserving the territorial integrity of the state of Russia. Overcoming ethnic conflict, tension is regarded as a condition for solving the problem.

Keywords: ethnic conflict, ethnic tensions, Russia's integrity, national policy, national interests.

Для России одной из наиболее сложных является проблема преодоления межнациональной отчужденности, недоверия и враждебности. В этой связи исследование проблемы возникновения, развития и преодоления или же предотвращения межнациональных конфликтов становится одной из наиболее актуальных для современного обществоведения. Одним из необходимых элементов такого анализа является выявление специфики, присущей отдельным регионам, в том числе и Северному Кавказу.

В основе кризиса цивилизационного существования России лежит отказ от регулирующей роли государства в сфере межнациональных отношений. Отсутствие целенаправленной национальной политики стало важнейшей предпосылкой возникновения противоречий и конфликтов. Россия изначально существовала как многонациональная цивилизация. Но это аксиоматически принимаемое суждение так и не стало предпосылкой выработки соответствующей государственной политики в многонациональной России. Игнорирование национальных проблем и их недооценка и как результат кризис в этой сферы общественной жизни традиционны для России. В настоящее время при сохранении относительной стабильности в сфере межнациональных отношений идут процессы накопления проблем, существует латентная конфликтность, которая может стать и актуальной в формах национальных движений, межнациональных противостояний и столкновений.

В многонациональном государстве жизнедеятельность народов составляет одну из необходимых сфер общественной жизни. При признании такого факта государство должно выполнять свои функции и в этой сфере, т.е. иметь национальную политику. Содержание национальной политики определяется необходимостью согласования интересов государства и наций, наций и других субъектов общественной жизни (личности, различных групп и общностей), отношений между нациями. В каждой многонациональной стране национальная политика имеет свои особенности. Но наличие такой политики это общее правило и условие стабильного существования социума.

Основой современной политики в сфере национального бытия является принятие сложившимся в 1990-е гг. политическим режимом идеологии создания российской нации (всё должно было быть как у американцев). Эта идеология реализуется в стремлении путем указов и декретов превратить нации-этноты в единую нацию-государство. Только уж при очень большом желании можно игнорировать то, что Россия исторически формировалась как государство – цивилизация, скрепленная деятельностью и культурой русского народа, и существовала уже в XX в. как сообщество наций-этносов с самосознанием своих субъектных прав. По поводу прав народов шли и идут дискуссии. Идеологи и политики, пытающиеся конструировать государство-нацию, отрицают существование коллективных прав, принадлежащих народам. Права народов противопоставляются правам человека. Но существует реальность России, где и в настоящее время, и в обозримом будущем сознание существования прав народов будет одним из

самых мощных мобилизующих факторов. Для российских народов коллективные этнические права сегодня значат не меньше, чем права человека.

При анализе государственной национальной политики, проводившейся в 1990-х гг., как правило, отмечается, что она носила реактивный характер, была фрагментарной, направленной на решение лишь отдельных задач, вырванных из общеполитического контекста. Делается вывод, что в настоящее время государство не располагает реально работающими, апробированными политико-правовыми механизмами стабильного развития федеративных и национальных отношений.

Но здесь дело не в непонимании или же запаздывании, а в принятой идеологии и политике, основанной на принципе игнорирования существования наций с самосознанием своей субъектности в различных сферах общественной жизни. Государство в одночасье «отменило» нации и отказалось от национальной политики, пустив на самотек процессы, которые происходят в национальных республиках. Из федеральных исполнительных органов были выведены структуры, призванные принимать и реализовывать управленческие решения в сфере национальной жизни. Взамен пришла политика, основанная на принципе национально-культурной автономии, удовлетворения национально-культурных запросов. Государство декларировало равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным движениям. Но при всей привлекательности этих положений они в национальных республиках преимущественно существуют как пожелания. Положение человека во многом определяется характером отношений народов, их положения в сфере хозяйственной или политической деятельности.

Основной недостаток проводимой национальной политики – это её провоцирующая роль и генерирование кризисности. Источником такой роли проводимой политики является установка на унитаризацию страны и уход государства из сферы управления процессами сосуществования народов. Государство перестало заниматься вопросами взаимоотношений народов в регионах, в национальных республиках, где сосуществуют, как правило, несколько народов и национальных групп с развитым национальным самосознанием, с сознанием своей государственности, этнической территории и уникальной культуры. Налицо противоречие принципов отношения к национальным проблемам с реалиями российской действительности. Отказ же от политики в сфере регулирования отношений народов привел к негативным результатам. Россия представляет собой расколотое по национальному признаку общество. Проявляется такое состояние в двух проекциях: во-первых, в отношениях русского населения к остальным народам и, во-вторых, в отношениях народов в многонациональных республиках.

Целью национальной политики и перспективой национально-государственного строительства является создание российской нации, которую русские и нерусские националисты трактуют как этническое русское государство. По данным социологических опросов, свыше 60 % представителей этнического большинства (т.е. русских) поддерживают лозунг «Россия – для русских» [1]. В России возникли откровенно националистические партии и организации, возник русский фашизм.

Но Россия – это государство не только русского этноса, но и других народов, которые трудились, радовались и страдали в этом государстве. В национальном самосознании десятков народов России Отечество отождествляется с Россией. Формула «Россия – для русских» при последовательной её реализации способна развалить и многонациональное Российское государство, как это произошло в недалеком прошлом с СССР.

Возникновение крайних форм национализма и расизма в своей основе имеют объективные и субъективные политические причины. Это прежде всего результат целенаправленной организаторской работы и распространения националистических и расистских идей и представлений. В основе их появления и развала государства, которое создавали десятки поколений русского народа. И распад в такой форме, как он произошел, может восприниматься как акт национального поражения и унижения. Несомненно, это один из источников духовного кризиса и возникновения таких движений. И укрепление России, преодоление кризиса невозможно без консолидации и активизации самого народа. От нравственного состояния русского народа в решающей степени зависят состояние и перспективы России. Эти движения могут являться и незаконнорожденными детьми процессов национальной консолидации и выздоровления русского народа. Но национализм, которым может заболеть русский народ, это единственная реальная основа распада России и поощрение националистов в России, что мы и видим, это государственное преступление.

Раскол общества и накопление конфликтности происходит и в отношениях между народами национально-территориальных образований. На Северном Кавказе возникли объективные условия для возникновения противоречий, различных движений протестного характера. Обусловлено в первую очередь социально-экономическими, экстремальными условиями хозяйственной деятельности, кризисом системы экономических отношений. В то же время и нарушением сложившихся за десятилетия советской власти принципов распределения материальных благ и власти между народами. Качественная характеристика социально-экономического положения народов Северного Кавказа определяется отсутствием

вием системы хозяйственной деятельности, способной обеспечить население необходимым уровнем потребления. Бедность населения, неразвитость транспортной и социальной инфраструктуры, безработица являются источниками социальной напряженности и конфликтов. Все эти кризисные явления усугубляются наличием национального фактора. Федеральная государственная власть не занимается проблемой их взаимоотношений, нет профессионально работающего органа, куда можно было бы обратиться с возникающими проблемами в положении того или иного народа. Реализация групповых экономических и политических интересов, когда это происходит без сдерживающих и регулирующих государственных рычагов, может приводить к осложнениям межнациональных отношений, к нарушению существующего исторического консенсуса между народами.

Библиография

Паин Э.А. Издержки российской модернизации: этнополитический аспект // *Общественные науки и современность*. – № 1. – 2005. – С. 150–151.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 82.09 (470-64)

К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ Л. АГНОКО

Баков Х.И., Бакова З.Х.

Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

kbigi@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые проблемы создания оригинальной письменной литературы младописьменных народов и роль в этом народных сказителей на примере творчества кабардинского джегуако Агноко Ляши.

Ключевые слова: литературный процесс, лирический герой, концевая рифма, сказитель, поэтика, творчество, индивидуальность.

ON THE POETICS OF L. AGNOKO

Bakov H.I., Bakova Z.H.

Institute for Humanities Research of Government KBR and KBNC RAS

At this article researches some problems of creation of original written literature of younger-written nations and role of national narrator at this problem on example of Ali Shogentsukov's and kabardian national poet's Lyasha Agnoko's creations.

Key words: literary process, lyric hero, ending rhythm, poetic, creation, individualism.

В науке о литературе недостаточно изучена роль народных сказителей и степень их участия в создании письменной литературы в позапрошлом веке у многих народов Поволжья, Крайнего Севера и Северного Кавказа. Многие сказители после Октябрьской революции получили необычайную известность в основном за восхваление идеологии партии большевиков. Однако в истории кабардинской литературы был джегуако Агноко Ляша, который не вписывается в этот круг, но своим талантом был готов к профессиональному творчеству как поэт.

Есть известное изречение, что «Поэт в России больше, чем поэт». Перефразировав его можно сказать: «У адыгов сказитель больше, чем сказитель». В этом убеждают нас и жизнь, и творчество Л. Агноко.

Агноко Ляше не суждено было попасть в «идеологическую обойму», он умер в 1918 году, но в силу таланта, поэтического дара, возможно, превосходил всех тех, кто стал «мостом» между фольклором и литературой новописьменных народов Северного Кавказа. Его творчество осталось только на устах народа, его произведения не легли на бумагу, не тиражировались. Он был «джегуаку», который не имел таких возможностей профессиональных литераторов, как работа над текстом, услуги редакторов, критиков и прочих благ цивилизации. Не повезло Агноко Ляше и в последующие времена. Его наследие не собиралось и не изучалось вплоть до 1958 года, а первая книга его произведений увидела свет лишь в 1993 году [1]. Иноязычному читателю он не знаком.

Л. Агноко в полной мере относился к институту джегуако, о чем подробно говорится в недавно вышедшей монографии З. Налоева [2]. Ляша был не только импровизатором и сочинителем песен, он сочинял и музыку, исполнял песни, прекрасно танцевал. Все эти функции он выполнял блестяще и свидетелей тому много. Но нас интересует одна лишь грань его творчества – насколько он был поэт с индивидуальным взглядом на мир вещей, использовавший оригинальные изобразительно-выразительные средства и владел техникой стиха.

Ляша Агноко, без сомнения, был сказителем, но он не пользовался «бродячими сюжетами», идущими с Востока. Его творчество было тесно связано с жизнью народа и эпохой, поэтому он сумел отразить свое время, одно из основных требований историзма. Он был свободным художником, не отягощенным никакими религиозными догмами (он боролся не с религией, а с теми работниками религии,

которые плохо выполняли нравственные критерии ислама), идеологическими и иными догмами, считал «адыгский этикет» нравственным завоеванием народа.

В основном Агноко был лириком, но в своем творчестве часто пользовался элементами драматургии, в частности диалогом и монологом владел искусно. Можно сослаться на его произведение «Как встречались два джегуако» (Агноко и С. Мижаев). В этом произведении оба сказителя обменялись традиционными благопожеланиями, вмещающим и по шесть строк. Рифма в них внутренняя, свойственная адыгскому фольклору. Однако здесь уже встречаются у Агноко и начатки концевой рифмы. Это сочетание создает особую мелодику стиха. И это является новаторским приемом настоящего поэта. Важно отметить, что Л. Агноко самостоятельно пришел к элементам рифмовки силлабо-тонической системы.

К оригинальным художественным особенностям лирики Л. Агноко можно отнести и его обращение не только к людям, но и к природе, к реке Черек. Лирический герой стоит на берегу и обращается к реке, которая «непослушна как аркан» (какое интересное сравнение), река «любителница глядеть на солнце», но сегодня она не поднимает глаз, она печальна, ибо «в этот день темные дела вершат сыновья Шардана» [1]. Прекрасную погоду омрачают люди.

Будучи на застольях, А. Ляша образно отражал в стихах не только традиционные тосты, но и пагубность горячего напитка, которую называет «страдалицей», с которой лирический герой хочет поиграть, но она как «необъезженная лошадь», хотя она греет, заывает, вызывает красноречие. Здесь есть и предметная изобразительность: рюмка напоминает ножку человека, но неизвестно, когда она опрокинет «старые ноги».

Поэт обладал гражданским мужеством, он во всем отстаивал свое видение справедливости, критиковал дворян, нечистоплотных эфенди, введших верующих в заблуждение. Кроме того, роль джегуако дала ему, говоря современным языком, «депутатскую неприкосновенность» благодаря «адыгэ хабзэ».

Личная жизнь Л. Агноко была на виду у людей, поэтому он в стихах выступает от своего «я», находясь на праздниках, представлениях. Однажды он танцевал в паре с одной девушкой, а некий Абазов Джамбот – с другой, которой приглянулся сам Агноко. Девушка и Агноко перекинулись шутками. Все это обычное дело, но здесь надо отметить оригинальное сравнение, не встречающееся в фольклоре. Из слов девушки: «Как смог ты удалить угодника, словно весенний наледь с берега реки?» И в словах поэта объяснение в любви носит образный характер: «Где бы я ни был, мои глаза, не спеша, пасут только тебя».

Поэтическими являются тексты и других стихов Ляши: «Уэсэпс хуабэм мэшыр кьегъэкI / КЫтэр кIамэ, фадэр хахуэщ!» [1] – Просо растет от теплой росы / Если вырос хмель, напиток становится смелым!» (*здесь и дальше подстрочный перевод – Х.Б.*)

Эпитет «Смелый напиток» или выражение «От худой женщины потеет сердце» глубоко оригинальны, как и следующие строки: «Яжъэм хэт екIэпцIэр кIыркъым / Псым хэт дзэлыр фыркъым / Гум дэль фэр псалъэркъым [1] – «Ольха не растет на золе / Ива в воде не гниет / Кожа не говорит в сердце».

Общеизвестно, что фольклор пользуется в основном постоянными эпитетами (золотая родина, ясное лицо, светлое утро и т.д.), потерявшими свежесть и оригинальность. Л. Агноко использует олицетворения, сравнения и эпитеты, свойственные настоящей профессиональной лирике. Можно привести один из них «Уи Iэр дэгуми» – «Хотя твои ладони глухие». Ладони человека – символ доброты, тепла, трудолюбия, но «глухие ладони» – новый парадоксальный эпитет – антитеза.

Поэта отличает мастерство при создании портретной характеристики, в которой использованы разнообразные сравнения («Чей палец словно кнут», «Травы на его усах хватит для пропитания быков»). Особо много их в описании девушки, вызвавшей гнев лирического героя: «Голова твоя – тыква горлянка, лоб – русский картуз, рот, словно старая обувь ненастья, ноги как у худого верблюда, плечи нищего сапетка» и т.д. Есть и другие сравнения: «медные глаза», «губы, готовые к спелости вишни», «губы, превосходящие рай», «мигающие глаза» и др. Их много и в «Хохах».

Еще один пример, подтверждающий оригинальный способ рифмовки: «Си нэуэжьюу кIэломпIыжыыр / Жъажъэ бзаджэт. Ар жъэджатэт / Щхъэ топыжыыр ужъэжъат и / Танищ естри ястыжаш» [1].

Во-первых, здесь есть как внутренняя, традиционная адыгская рифма, так и концевая европейская. Во-вторых, четкость мелодии стиха создают повторы звуков: «жъ» в каждом втором слове первых двух строк, «т» в следующих строках повторяются также по два раза. Ритм также четкий, соразмерный.

Философские мысли и образность отличает стихотворение «Агноко о смерти», в котором содержится диалектика: земля рождает красоту, она же хоронит ее, она – кладбище и молодых, и старых. Земля – цветущее старое дерево, поэтому лирический герой хочет после смерти вернуться на землю хотя бы грушей [1].

Об Агнокове можно говорить как о поэте самобытном, талантливом, обладавшем огромным художественным потенциалом, который не получил оценки из-за исторических обстоятельств. Стихи его переживут не одно поколение и в наше время, ибо, как говорит поэт: «Есть в Кабарде и моего счастья кусок». Слова оказались пророческими, хотя мы, литературоведы, в долгу перед поэтом.

Библиография

1. Агноко Ляша. Стихи. – Нальчик, 1995. – 295 с.
2. Налоев З.М. Институт джегуако. – Нальчик, 2011. – 186 с.

ХРОНОТОПИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИНТИМНОЙ ЛИРИКИ А. КЕШОКОВА

Борова А.Р.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

assbora@mail.ru

Проблема художественного хронотопа является одной из наиболее актуальных в современной филологической науке. В данной работе определяются и исследуются основные пространственно-временные доминанты интимной лирики известного кабардинского писателя Алима Кешокова.

Ключевые слова: хронотоп, пространственно-временной континуум, этнокод, мотив, национальный образ мира, адыгский этикет, образ-символ, архетип, этнологическая доминанта.

CHRONO-TOPICAL MODEL OF A. KESHOV'S LOVE LYRICS

Borova A.R.

Kabardino-Balcarian State University

The problem of literary chronotope is one of the most relevant in the modern philological science. This paper identifies and examines the main spatio-temporal dominantes intimate lyrics a famous Kabardian writer Keshokov Alim.

Key words: time-space, the space-time continuum, ethnocode, the motive, the national image of the world, Circassian etiquette, image-symbol, archetype, etnological dominant.

Во все времена у всех народов любовь воспевалась в литературе, обожествлялась в мифологии, героизировалась в эпосе, драматизировалась в трагедии. Но каждый народ, каждая нация по-своему понимали и оценивали ее, создавали свою философию любви, которая отражала особенности национальной культуры, нравственных и эстетических идей, традиций и привычек, свойственных данной культуре.

Стихи Кешокова на тему любви – это своего рода попытки ответа на вопрос о том, что такое любовь, в чем заключается ее предназначение для человека. Посредством пространственной дихотомии «верх» – «низ» в стихотворении «Если бы солнце было вместе с луной...» [1] поэт выстраивает алгоритм *со-бытия* двух влюбленных, из которого следует невозможность их *со-единения*. Произведение активизирует интертекстуальные припоминания о шекспировских Ромео и Джульетте, а также соловьевскую теорию «двоемирия» [3], по которой земная любовь – лишь искаженный отблеск истинной мистической Любви. Как ни встретятся на небосводе Солнце и Луна, так и влюбленные Кешокова никогда не будут вместе: «*Если бы солнце было вместе с луной / Для земли это было бы лучше*» [1]. Соотнося героиню с пространственными объектами «верха» – неба: *солнцем, лучом, облаком*, поэт сакрализует образ, который как блоковская незнакомка – явление ирреального мира: «*белым красивым облаком видят тебя мои глаза / хочу дотронуться до тебя – мои руки не достают (короткие)*», «*Если бы попал в (орбиту) твои лучи / На земле теплые лучи поделил*» [1].

С помощью пространственных объектов «верха» и кольцевой композиции поэт моделирует время мифологическое. Атемпоральность вечности – вечное движение по замкнутому кругу манифестируется метафорическим образом смены дня и ночи, солнца и луны, которым начинается и заканчивается стихотворение: «*Луна за солнцем не успевает / Не успевает / Когда одно заходит, другая выходит / Ты и я на них похожи / На них похожи / Не встретившись, день наступает*» [1]. Лирический герой Кешокова – «рыцарь без страха и упрека». В своем желании любить и быть любимым он готов противостоять закону природы, по которому солнце никогда не встретится с луной. Прошлое, настоящее и будущее, определяющие временные координаты профанного пространства лирического героя, сходятся в одной точке, знаменуя тем самым приобщение его (героя) к «тонкому» миру. Именно в этом видит онтологический смысл любви Кешоков. Без нее невозможна гармонизация в сознании человека бытийности и быта, души и тела, макро и микрокосма.

Мотив Вечной Любви актуализирован в поэзии Кешокова моделью мифологического времени и образами «верха»: «*Если я с тобой, в небе я*» [1]. Великое чувство символизирует «звезда по имени Солнце» – источник света и тепла, а значит и жизни для человека. В вечности любви лирический герой Кешокова уверен так же, как в том, что ночь сменяет день. Он не боится расставаний с любимой: «*Любимая, если пропадешь / Ты опять вернешься / Если не буду видеть тебя и пройдет много времени / Я*

тебя опять все равно встречу / Хоть и злишься на меня / Мою душу ты сердцем все равно ищешь / Вот поэтому, даже когда ты уезжаешь / Никогда мое сердце не становится половиной» [1]. Поэт уверен и в том, что только любви под силу нейтрализовать в человеке чувство страха перед конечностью земного бытия «Когда-то был я бурным потоком / Теперь я высох, удивляюсь» [1]. В сознании лирического героя Кешокова его земная жизнь (линейное профанное время) и жизнь Вечная (мифологическое время) за порогом смерти уравниваются образом любимой, которая является ему как пушкинский «гений чистой красоты»: «Глаза немного прикрыв / Перед собой тебя я вижу... Твой голос, кажется, я слышу» [1].

Временная реминисценция: «Хоть с моей бороды и не сойдет седина / Я достоин любить» в стихотворении Кешокова «Вода, которую ты будешь пить, еще не вытекла...» [1] также отсылают нас к пушкинскому «любви все возрасты покорны» [2]. Структура стихотворения, его идейное содержание подчинены категории времени и ею управляются. Так, количеству временных моделей соответствует число композиционных частей, а проблема профанного и сакрального раскрывается поэтом с помощью метода контрастного противопоставления времени объективного и субъективного, базирующегося, в свою очередь, на бинарных оппозициях: молодость/старость, начало/конец, жизнь/смерть, зима/весна, движение/статика и т.д.

Провоцирующим идейный конфликт в стихотворении является объективное настоящее время, олицетворенное в образе лирического героя. Данная модель, связанная с проблемой механистичности профанного времени, необратимости последствий его в бытии человека, художественно оформлена в дуальном мотиве физической красоты, выраженной посредством пространственных образов «верха» и физической немощи – образов «низа»: «Ты (достойна сравнения), как **месяц** в начале весны / Я как **черкеска**, которую снег и дождь зимой и осенью ткнут»; «Ты щебечешь, как **птичка** / Как у **засохшего дерева** мой голос – / Пока ветер не подует, не говорит»; «Подобно **форели**, сидящей в воде, твои руки и ноги»; «Когда смотрю в твоё лицо, подобно **молнии** оно» [1]. В данных сравнениях, в частности, сравнении голоса лирического героя и девушки прочитывается констатация поэтом биологического закона природы, когда энергия молодости с течением объективного времени затухает, как маятник на часах, движение которого возможно восстановить лишь при условии воздействия на него извне. Кроме того, объективное настоящее ставит эмоциональное состояние героя в зависимость от образов «зримых», а значит, также имеющих завершенность во времени. Он грустит или восторжен, когда «видит» или «не видит» объект своей рефлексии: «Подобно **форели**, сидящей в воде, твои руки и ноги / Когда **смотришь**, удивляешься, (затягивает) **засматриваешься** / Когда **смотрю** в твоё лицо, подобно **молнии** оно / То, что происходит у меня в сердце (в этот момент), **лишает** меня чувств» [1]. Необратимость объективного времени, его линейная направленность к завершенности как главная его характеристика наиболее ярко выражена в рассуждениях героя о будущем юной девушки: «Вода, которую ты будешь пить, еще не вытекла»; «До (наступления) твоего счастья, которое идет, еще есть время» [1]. Время, даже будущее, «идет», «течет», превращая каждый миг в точку невозвращения.

Итак, объективное время предстает в стихотворении как оппонент лирического героя, оспаривающего свое право любить невзирая на преклонный возраст: «Хоть с моей бороды и не сойдет седина / Я достоин любить» [1]. Данная рефлексия – результат глубинных, латентных психологических процессов, протекающих в сознании героя, спровоцированных объективной реальностью, где властвует время линейное, необратимое, конечное, непрерывное, не приспособленное к духовным потребностям человека.

Модель субъективного времени направляет вектор психологического переживания героя по восходящей: «Железным плугом нетронутая / **Целиною** (как новая земля) ты мне кажешься / Поэтому семена в руке лежат / **Пашия**, о которой мечтаю / Пусть достанется тому, кто свои семена посадит на ней» [1:286]. Это уже медитирующий человек, абстрагированный от законов объективного времени.

Как видим, в проанализированных стихотворениях Кешокова на тему любви образы пространственно-временного континуума взаимообусловлены и соответственно взаимозависимы. Идейно-философская направленность интимной лирики поэта диктует особый мифопоэтический хронотоп, в котором миромоделирующую функцию, как правило, выполняет категория времени. Связанные с пространственными архетипическими образами и представлениями, нравственными императивами смыслы воплощены Кешоковым в контексте дихотомии «верх» – «низ» – «сакральное» – «тленное». Любовь – свящее звено данной онтологической вертикали.

Библиография

1. Кешоков А.П. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 1. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 511 с.
2. Песнь любви: Лирика русских поэтов XIX и XX веков. – М.: Правда, 1988. – 495 с.
3. Соловьев Вл. Общий смысл искусства // Соловьев Вл. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6. – СПб., 1972. – С. 124.

О НАЦИОНАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ПРОЗЫ АЛИМА КЕШОКОВА

Мусукаева А.Х., Толгуров З.Х.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

asya_kushhova@mail.ru

Статья посвящена исследованию национально-эстетических истоков художественного творчества кабардинского писателя второй половины XX века Алима Кешокова. В статье подробно анализируются романы «Вершины не спят», «Сломанная подкова» в аспекте выявления этнофольклорной, мифопоэтической основы прозы. Романы А. Кешокова изучаются в контексте других литератур народов Северного Кавказа: адыгейской, черкесской, карачаевской.

Ключевые слова: роман, характер, жанровая специфика, национальное своеобразие, эстетическая основа.

ETHNIC AND AESTHETIC BASIS OF ALIM KESHOKOV'S PROSE

Musukaeva A.H., Tolgurov Z.H.

Kabardino-Balcarian State University

The paper is devoted to the analysis of the ethnic and aesthetic background of the literary works of a famous Kabardian writer – Alim Keshokov. A detailed interpretation of his novels, named «Mountain peaks do not sleep» and «Broken horseshoe», is given in the article. Special attention is paid to the exposure of the ethnic, folk, mythic and poetic basis of the prose. Keshokov's novels are studied in the context of the other literatures of the North Caucasus: Adyg, Circassian and Karachai.

Key words: novel, character, genre specificity, ethnic peculiarities, aesthetic basis.

Анализ прозаических произведений литератур народов Северного Кавказа дает возможность заключить, что в творчестве каждого писателя в той или иной степени сохраняется национально-эстетическая основа. Рассматривая произведения северокавказской романистики второй половины XX века, следует говорить о широком влиянии фольклора, о типологической для этого региона трансформации его традиций, наконец, о творческом, умелом использовании их в произведениях многих художников слова. Фольклорные традиции и шире – фольклорно-эстетические традиции в литературе – одна из своеобразных граней художественного облика северокавказской романистики, один из способов обогащения ее поэтики. И это, кстати, малоисследованная в современном литературоведении сторона.

Алим Кешоков (1914–2001) вошел в кабардинскую литературу как поэт, но с 1950-х годов он становится ведущим прозаиком, автором известных романов «Вершины не спят» (1965) и «Сломанная подкова» (1976) – шеститомной эпопеи о поворотных этапах истории кабардинского народа на протяжении первой половины XX столетия. Особняком стоит роман А. Кешокова «Восход луны» (1977) о судьбе горских переселенцев в сложных условиях национально-освободительного движения на Ближнем Востоке. Автобиографическое повествование «Вид с Белой горы» (1966), наряду с выразительными картинами борьбы и труда, содержит своего рода реальный «комментарий» ко всему творчеству Кешокова – поэта и прозаика. Роман «Корни» (1991), посвященный сложной проблеме Кавказской войны, дает возможность говорить о новых этапах эволюции повествовательных жанров в кабардинской литературе, о типологическом сходстве адыгских романов как на уровне поэтики, так и на уровне содержания. Особенно если речь идет о художественном решении темы Кавказской войны.

Проза А. Кешокова позволяет говорить о национально-эстетической основе, о фольклоре как об источниках лиризма и романтической настроенности писателя. Исследователи всегда подчеркивали лирическое начало в его прозе [1]. Прежде всего поэтический возвышены положительные герои писателя, но если говорить о лиризме его прозы вообще, то таковой ее делают обилие фольклорных элементов, этнохудожественная основа, которые в целом дают сплав, создающий лирическую атмосферу повествования и характеротворения. Функции фольклорной поэтики в данном случае весьма и весьма художественно конструктивны.

Как правило, в адыгском героическом эпосе «Нарты» главными действующими лицами являются герои-борцы. В них издавна запечатлены жизненные философские концепты народа, отвергающего угнетение в любом его проявлении. Этот поэтический мир, преисполненный пафоса и вдохновения, стал мощным источником романских тенденций при воссоздании прошлого народа. Богатство и многообра-

зие тем, героических ситуаций, колоссальная духовная энергия определили особенности романного диалога с народной культурой. Любовь героя к своей земле, к народу, к родному дому также определяли его место в обществе, среди людей – таков один из принципиальных итогов этого диалога: «Усилившееся в современной прозе внимание к диалектике родового, национального и социального несет в себе новое качество, которое шире и содержательнее популярного в национальной прозе любования стихийно-органической слитности рода, пафоса вневременной и обязательной поэтизации» [2].

К примеру, действие романов, посвященных событиям Великой Отечественной войны, разворачивается как на фронте, так и в тылу. При этом в одних случаях акцент делается на изображении непосредственно боевых действий, в других – на борьбе народа на оккупированной территории или в тылу. Таковы романы и повести карачаевского писателя О. Хубиева «Аманат» (1965); ногойского – С. Капаева «Мост» (1966), «Полноводная Тазасу» (1966); абазинских – К. Джегутанова «Волшебная игла» (1970), З. Хачукова «Сыновья бойцов» (1969); осетинского – Т. Джатиева «Иду в атаку» (1963); адыгейского – И. Машбаша «Оплаканных не ждут» (1966), «Человек дважды не рождается»; кабардинского – А. Кешокова «Сломанная подкова» (1976) и др.

В романе «Сломанная подкова» А. Кешокова уже первая глава, первые страницы задают своеобразный камертон развитию событий и расстановке действующих лиц, проецируют линию дальнейшей жизни главных героев – Хабибы, Апчары, Бекана – с одной стороны, Мисоста, Питу, Централя – с другой. Многогранен и колоритен образ Апчары, на судьбу которой выпадут нелегкие испытания. Хабиба – воплощение лучших черт традиционного национального характера, Бекан – удивительно живой, правдивый образ человека, честно прожившего свою жизнь в труде и в заботе о других.

Своеобразно и по-новому решается тема отрицательного героя. Корыстные цели, честолюбие и стремление к власти сделают предателем «юриста с высшим образованием» Якуба Бештоева, хотя и националистические взгляды его сыграют при этом определенную роль. Такого типа люди представляли собой «благодатный» материал для фашистов; давая им власть, они стремились привлечь на свою сторону малочисленные кавказские народности. В художественном решении образа Бештоева писатель далек от заданности и прямолинейности. Вопрос ведь гораздо сложнее: показать неизбежность духовного краха человека, движимого лишь тщеславием и живущего для себя. Тема нравственной деградации личности, называющей себя «орлом во главе стаи», – драматическая и встречающаяся в современной литературе не столь часто, хотя в создавшихся нынче условиях потенциал ее неизмеримо высок. По словам Л. Гинзбург, «поведение человека литература изображала всегда, следовательно, этика всегда была для нее внутренним началом» [3].

Когда мы говорим об актуальности художественного национального своеобразия того или иного писателя, мы имеем в виду прежде всего целостность взглядов художника слова на макро- и микромир с учетом многомерности контекста и эстетической его мотивированности. Художественный этнографизм при этом, служащий лишь экзотическим орнаментом, еще не есть компонент национального своеобразия. И лишь когда познание национального своеобразия становится сущностной особенностью произведения, можно говорить о национальном художественном своеобразии как о явлении поэтики, как о категории художественного сознания.

Романная проза А. Кешокова строится, как было сказано, на этических коллизиях национального бытия, на драматизме столкновения и борьбы общечеловеческих нравственных норм с отвлекающей человека от насущных жизненных задач «самостью». Еще И. Гердер говорил о «своей особой мере» в культуре «каждой нации». «Своей мерой» вполне обладает в национальной культуре А. Кешоков.

В целом, северокавказская романная проза отличается сложностью решаемых художественных задач, своеобразием сюжетно-композиционного построения, образами живых, противоречивых, чаще всего с большим душевным потенциалом характеров. В творчестве А. Кешокова, И. Машбаша, А. Теппеева, И. Базоркина, Х. Теунова, З. Толгурова и др. обращение к философским, социально-историческим, нравственным и национально-эстетическим проблемам сочетается с изображением изменений в психологии современного человека, его внутреннего, духовного мира.

Библиография

1. Бекизова Л. От богатырского эпоса к роману (1979), Литература в потоке времени (2008); Иванова Л. Современная советская проза о Великой Отечественной войне (1979); Тхагазитов Ю. Духовно-культурные основы кабардинской литературы (1994); Шаззо К. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах (1978) и др.
2. Султанов К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. – М., 2001. – 195 с.
3. Гинзбург Л. О психологической прозе. – М., 1999. – 464 с.

ЭТНОПОЭТИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В БАЛКАРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Тетев Б.И., Бакова З.Х.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

kaf_ruslit@mail.ru

Автор рассматривает художественные парадигмы «камень», «гора», играющие роль основных этнопоэтических символов в системе балкарской поэзии.

Ключевые слова: балкарская поэзия, этнокультурный символ, образ, художественные традиции, вертикальный принцип, камень, терпение, философия.

ETHNOCULTURAL SYMBOLS IN KARACHAY-BALKAR TRADITION

Tetev B.I., Bakova Z.H.

Kabardino-Balkarian State University

The author analyses the art paradigm of «stone» and «rock», which play the role of the basic ethnocultural symbols in the system of Karachay-Balkar poetry.

Key words: Karachay-Balkar poetry, ethnocultural symbol, image, art traditions, vertical principle, mountain, stone, patience, philosophy.

Исследование этнопоэтических символов в любой художественной традиции является ключом к осмыслению культурно-исторических ценностей в структуре создаваемого национального образа мира. В числе наиболее значимых факторов, определяющих суть национального образа мира, Г. Гачев называет природу, «среди которой он вырастает и совершает свою историю» [1]. В системе этнопоэтических констант, используемых в балкарской поэзии для создания облика родного края, безусловно, центральное место занимает образ горы, камня. Это и логично: Балкария расположена в горном краю, поэтому горы воспринимаются автором одновременно и как ландшафтно-географическая примета и как объект самостоятельного эстетического интереса. Отсюда берет начало, как справедливо считает З. Кучукова, «вертикальный принцип, положенный в основу балкарской модели мира» [3].

В культуре балкарцев духовное «наполнение» образа гор имеет давнюю традицию. Они издревле называют себя «таулу» (житель гор, горец). В устном народном творчестве запечатлены необычайно ёмкие свидетельства значимости гор в становлении векового жизненного уклада, в формировании мироощущения. О значимости в мировосприятии народа образа гор говорит тот факт, что в балкарском языке существует более сотни наименований, которыми обозначаются разновидности гор, пород камней.

Истоки культа камня, горы в духовной жизни горцев восходят к карачаево-балкарскому героическому эпосу «Нарты». Неслучайно один из главных героев его Сосрук рожден из камня. Камень выступает как символ земли, порождающего чрева. Образ камня является знаковым символом родной земли, ее первосущностью в поэзии К. Мечиева. Сравнение с образом камня используется поэтом для передачи чувства привязанности к родному краю. Трагедия «серого камня, оторвавшегося от родной горы» [4] и упавшего в глубокое ущелье, лишившегося возможности вернуться назад «к своей горе», становится олицетворением человеческой судьбы, в данном случае самого поэта. Этот образ оказался пророческим и для всего балкарского народа, испытавшего в XX веке трагедию изгнания из родной земли. Одной из самых страшных трагедий, мыслимых для горца, является потеря родины, смерть на чужбине. Только языком камня может поэт передать меру человеческого страдания. Символика параллели: серый камень – осколок горы, осиротевший без своей «родовой» основы, и лирический герой, ощущающий угрозу повторить его участь, постигающий через судьбу камня онтологическую суть своей жизни. Через образ камня, его «родовую» энергетику передается чувство любви человека к отчему краю, к родовым корням.

В поэзии К. Кулиева «космос горы, камня» получает дальнейшее развитие и становится одним из ключевых символов, воплощающих приоритетные нравственные ориентиры лирического героя. У М. Элиаде есть удивительно точная характеристика смысла образа гор в культуре: «...горы фигурируют среди образов, символизирующих связь неба и земли. То есть предполагается, что горы находятся в центре Мира» [5]. Поэзия К. Кулиева является убедительным подтверждением этого тезиса. Горы в представлении поэта – один из самых выразительных символов Родины. В них лирический герой видит знак родной земли, ощущает свои истоки, черпает жизненные силы. Возникающее бытийное равенство между родиной и горами рождает у лирического героя чувство языческого поклонения.

В то же время у Кулиева, горца, возникают и иные, буквально родственные отношения с горами. Горы в стихах поэта живут природно-человеческой жизнью (антропоморфизируются) и несут в себе

этико-философскую нагрузку. Родство человека с горами определяется соответственно нравственным параметрам личности. Оно проявляется в полном соответствии горского духа миру гор, в котором бытуют высокие нравственные критерии чести, правды, поэзии. Ориентация на одобрение или порицание горами определяет внутреннюю систему ценностей человека: «Судимый мыслями повинными // Не поднимая грешных глаз // Я перед горными вершинами // Краснел и каялся не раз» [2]. Подобное взаимопроникновение природно-человеческого плана отражено и в коммуникативной системе балкарцев: «Таулу тауларына ушайды» («Горец похож на свои горы»).

Образ горы в стихах Кулиева создает ощущение единства, братства всего человеческого рода: «Все мы камни одной скалы». Характерное для поэта «чувство мира как единого дома человечества» (Ч. Айтматов) переключается с мыслью об особости и необходимости каждого камня как звена в цепи мироздания. Подобное ощущение родства со всем «единым домом человечества» утверждается поэтом через постижение других эпох, других культур посредством образной стихии гор. Так создается образ Прометея, к которому неоднократно обращается Кулиев. Поэта с детства завораживал образ этого мифологического героя, и первопричина интереса объясняется тем, что титан был прикован к «кавказской скале». Кстати, с языческой верой в одушевленность скал Кулиев защищает их, уверяя, что «ни одна из скал в жестокости богов не виновата».

Создавая своеобразную «каменную эпопею», Кулиев постоянно переосмысливает традиционные в поэзии мотивы, связанные с образом камня. Так, в противовес устоявшейся метафоре «молчанье камня», привычного для слуха читателя, поэт создает образ «говорящего камня». Такой поворот не кажется неожиданным, ибо он обусловлен самой судьбой Балкарии, которая сохранилась не в «письменах», а в «рукотворных храмах». Потому камень – это «летопись» Родины, хранящая историю.

Камень в поэзии Кулиева предстает как образ, способный к трансформации. Не изменяя своей природе, отмеченной выше, «недвижимости, постоянству», камни, ставшие участниками и свидетелями трагических событий войны, изменяются, обретая тот же суровый опыт войны, что и человек. Мотив камня в стихах Кулиева послевоенных лет превращается в символ трагедии апокалипсического масштаба, трагедии, нарушившей «каменное постоянство»: «Война бедой не обошла и камень // Когда в горах пылало все огнем // Он был контужен, обожжен и ранен // Следы от пуль еще видны на нем» [2]. В образе раненого камня, над которым горевал лирический герой, воплощена не только физическая боль живо-го, но и идея сострадания.

Мотив терпения в поэзии Кулиева многозначен, он выражает существенные стороны балкарской ментальности. Применительно к образу камня «терпение» употребляется с семантическим компонентом «выдержать», «выстоять». Именно это свойство камня, являясь нравственным ориентиром для лирического героя, учит его мужеству терпения, жизнестойкости. Лирический дидактизм стихов Кулиева не воспринимается как назидание, потому что имеет своей опорой одухотворенную образной мыслью автора естественно-природную философию. «Пример» природы убедителен в силу своей первозданности, вековечности. В этом уникальность урока камня, несущего в себе опыт былого времени, способного стать опорой человеку в период испытаний: «Будь стоек, как камни эти молчаши // И в бурю, и в снегопад» [2].

Вселенская отзывчивость, сочувствие всему существу, характерные для поэзии Кулиева, проявляются и в восприятии образа камня. Поэт переосмысливает традиционное представление человека о камне как символу черствости, бессердечья. В карачаево-балкарском языке бытует выражение «таш жүрек» (каменное сердце), используемое для характеристики бездушности человека. Кулиев разрушает устойчивый стереотип восприятия, он находит в камне умение делать добро. И оказывается, что человеку следует у камня брать уроки добра: «У равнодушных, говорят // Из камня выгесаны души // Неправда! Я кремень беру // На свет родиться искра рада // О вы, не склонные к добру // Вам у камней учиться надо!» [2].

Таким образом, исследование формирования и развития ключевых этнопоэтических символов в творчестве балкарских поэтов показывает, что этические нормы горского кодекса с его культом сдержанности, терпения, преодоления, стойкости, способности выдержать максимум испытаний, выпадающих на человеческую долю, выражаются через образ камня, обретающего в балкарской культурной традиции статус этнопоэтического символа. Посредством поэтического мира горы, камня, созданного К. Кулиевым, изображаются существенные черты эстетического и нравственного сознания балкарского народа, его философии жизни.

Библиография

1. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М., 2003. – 475 с.
2. Кулиев К.Ш. Собр. соч. в 3 т. – Т. 1. – М., 1987. – 538 с.
3. Кучукова З.А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. – Нальчик, 2005. – 310 с.
4. Мечиланы К.Б. Чыгъармаларыны экитомлугъу. – Т. 2. – Нальчик, 1989. – 258 с.
5. Элиаде М. Избранные произведения: миф о вечном возвращении. Образы и символы; священные и мирские. – М., 2000. – 396 с.

**ТРАДИЦИИ КАБАРДИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА
И РОМАН А. ШОГЕНЦУКОВА «КАМБОТ И ЛЯЦА»**

Хакушев А.Х., Хакушева М.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

aliya1995@list.ru

Связь устного народного и литературного индивидуального творчества давно является одной из актуальных проблем кабардинского литературоведения. Влияние мифологических и фольклорных образцов на формирование и становление художественного творчества Али Асхадовича Шогенцукова, классика кабардинской поэзии, во многом определило направление художественного развития последующего литературного процесса.

Ключевые слова: устное народное творчество, фольклор, песня-плач, здравица, герой мифа и фольклора, литературный герой, женский образ.

**KABARDIAN FOLKLORE TRADITIONS AND NOVEL
«KAMBOT AND LYATSA» BY A. SHOGENTSUKOV**

Hakushev A.H., Hakuasheva M.A.

Kabardino-Balcarian State University

Relationship of oral folk literature and individual creativity has long been one of the most pressing problems Kabardian literary criticism. The influence of mythological and folkloric patterns on the formation of creativity Ali Askhodovicha Shogentsukova, classic Kabardian poetry, largely determined the direction of the artistic development of the subsequent literature.

Keywords: folklore, song of mourning, toast, a hero of myth and folklore, literary hero, the female image.

Творческое использование богатейшего адыгского народного творчества связано с именем основоположника кабардинской литературы Али Шогенцукова. С первых же шагов своего поэтического творчества поэт понял важнейшее значение устной поэзии, сумел сохранить тесную, глубокую связь с предшествующим художественным развитием своего народа и, опираясь на него и традиции русской литературы, сумел поднять национальную литературу на новую ступень.

Ярким свидетельством того, что Али Шогенцуков всегда бережно относился к памятникам устной кабардинской поэзии, является его роман «Камбот и Ляца». Это не строго исторический роман, – в его основу легло народное предание о восстании крепостных крестьян одного кабардинского князя.

Прежде всего поэт попытался осмыслить кабардинское предание исторически, т.е. приурочить его к определённому периоду в жизни народа. Как свидетельствует автор, действие поэмы разворачивается в тот период, когда на адыгов, угрожая, ополчались ханы Крыма, т.е. когда крымские ханы и турецкие султаны начали вести беспощадную войну с народами Северного Кавказа. В отличие от преданий, в романе Шогенцукова на первом плане социальная борьба трудового народа, и она рассматривается как проявление социально-исторических противоречий данного общества. Поэт слепо не следует за преданием, а дополняет, объединяет его с другими, подчиняет все это общему замыслу и создает целостное высокохудожественное произведение, реалистически воссоздающее конкретно-историческую эпоху жизни кабардинского народа.

Освоение и творческое использование фольклорных материалов Шогенцуковым шло и другими путями. В этом смысле, на наш взгляд, интересно сопоставить некоторые образы из романа «Камбот и Ляца» с отдельными народными героями устной кабардинской поэзии. В кабардинском фольклоре существует особый цикл песни, посвященный борцам-одиночкам. В период феодализма социальный и революционный протест народа против существующего порядка, князей и уорков чаще всего выражался в индивидуальной борьбе крестьян. Эта форма протеста и борьбы получила широкое распространение в Кабарде. Такие произведения кабардинского фольклора, как героический эпос об Андемиркане, исторические песни о Дамалее, Хаткове, Кушхове и многие другие, правдиво показывают положительные и отрицательные стороны индивидуальной борьбы. Кабардинский народ всегда с благоговением и почтением относился к борцам-одиночкам, в них он справедливо видел своих защитников и борцов, в них он отмечает их свободолюбие, мужество, их ненависть к деспотическому феодальному строю. Но в неравной борьбе с деспотией все они погибают, так и не добившись ни личной, ни народной свободы, ни счастья. Главная причина их трагической гибели – оторванность от народа.

Чертами народных борцов-одиночек наделены образы старика Тембота и Хасанша в романе «Камбот и Ляца» Али Шогенцукова [1]. Пока они оторваны от народа и действуют на свой страх и риск, им не удается осуществить свою месть (Тембот), удовлетвориться своей борьбой, своей личной свободой (Хасанш). С упрощением связи с народом их сила удваивается, в общей борьбе народа они уже находят свое счастье. Если в произведениях устной поэзии героини-одиночки, не связав свою судьбу и борьбу с судьбой народа, погибают, то в поэме Али Шогенцукова в процессе борьбы они осознают свою ошибку, свое бессилие и устанавливают прочную связь с народом. В творчестве Шогенцукова важнейшее место занимает образ горянки-кабардинки. Большой гуманист, кабардинский поэт с проникновенным лиризмом и душевной болью воспроизвел тяжелую долю кабардинской женщины. В правдивом отображении ее тяжелого пути, в правильном изображении ее образа исключительно большую роль сыграли произведения устной кабардинской поэзии. В кабардинском фольклоре богато представлены женские образы. Легенда о Кызбуруне, песни о Гошагаг, Хацаце, Адиюх, Химсад глубоко и правдиво отражают положения женщины-кабардинки при патриархальном укладе жизни кабардинцев. Устное народное творчество показывает, что причиной безвременной гибели горянок являются социальные противоречия феодального общества, бесчеловечные и реакционные адаты. Все эти произведения о женской неволе влияли на творчество Шогенцукова, под их впечатлением созданы такие превосходные женские образы, как Ляца и Мадина. В изображении рабского положения кабардинки Али Шогенцуков следует традициям устной народной песни. Но поэт всегда конкретизирует эпоху, более реально и всесторонне показывает окружающую героя среду, т.е. создает для типических образов соответствующие им типические обстоятельства, заостряет свое внимание на изображении социальных причин гибели героя. Характерно, что сами героини кабардинского устного творчества не выражают сознательного протеста против деспотизма и угнетающей их среды. Однако же каждое произведение в устах сказителя становится гневным протестом против общественного строя, всех несправедливостей по отношению к горянке. Это достигается тем, что сказитель в той или иной песне дает только самое характерное, типическое, в песне он собирает и обобщает такие факты, которые сами обличают, отрицают всякое насилие и деспотизм. Али Шогенцуков делает шаг вперед. Он правильно считает, что горские женщины, хотя и всецело зависимые, никогда не могли согласиться с бесчеловечными действиями князей, не могли безропотно вести такое жалкое и бесправное существование. Ляца и Мадина тем и значительны в кабардинской литературе, что они не только понимают лживость законов существующего строя и патриархальных адатов, но и протестуют против них. Если Мадина только презирает, ненавидит данное общество, отвергает все его моральные устои, обычаи и, будучи не в силах идти дальше, останавливается на полпути, то Ляца, отвергнув и насилие, и законы общества с оружием в руках выступает в защиту нового, светлого. Заслуживают особого внимания методы и цели использования Шогенцуковым фольклорных элементов.

Мастерского введения похоронных фольклорных песен в художественную ткань произведения и их целенаправленного использования поэт добился в поэме «Камбот и Ляца». В поэме княгиня Жан оплакивает смерть своего мужа Асланоко, горе и гнев против старика Тембота – убийцы князя – она изливает в гыбзе. Особенностью кабардинских похоронных песен является то, что они строятся всегда по какой-то традиционной схеме, в определенной последовательности. Эта последовательность такова: сперва воспеваются мужество и доблесть погибшего, затем указываются особенности его смерти, упоминается о будущих лишениях и нуждах оставшихся, заканчивается пожеланием хорошей загробной жизни умершему. В зависимости от места, условий жизни человека бывают и некоторые отклонения от этой традиционной формы. И поэт не соблюдает эту последовательность, но он намеренно допускает эти отклонения. Бесперывные набеги, грабеж безоружного народа, разрушение любви и насильственный увод, пленение простых людей труда княгине кажутся «подвигом» мужа. Из предыдущих глав романа читатель хорошо знает, что Асланоко не обладал ни мужеством, ни воинским мастерством, и восхваления княгини Жан он воспринимает с усмешкой, зная, что это пустые слова хвастливой жены феодала.

Дальше в своей гыбзе Жан говорит о гибели мужа: «Но сегодня я вдовица / Скорбь моя не мягкосердна / Как мне с мыслью примириться / Что ты пал от пули смерда? / Был ты наземь, как собака / Выстрелом холопа брошен...» [1].

Для княгини наиболее горестным является то, что муж ее, «человек белой крови», погиб от пули крепостного крестьянина. Она не так переживала бы смерть Асланоко, если бы ее муж был убит человеком княжеской фамилии. Слова княгини со всей очевидностью подчеркивают всю ненависть господствующего класса к простому народу. Традиционную схему построения похоронной песни поэт не доводит до конца. Фальшиво звучали бы в устах княгини слова о нуждах и лишениях, которые предстоят семье погибшего, ибо после смерти мужа в ее распоряжении оставались крепостные крестьяне, все богатство князя. Гыбза, введенная в роман «Камбот и Ляца», подчинена основным замыслам поэта, она способствует разоблачению праздного образа жизни князей, показу их пренебрежения к людям труда. Точно такую же функцию выполняет в поэме и другой жанр кабардинского фольклора – хох (здравица – А.Х.) Особенности кабардинского хоха в переводе С. Липкина не сохранены, но Шогенцуков, пользуясь средствами фольклора, воссоздает образцовый литературный аналог.

Библиография

Шогенцуков А. Камбот и Ляца. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 157 с.

ЦЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Богданова Э.Н., Крайнюченко И.В., Лолаев Т.П., Унежев К.Х., Эфендиев Ф.С.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Kiv52@list.ru

В статье доказываемся, что права человека в целом соответствуют законам развития, законам естественного права, однако не во всём, что имеет негативные последствия.

Ключевые слова: инварианты и цели развития, соответствие правам человека.

THE PURPOSES OF MANKIND AND HUMAN RIGHTS

Bogdanova E.N., Krajnyuchenko I.V., Lolaev T.P., Unezhev K.H., Efendiev F.S.

Kabardino-Balcarian State University

It is stated in the paper that the human rights full enough reflect laws of development, laws of the natural right. Deviations from invariants of nature and their negative consequences are marked.

Keywords: invariants and the purposes of development, conformity to human rights.

В основе почти всех концепций социального устройства общества лежит доктрина естественного права. Поведение человека, как и его животных предков, детерминируется врождёнными программами поведения (генетический детерминизм) [1]. Однако «естественное» поведение в условиях техносциальной цивилизации может привести к катастрофическим последствиям. Кроме того, наличие прав подразумевает и **обязанности человека**, которые законодательно не сформулированы. Покажем очевидные противоречия.

Формально право на жилище удовлетворено и для миллиардера, живущего во дворце, и для нищего в шалаше. В капиталистическом обществе абсолютно не выполняется право «на равную оплату за равный труд» [2]. Права провозглашаются только в интересах человека. Общество забывает о **правах биосферы**, тем самым отрицает биоэтику.

Не все «права» можно отнести к естественным. Многие права родились из опыта цивилизаций («право на восьмичасовой рабочий день, на справедливые условия труда, равную оплату за труд равной ценности и пр.) [2]. Ниже приводятся некоторые «Права человека», следующие природным инвариантам [3]. Жирным шрифтом приводятся некоторые примеры из «Прав человека» [2].

1. Стремление удовлетворять свои потребности в веществе, энергии (**право на труд, свобода предпринимательства, право на социальное обеспечение**). 2. Стремление к самосохранению (**право на жизнь, право на самозащиту**). 3. Воспроизводство генетической и социальной информации (**право вступать в брак и основывать семью**). 4. Необходимое разнообразие, иерархическая структуризация сообществ (**свобода совести и свобода мысли, вероисповедания, творчества**). 5. Внутривидовая конкуренция за ресурсы (**право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность**). 6. Наличие личной собственности. Преобладание коллективной (биосферной) собственности (**право на частную собственность**). 7. Безотходные трофические цепи (**не предусмотрены правами человека**). 8. Использование и наращивание ресурсов биосферы (**право на благоприятную окружающую среду**). 9. Накопление и эксплуатация информации (**право на образование, свобода творчества**).

Как видим, инварианты поведения животных и права человека почти во всех пунктах совпадают, что ещё раз доказывает существование шаблонов эволюции и исторических закономерностей. Однако отсутствие ограничений в некоторых правах приводит к нарушению природной гармонии, что проявляется в истощении биосферы, разрушительных функциях техносферы. Функции самосохранения ограничиваются примитивной борьбой за ресурс и не предусматривают космических, экологических угроз.

Таким образом, в «Правах» нет стратегической компоненты, необходимой для выживания в условиях сосуществования с биосферой и враждебным космосом. «Права» продолжают вести общество к «свету в конце туннеля». Но стратегическое, научное мышление видит, что «свет в конце туннеля оказывается прожектором встречного поезда». По нашему убеждению, стратегической целью политики

должно стать создание сверхразума, способного выживать в условиях космических и планетарных катастроф [4]. Поэтому, наращивание гедонизма является тупиковой линией развития.

Любые поступки и права человека должны быть нормированными. Известно, что лекарство становится ядом в зависимости от дозы. Отсутствие ограничений в стремлении к благополучию приводит к катастрофическим последствиям в результате нарушения гармонии.

Для обуздания животных программ поведения нужны усилия разума, сизифов труд политиков, идеологов. **Чтобы сохранять социальную справедливость, нужно постоянно применять разумное насилие над инстинктами.**

Инстинкт отменить нельзя, его можно компенсировать другим инстинктом. Следует переориентировать внимание общества на другие, не менее важные цели (блага). Концентрация внимания общества на общих задачах может разрешить проблему несправедливости. Для этого общество должно обеспечить каждому его члену эквивалентную долю основного блага, которое для всех является приоритетным. Общим интересом может стать выживание на фоне космических угроз.

Если вместо гедонизма **главной целью провозгласить самосохранение людей в составе биосферы**, то независимо от материального благополучия гарантия безопасности для всех создаст ощущение справедливости. Пока же политические системы продолжают ставить частные цели, комплиментарные животной природе человечества «права человека» не являются исключением.

Библиография

1. Попов В.П., Крайнюченко И.В. Психосфера. – Пятигорск: РИА – КМВ, 2008. 188 с.
2. Всеобщая декларация прав человека. Организация Объединенных Наций. 10 декабря 1948 г.
3. Попов В.П. Инварианты нелинейного мира. – Пятигорск: Издательство технологического университета, 2005. – 355 с.
4. Попов В.П., Крайнюченко И.В. Политическая системология. – Пятигорск: ПГГТУ, 2011. – 136 с.

ФАНТОМ СВОБОДЫ

Крайнюченко И.В., Богданова Э.Н., Ашнокова Л.М., Унежев К.Х., Эфендиев Ф.С.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Kiv52@list.ru

Желание реализовать многофункциональные генетические программы поведения человека принято называть стремлением к свободе. Избыток функций не нужен социальной системе (специализация), и это создаёт дискомфорт у индивида и стремление бороться «за свободу». Приобретение свободы в одном, ограничивает свободу в другом.

Ключевые слова: свобода, многофункциональность, системные ограничения.

THE PHANTOM OF FREEDOM

Krajnyuchenko I.V., Bogdanova E.N., Ashnokova L.M., Unezhev K.H., Efendiev F.S.

Kabardino-Balcarian State University

The desire to realize can be named multipurpose genetic programs of behaviour of the person aspiration to freedom. Surplus of functions is not necessary to social system (specialization) and it creates discomfort at the individual and aspiration to struggle «for freedom». As purchase of freedom in one, limits freedom in other.

Keywords: freedom, multifunctionality, system restrictions.

Власть всегда добивается ограничения свобод человека, ибо в этом случае управлять обществом легче. Государство регламентирует возможности политических конкурентов, избирательные права и пр. Часто люди именуют свободой то правление, которое наиболее отвечает их склонностям [1]. **Левые политики** провозглашают свободу от нищеты, голода, неизлечимых болезней. **Право-либеральные политики**, в частности фон Хайек и М. Фридман возражают против такого подхода к свободе [2]. У Фромма Э. свобода выступает как действие, вытекающее из осознания альтернатив и их последствий, различения реальных и иллюзорных альтернатив [3]. Большинство политиков считают, что безграничная свобода (крайний либерализм, анархизм) есть вреднейший феномен. Трудность состоит в том, чтобы **обеспечить свободу, не вырождающуюся во вседозволенность.**

Политическая и экономическая свободы тесно зависимы. Какая польза от политических и гражданских свобод, если большая часть населения лишена экономических средств их реализации? Взаимоотношения лиц, облеченных властью, с подчиненными им людьми напоминают отношения властителя и подвластного. Рассмотрим свободу с точки зрения теории систем.

Известно, что любое вмешательство в систему сопровождается изменением всего спектра параметров. В теории систем есть правило: находясь в системе, нельзя быть свободным от неё и делать что угодно. У социальных насекомых свобода сужена до предела, т.к. они неспособны выйти за пределы своей физиологии. Поэтому они не борются за свободу, они просто свободны в границах своих возможностей. Поэтому в муравейнике нет борьбы за социальное положение. А реформация СССР под лозунгами борьбы за свободу, за демократию породила коррупцию.

Человек аккумулировал в своей психике практически все функции живого вещества вместе с мотивами их максимальной реализации. Человек существо многофункциональное, овладевая множеством профессий, может менять род деятельности. Но генетический избыток функций становится бременем для современного общества, которое вынуждено сокращать «лишние» свободы. На производстве вменяются чёткие обязанности. В любой крупной фирме решения принимают менеджеры высшего звена. Чем ниже уровень иерархии, тем уже коридор свободы. Ограничение свободы действий вызывает психологический дискомфорт (я могу и хочу, а мне не позволено) и желание бороться за свободу.

Свобода действий ограничивается административными, силовыми, юридическими, нравственными, этическими, экономическими и другими способами. Узко специализированное образование также ограничивает свободу человека. **Если общество постоянно ограничивает свободу поведения, то это ставит под сомнение ценность избыточной свободы для общества.**

Власть и высокое положение в административной иерархии расширяет спектр возможного поведения. Этот факт порождает стремление подняться вверх по властной вертикали. В большинстве случаев

привлекательность материальной (потребительской) свободы выше, чем духовной свободы, и это канализирует деятельность людей.

Итак, политика – это процесс ограничения свободы поступков людей, не совпадающих с целями государства. Если целью общества является построение сферы разума, то для этого нужно отсеять все животные рудименты и открывать возможности для духовного творчества. Однако проблема в том, как определить лишнее и не отсечь нужное. Иногда вместе с функциями отрубают головы. Для целесообразного «урезания» свобод надо уяснить смысл существования людей. Несомненной целью является выживание в условиях враждебного космоса [4].

Инвариантный механизм развития, заключающийся в расширении функций с последующим отсекаем лишний можно увидеть и в техносфере, и в неживой природе. Эволюция сопровождается ростом количества функций у индивида и социума. Например, количество возможных состояний у молекулы существенно выше, чем у атома. У клетки функций больше, чем у молекулы. У организма – больше, чем у клетки. Управление персоналом также заключается в ограничении избыточных функций человека. **Итак, стремление к избыточности функций с необходимым, последующим урезанием лишнего является инвариантом развития.**

Каждый человек выбирает в социальном окружении роль, которую он будет играть в системе. Но, заняв «должность», он обязан следовать правилам игры. В менеджменте к концу XX века проявилась тенденция расширения коридора свободы для подчинённых. Однако этот процесс вызван не альтруистическими соображениями, а перегрузкой шефа, который не успевает самостоятельно решать лавину проблем, и вынужден привлекать для этого подчинённых.

В обществе сложился миф, что **индивид-собственник становится более свободным.** Хотя наличие собственности в некоторой степени снижает экономическую несвободу, расширяет выбор экономического и политического поведения индивида, демократия не исключает властной государственной пирамиды, налоговой системы. Богатый может стать жертвой завистников и **становиться несвободным от желания «иметь».** Люди попадают в золотую клетку, без охраны не перемещаются, общение ограничивается клубом, элитарной группой, дорогими курортами.

Свобода собственника ограничена не только ресурсами, но также законами природы и общества, законами морали, религии, обычаями, традициями, менталитетом и пр. **Неравенство в потреблении проецируется на неравенство в свободе.** Итак, стремление реализовать свои многофункциональные возможности является генетическим наследством человека, поэтому относится к естественному праву. Социальная система ограничивает многофункциональность человека, вызывая чувство несправедливости, утрату свободы. Приобретение одних свобод сопровождается утратой других.

Библиография

1. Монтескье Шарль. О духе законов. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 194 с.
2. Hayek F. The Constitution of Liberty. – Chicago: University of Chicago Press, 1960. –183 p.
3. Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – 345 с.
4. Попов В. П. Инварианты нелинейного Мира. – Пятигорск: ПГТУ, 2005.

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ ФЕОДАЛЬНОЙ КАБАРДЫ

Дзамихов К.Ф., Мальбахов Б.К.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

dsgi@mail.ru

Статья посвящена особенностям социально-политического устройства традиционного феодального кабардинского общества.

Ключевые слова: феодальная Кабарда, социально-политический строй в XVI–начале XIX в.

ON THE TRADITIONAL SOCIO-POLITICAL ORDER OF FEUDAL KABARDA

Dzamihov K.F., Mallbahov B.K.

Kabardino-Balcarian State University

The paper deals with the traditional socio-political order of feudal Kabarda.

Key words: feudal Kabarda, socio-political order XVI–XIX c.

На протяжении XVI–XVII вв. русские и зарубежные источники используют понятия, рисующие для окружающего мира образ особого социально-политического образования, распространившего свое влияние во всем регионе: «Кабардинская земля», «Кабардинская Черкесская земля», «Кабардинское княжество», «Пятигорское государство», «Пятигорские черкесы» и т.д. [1].

Территория феодальной Кабарды являлась восточной частью Черкесии и включала предгорье и равнину от Кумы до ее впадения в Соляные озера, простиравшуюся до устья Терека на востоке. На юге кабардинские земли вплотную примыкали к Большому Кавказскому хребту [2].

Как специфическую особенность территориальной и политической организации исторической феодальной Кабарды XV–XVIII вв. необходимо отметить ее полиэтничный характер. В различные времена под влиянием внешних факторов (чаще крымских, ногайских и калмыцких нападений) и феодальных междоусобиц исторические документы фиксируют подвижность кабардинских населенных пунктов. Например, временные уходы с Кумы и Пятигорья или перемещения между Терекком и Сунжей не означали, что эти районы переставали быть кабардинскими. Здесь же надо отметить, что на протяжении XVI–70-х гг. XVIII в. в ходе распространения русского влияния в бассейне р. Терек восточная граница Кабарды смещается с устья р. Терек до впадения последней в р. Сунжа [3].

Специфика традиционной патриархальной кабардинской нуклеарной семьи, количество выставляемого кабардинцами конного дворянского войска, численность крымских войск, участвовавших в походах на кабардинские земли, объем и особенности жилищно-поселенческого пространства Кабарды к середине XVIII в. позволяют оценить ее население в 350 тыс. человек. Отмечается устойчивость демографического состояния кабардинской общности в XVI–XVIII вв.

Изменение этой тенденции в сторону невосполнения населения произошло с конца XVIII века, когда адыгская общность подверглась колониальной экспансии самодержавия и пережила в Кабарде невиданную до этого по своим масштабам эпидемию чумы.

На протяжении XV–XVII вв. общественная эволюция не привнесла существенных изменений в общественный строй кабардинцев.

Население Кабарды, как и других многочисленных адыгских княжений, делилось на сословия, связанные жесткими иерархическими отношениями. На вершине феодальной лестницы стояли князья (пши), которые считались «естественными и прямыми покровителями народа». Многочисленные княжеские династии вели свое происхождение от единого родоначальника – легендарного Инала, объединившего всю Черкессию [4].

После смерти Инала его сыновья Жанхот, Минболат, Беслан, Унармес и Кирмиш разделили Черкессию на уделы: один из них остался в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду.

Многочисленное кабардинское дворянство (уорк) делилось на потомственное (*тлекотлеши* и *джижинуго*) – «великих» княжеских вассалов и служилое (*беслан-уорки*, *уорк-шаотлугусы* и *пшикеу*). Первая группа дворян в европейских документах часто обозначается как «благородные», в русских – как «именитые». Они, как и князья, могли поступать на службу к «оттоманскому падишаху, крымскому хану или московскому ца-

рю». Беслан-уорки и пшикеу были обязаны непосредственной вассальной службой своим князьям, за что получали «дворянский подарок» (уорктын), состоявший из крепостных крестьян, скота, ценного оружия и пр. На таких же основах строились отношения между уоркшаотлугусами и их сеньорами – тлекотлешами и дижинуго. Традиционное обычное право адыгов гарантировало любому уорку возможность разрыва вассальных отношений со своим сюзереном, что, однако, редко случалось. Выработанный веками рыцарский моральный кодекс «уэркъ хабзэ» осуждал такой разрыв. Кабардинское дворянство являлось той силой и опорой, на которой держалась политическая власть и авторитет князей.

В этом плане Кабарда не претерпела каких-либо кардинальных изменений в течение трех последующих столетий. По-прежнему, военно-политическая деятельность составляет все содержание жизни князей и дворян [5].

Основное производительное население Кабарды – крестьяне (мэкъумэшыщІэ – букв. «возделыватель сена и проса») по мере их закрепощения превратились в пщитл (пщылІ – «княжеский мужчина»), которые по правовому статусу разделялись на категории: огов (Іуэгу-оброчные), лагуноутов (лэгъунэІут – «дворовые»), унаутов (унэІут – домашние рабы или «безобрядные» холопы) и позднее – азатов (вольнотпущенники).

Социально-политический строй кабардинского княжества характеризуется сложившимися структурами феодального типа. Здесь существовала развитая социальная иерархия, но отсутствовала политическая централизация. Вместе с тем феодальная раздробленность сочеталась с наличием институтов, осуществлявших функции политического регулирования общественных дел: верховный князь («пщышхуэ», «пщыуа-лий»), сословно-представительное собрание («хасэ») и высшая судебная инстанция («хей»).

Историческая традиция неизменно говорит о том, что Кабарда первоначально находилась под властью одного князя. Единоначалие сохранялось приблизительно до начала XVI в., когда произошло разделение страны между потомками князя Инала. Под номинальной властью «пщышхуэ» – «верховного князя» к XVI в. оформились четыре княжеских удела: собственно «Къэбардей» во главе с князем Бесланом Джанхотовым, «Идарей», «Талостаней» и «Джылахстаней», возглавляемые соответственно князьями Идаром, Талостаном и Джылахстаном. На рубеже XVII в. произошло размежевание Большой и Малой Кабарды. В дальнейшем Малая Кабарда функционировала как самостоятельное политическое образование, состоявшее из княжеских уделов двух ветвей рода Клехстана – Мударовых и Ахловых и удела рода Талостана [6].

Верховного кабардинского князя избирали на «совете всей кабардинской земли с соблюдением «ряды», т.е. очередности между отдельными княжескими линиями, возводившими свой род к легендарному Иналу. Пщышхуэ возглавлял исполнительную власть, председательствовал на хасе и в верховном суде, осуществлял надзор за выполнением их решений, пресекал нарушения, организовывал взимание пошлины и налогов. Одновременно верховный князь выступал в роли главнокомандующего объединенными вооруженными силами. Верховный князь избирался пожизненно. После его смерти политическая власть наследовалась по боковой линии – братьями. Если в рамках данного княжеского рода не оказывалось претендентов на великокняжескую власть, то Большая хасэ проводила выборы пщышхуэ, избирая кандидата из другого княжеского дома Иналовичей [7].

Документы рисуют картину ожесточенной и кровопролитной борьбы между претендентами на великое княжение, которые часто за поддержкой обращались к другим государствам. В XVI–первой половине XVIII века. Особую роль в этих процессах играли Русское государство и Крымское ханство. Политическая раздробленность, сопровождавшаяся постоянными княжескими междоусобицами, вела к перманентной дезинтеграции политической системы и оставалась сущностным признаком адыгского феодализма, начиная с XV в. [8]

Особенностью государственно-политического устройства этого периода являлось также совмещенность военной организации и социальной структуры традиционного кабардинского общества. Эта особенность обуславливалась активной геополитической зоной, в которой проживали адыги. Исторически нестабильность региона, постоянные «внешние» вызовы привели к высокой степени развития военной организации с чрезвычайно развитыми формами тактических способов ведения военных действий, когда практически все части совокупной культуры общества военизируются. Такая высокая степень развития военной организации определяла в данных условиях способность этноса к биоэтническому выживанию. В этом процессе участвовала вся система общественных связей, и все социальные ниши в той или иной степени были заполнены элементами военной организации. Считается, что на Северном Кавказе наиболее развитые феодальные структуры и соответствующая им политическая организация существовали в Кабарде. В кабардинском княжестве господствующий класс организуется политически в основанную на договорно-служебных отношениях феодальную иерархию. Расчлененной форме земель-

ной собственности соответствует раздробленная структура власти. Здесь закрепляется так называемая ацентрическая система, которой присуща «консервативная» и «дезинтегрированная» структура, не имеющая сколько-нибудь развитого центрального комплекса и аппарата государственной регуляции автономных социальных организмов. Тенденции государственной централизации в Кабарде и других адыгских княжествах XV–XVIII вв. не просматриваются. Развитие кабардинского феодального общества сводилось к бесконечному воспроизводству одних и тех же социальных образцов, исключаящих самообновление и движение к прогрессу.

Библиография

1. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе. – С. 344.
2. Кажаров В.Х. К вопросу о территории феодальной Кабарды // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ. РАН. в. 11. – Нальчик, 2004. – С. 4–21.
3. Там же.
4. Там же.
5. Бгажноков Б.Х. Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1980. – С. 78–104.
6. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI–30-е гг. XVII в.). – М., 1963. – С. 88–133.
7. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII–первой половине XIX в. – Нальчик, 1994. – С. 250–251.
8. Моков Б.М. Феодальные группировки, междоусобная борьба в Кабарде в XVII в. и отношение к ней русского правительства // Сборник научных работ аспирантов. – Нальчик, 1965. – С. 63–86; Кушева Е.Н. Указ. соч. – С. 303.

СИНТЕЗ И СВОЙСТВА НОВЫХ ПОЛИФОРМАЛЬОКСИМАТОВ

Квашин В.А., Кожемова К.Р., Гашаева Ф.А.,
Балаева М.О., Миляева З.Р., Мусаев Ю.И., Мусаева Э.Б.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

kva78@mail.ru

Разработан новый способ получения ароматических полимеров – полиформальоксиматов; получены и изучены свойства их композитов с промышленным полимером полибутилентерефталатом. Методами элементного анализа, ИК- и ЯМР¹H-, ЯМР¹³C-спектроскопией подтверждено их строение.

Ключевые слова: диметилсульфоксид, поликонденсация, полиформальоксиматы, композиты с полибутилентерефталатом.

SYNTHESIS AND PROPERTIES OF NEW POLYFORMALOXIMATES

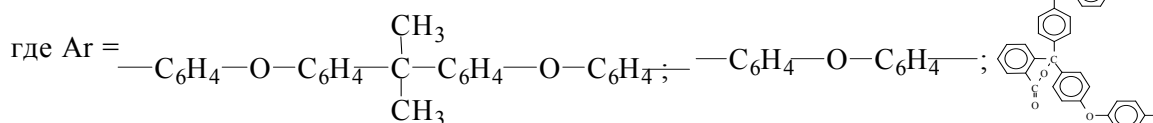
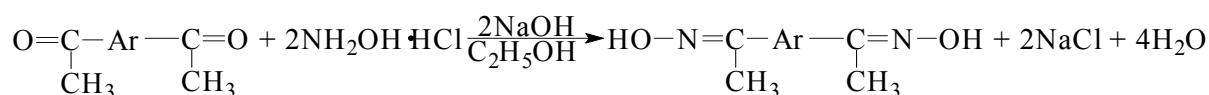
Kvashin V.A., Kozhemova K.R., Gashaeva F.A., Balaeva M.O.,
Milyaeva Z.R., Musaev Y.I., Musaeva E.B.

Kabardino-Balcarian State University

Developed a new method of obtaining aromatic polymers – polyformaloximates. Received and studied the properties of composites with the industrial polymer polybutyleneterephthalate. Methods elemental analysis, IR and NMR¹H-, NMR¹³C-spectroscopy confirmed by their structure.

Keywords: dimethylsulfoxide, polycondensation, polyphenylenformaloximates.

Дикетоксимы – производные дикетонов и гидроксилamina. Они содержат подвижный атом водорода в –ОН группе и во многом напоминают спирты, а по кислотности – дифенолы, т.к. взаимодействуют с основаниями, образуя соответствующие оксиматы, которые могут быть использованы в реакциях нуклеофильного замещения SN₂ при синтезе полиформальоксиматов в апротонных диполярных растворителях [1]. Дикетоксимы были получены по разработанной нами методике взаимодействием дикетонов с солянокислым гидроксилaminом:

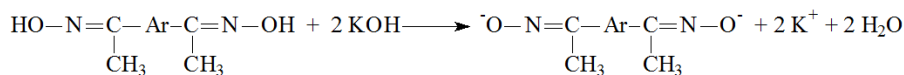


При переводе синтезированных дикетоксимов в диоксиматы калия нами были получены новые мономеры для синтеза полиформальоксиматов.

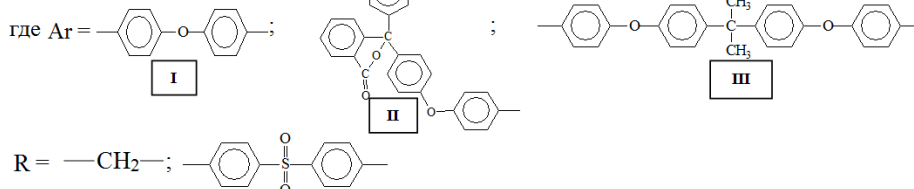
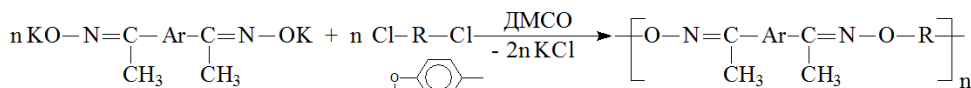
Полиформальоксиматы были синтезированы по разработанным нами методикам с учетом особенностей и закономерностей реакций нуклеофильного замещения

Синтез полимеров осуществлялся в ДМСО, способствующем формированию высокоактивных супернуклеофильных реагентов (оксимат-анионов), легко образующих простые эфирные связи при взаимодействии с хлористым метиленом [2]. Кроме того, вследствие хорошей растворимости ДМСО в воде достаточно просто выделить и очистить полимер. Относительная безвредность ДМСО по сравнению с большинством апротонных диполярных растворителей также явилась причиной его выбора.

I СТАДИЯ - ХИМИЧЕСКОЕ ИНИЦИИРОВАНИЕ



II СТАДИЯ - ОСНОВНАЯ РЕАКЦИЯ



При изучении оптимальных условий проведения реакции было установлено, что наилучшие результаты синтеза полиформальоксиматов по таким параметрам, как молекулярная масса и приведенная вязкость ($\eta_{\text{прив}}$) были достигнуты при концентрации реакционной среды по калиевому диоксимату 0,5 моль/л, времени синтеза 10–12 часов, $T = 348 - 353 \text{ K}$. Реакция проводилась в атмосфере аргона при избытке метиленхлорида. В качестве катализатора переносчика фаз использовался тетрабутиламмонийбромид, который способствовал оптимальному ходу реакции, протекающей в гетерогенной среде. Методом полива из раствора на целлофановой подложке были получены прозрачные пленки полиформальоксиматов.

Строение синтезированных полимеров было подтверждено данными элементного анализа и ИК-спектроскопии (табл. 1). Полиформальоксиматы проявили хорошую химическую стойкость к воздействию агрессивных сред – H_2SO_4 (10 %, 30 %), $\text{HCl}_{\text{конц}}$, а также NaOH (10 %, 50 %) при $T=296\pm 2 \text{ K}$, которая оценивалась в соответствии с ГОСТ 12020-72 по изменению массы образцов (количество экстрагируемых веществ). Через сутки потери массы образцов полиформальоксиматов практически не наблюдалось, а после 28-суточной экспозиции потери массы образцов составили не более 1,4 %. Термический анализ полиформальоксиматов показал, что эти полимеры обладают хорошей термической стойкостью (табл. 2).

Таблица 1

Приведенная вязкость, молекулярная масса, данные элементного анализа и ИК-спектроскопии синтезированных ПФО

Полимер	$\eta_{\text{прив}}$ в хлороформе дл/г	M_w	Элементный анализ*			Данные ИК-спектроскопии ν, cm^{-1}
			C, %	H, %	N, %	
ПФО-I	0,66	75557	<u>69,13</u> 68,92	<u>5,27</u> 5,41	<u>9,31</u> 9,46	1053 $-\text{CH}_2-\text{O}$; 1242 Ar-O-Ar ; 1406–1412 C=N ;
ПФО-II	0,43	42675	74,05 74,49	<u>5,98</u> 6,30	<u>6,08</u> 6,30	1053 $-\text{CH}_2-\text{O}$; 1406–1412 C=N ;
ПФО-III	0,35	32432	<u>75,78</u> 75,89	<u>6,12</u> 5,93	<u>5,27</u> 5,53	1053 $-\text{CH}_2-\text{O}$; 1365 $\text{CH}_3 \text{ sym.}$; 1406–1412 C=N ;

* В числителе – найдено, в знаменателе – вычислено.

Таблица 2

Данные ТГА для полиформальоксимата ПФО-I

Среда	Потеря массы, % и температура, K				
	2 %	10 %	20 %	50 %	Коксовый остаток
Аргон	443	533	563	923	45 % при 998 K
Воздух	443	533	583	833	-

Было установлено, что синтезированные полимеры хорошо совмещаются с промышленными полимерами и образуют композиты с улучшенным комплексом эксплуатационных свойств. Так, по комплексу положительного воздействия на полибутилентерефталат полиформальоксимат в малых количествах (~ до 1 масс.%) может быть использован в качестве химически модифицирующей добавки [3]. При образовании такого композита увеличивается коксовый остаток, температура начала термоокислительной деструкции (окислительные процессы не наблюдаются до температуры 663 К, а в области 733–743 К происходит структурирование композита), ПТР можно уменьшать до величин, удобных для переработки ($\approx 2,4$ раза).

Библиография

1. Мусаев Ю.И. Особенности синтеза и механизмы реакций получения полиарилатов, простых ароматических полиэфиров и полипирролов в неводных средах: дис. ... доктора хим. наук. – Нальчик, 2004.
2. Патент РФ № 2261878. Полимерная композиция / Мусаев Ю.И., Мусаева Э.Б., Машуков Н.И., Микитаев М.А., Квашин В.А. // БИ. – 2005. – № 10.
3. Мусаев Ю.И., Мусаева Э.Б., Микитаев М.А., Квашин В.А., Беданокоев А.Ю. Полибутилентерефталат, модифицированный полиформальоксиматом // Материаловедение. – 2006. – № 7. – С. 21–25.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «Известия Кабардино–Балкарского государственного университета»

Для публикации в журнале «Известия Кабардино–Балкарского государственного университета» принимаются статьи на русском или английском языках, содержащие результаты актуальных фундаментальных и прикладных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ.

1. Основные документы, необходимые для публикации

1.1. Один экземпляр статьи в бумажном виде и на электронном носителе отдельным файлом (на диске (дискете); на наклейке диска (дискеты) (**обязательно!**) указываются фамилия автора (авторов) и название статьи.

1.2. Полные сведения об авторе (авторах) на русском и английском языках в бумажном виде и в электронном варианте, оформленном отдельным от статьи файлом, который включает в себя следующие данные:

- фамилия, имя, отчество (полностью) (каждого автора);
- место работы (наименование организации), ученая степень, ученое звание, должность (каждого автора);
- контактные телефоны, почтовый индекс и адрес, адрес электронной почты(e-mail) (каждого автора).

1.3. Сопроводительное письмо на бланке учреждения, где выполнена работа.

1.4. Внешняя рецензия доктора наук (по желанию).

1.5. Акт экспертизы о возможности опубликования в открытой печати – для физико-математических, химических, биологических, технических, экономических наук и науки о земле.

1.6. Справка об учебе в аспирантуре или докторантуру для аспирантов и докторантов;

1.7. «Лицензионный договор» (один на авторский коллектив) в 2-х экз. Без Договора статья не выходит из печати. Текст Договора размещен на сайте журнала «Известия КБГУ».

2. Правила оформления статьи

2.1. Объем статьи в пределах 15 страниц формата А4, полуторный интервал, размер шрифта Times New Roman Cyr 14 пт; поля страницы: слева – 3 см, справа – 1 см, сверху – 2,0 см, снизу – 2,5 см.

Краткие сообщения в пределах 3 машинописных страниц, включающих не более 2 рисунков и 2 таблиц.

2.2. Статья должна включать:

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- название статьи (*на русском и английском языках*);
- фамилия, имя, отчество автора (авторов) (*на русском и английском языках*);
- реферат статьи (*до 500 знаков*) (*на русском и английском языках*);
- ключевые слова (*5–7 слов*) (*на русском и английском языках*);
- текст статьи, отражающий цель исследования, методы работы, собственно исследования, конкретные выводы;
- библиография (в библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте; номер источника в тексте указывается в квадратных скобках – автоматическая нумерация ссылок не допускается);
- подпись автора (авторов).

2.3. Иллюстрации к статье (рисунки, фотографии) должны быть черно-белыми, четкими (разрешением не менее 300 dpi, расширение *.jpg.) и вставлены в текст. Обычный размер иллюстраций не более половины листа А4. Формулы и символы помещаются в текст с использованием редактора формул Microsoft Education. Таблицы вставляются в текст; ссылки на рисунки и таблицы обязательны; названия таблиц и подрисуночных подписей обязательны;

- 2.4. Нумерация страниц обязательна.
2.5. Тип файла в электронном виде – RTF.

При несоблюдении указанных правил, редакция оставляет за собой право не публиковать статью.

3. Порядок рецензирования

- 3.1. Научная рукопись направляется на рецензирование ведущим специалистам по направлению статьи (*внешнее и внутреннее рецензирование*).
3.2. Результаты рецензирования редакция направляет автору по электронной почте.
3.2. По результатам рецензирования редколлегия принимает решение о целесообразности опубликования материала, о чем дополнительно сообщается автору.

Статьи представляются в редакционно-издательский отдел ИПЦ КБГУ.

Адрес ИПЦ КБГУ: 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Контактный телефон: (8662) 72-23-13.

Е-mail: rio@kbsu.ru, izvestia_kbsu@mail.ru. Е-mail адреса защищены от спам-ботов, для его просмотра у Вас должен быть включен Javascript.

Ответственный секретарь редакции – Шогенова Марина Чашифовна.

После положительного решения редколлегии о публикации статьи в журнале «Известия КБГУ» автор (или авторы) статьи перечисляют на р. сч. КБГУ деньги из расчета **500 руб.** (в т.ч. НДС) **за страницу рукописи.**

Назначение платежа: редакционно-издательские услуги («Известия КБГУ»), код дохода 07430201010010000130, разрешение № 0732069510 от 30.03.05 г. пункт 1. В стоимость входят расходы доставки журнала по территории России. Автор (или авторы) статьи получают 2 экземпляра журнала бесплатно.

Для выкупа дополнительных номеров журнала необходимо передать в редакцию (ИПЦ КБГУ) письмо-заявку с указанием номера и количества экземпляров журнала и перечислить на р. сч. КБГУ деньги из расчета 250 руб. (в т. ч. НДС) за один экземпляр журнала с назначением платежа: редакционно-издательские услуги (за журнал «Известия КБГУ»), код дохода 07430201010010000130, разрешение № 0732069510 от 30.03.05 г. пункт 1.

Реквизиты КБГУ для платежей:

УФК по КБР (КБГУ, л. сч. 03041А30070), ИНН 0711037537, КПП 072501001, р. сч. 40503810200001000090 в ГРКЦ НБ Кабардино-Балкарской Республики Банка России г. Нальчика, БИК 048327001. Кор. сч. НЕТ. ОКАТО 83401000000.

Копия платежного документа передается или высылается в редакцию журнала по электронной почте.

**ИЗВЕСТИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**PROCEEDING OF THE
KABARDINO-BALKARIAN
STATE UNIVERSITY**

ТОМ II, № 2

Редактор *Л.З. Кулова*
Компьютерная верстка *Е.Л. Шериевой*
Корректор *Л.З. Кулова*

В печать 25.04.2012. Формат 60x84¹/₈.
Печать трафаретная. Бумага офсетная. 13.02 усл.п.л. 13.0 уч.-изд.л.
Тираж 1000 экз. Заказ № .
Кабардино-Балкарский государственный университет.
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Полиграфическое подразделение КБГУ.
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.